

Евгений Голубинский

**История русской церкви
Период второй, Московский
Том II:
От нашествия монголов
до митрополита Макария включительно
Вторая половина тома, Глава шестая:
Монашество**

Содержание

I

Постепенное умножение количества монастырей: собственных или настоящих. Подвижники, которые сами для себя начали строить монастыри. Причины появления сонма подражателей преп. Сергию Радонежскому; построение монастырей в пустыне; общежитие; запрещение входа женщин в монастыри; построение монастырей в таких местностях, где их дотоле не было. После ревности подвижников слишком быстрое умножение числа монастырей в XIV-XVI вв. объясняется обнявшими и охватившими всех монахов человеческими страстями — славолюбия, честолюбия, властолюбия и корыстолюбия.

Препп. Сергей и Герман Валаамские.

Преп. Сергей Радонежский. Его жизнь до пострижения в монашество. Пострижение в монашество, построение Троице-Сергиева монастыря и жизнь в нем до погребения в игумены. Его настоятельство в монастыре. Дар чудотворений еще во время жизни. Кончина. Троицкий монастырь.

Преп. Кирилл Белозерский. До пострижения в монашество. Пребывание в Симоновом монастыре — в Белозерье. Монашеский устав его. Отношение его к вопросу о монастырских селах или вотчинах. Последние годы его жизни. Преп. Кирилл — как великий подвижник и учитель.

Монастыри несобственные и их количество. Монахи безмонастырные. Количество монахов.

II

Разделение монастырей на классы в отношении к праву собственности на них: монастыри ктиторские (княжеские, частных богатых людей, общинные, вкладчицы (эти вкладчики — дружинники?), принадлежавшие известному количеству, артелям

вкладчиков); самостоятельные или самовластные. Домовые архиерейские, приписанные к другим монастырям посессионные или находившиеся во временном владении.

III

Разделение монастырей на классы в отношении к характеру жизни монахов: особножитные, общежитные (строгие и нестрогие), сохранившие уставы и грамоты основателей строгообщежитных монастырей, скиты. Устройство управления и быт в каждом классе монастырей. Прием в монастыри желающих.

Общежитные монастыри (строгие и нестрогие). Уставы монашеской жизни и «Духовные грамоты»: преп. Евфросина Псковского. Преп. Иосифа Волоколамского. Корнилия Комельского. Антония Сийского. Герасима Болдинского.

Грамоты представителей церковной власти о введении в монастырях общежития: архиепископа Суздальского Дионисия. Неизвестного митрополита (св. Ионы?). Митр. Макария.

Число монастырей, в которых вводится было строгое или настоящее общежитие. Отсутствие определенного греческого устава строгого общежития. Об уставах этого общежития в наших монастырях.

Устройство управления в монастырях общежитных: игумен-архимандрит, уставщик и головщик, келарь и казначей, подручные им служебники и чиновники. Устройство управления в монастырях малых. Право избрания игуменов: в монастырях ктиторских; в монастырях общежитных самостоятельных. Предписание об избрании простых чиновников. Власть игуменов-архимандритов монастырей, соборные старцы.

Управление в монастырях особножитных: чиновники церковные. Избрание игуменов. Рядовое население их прихода.

Правила относительно пострижения в монашество. Великая схема. Насильственное пострижение в монашество.

IV

Качественность нравственной жизни монахов.

Монашество как целое и как частный процент его; монастыри с строгим общежитием, с общежитием пустынным. Строгая нестяжательность и другие монашеские подвиги. Подвижники монашества, прославленные церковью и непрославленные. Особые виды подвижничества: пещерничество. Молчальничество. Отходничество. Юродство.

Жизнь монахов особножитных монастырей; — не строгообщежитных. Заключение. Монашеские пороки: пьянство и женолюбие. Жизнь монахов безмонашеских. Жизнь настоятелей монастырей: особножитных и общежитных.

Постановления и предписания Стоглавого собора относительно монашества или монастырей и монахов. Взгляд советников царя Ивана IV на недостатки монашеской жизни. О строгом общежитии. Недостатки жизни монашеской, по указанию собора. Ответы соборные на предложение царя: общее увещание; относительно пьянства и горячего вина или хлебной водки; относительно робят голоусых; относительно трапезы и гостей; относительно выхода из монастырей и житья вне их как чернецов, так и самих архимандритов и игуменов; относительно непокупания архимандритами и игуменами мест и недержания ими у себя детей и племянников; относительно того, чтобы архимандриты и игумены заведывали монастырскими хозяйствами и описывали дворецкие государя; относительно женок и девок; относительно мона-

хов и монахинь, скитавшихся в миру; — скитавшихся по городам и по селам со святыми иконами и пр.; относительно пустынников-обманщиков; относительно пьянства. — Плоды всех этих предписаний.

V

Средства содержания монастырей и в частности их земле- и вотчинное владение.

VI

Церковно-общественное значение монашества.

Общественное значение монашества как целого и избранных единиц его. Апостольско-миссионерская деятельность наших монахов по обращению в христианство инородцев-язычников: преп. Кирилл Челмогорский, преп. Лазарь Муромский или Мурманский, преп. Стефан Пермский, преп. Евфимий Корельский, преп. Зосима Соловецкий; обращение лопарей и инородцев по берегам р. Пинеги, преп. Феодорит Кольский и Трифон Печенгский и другие пустынники. Заботы монахов о построении и устройении храмов. Монахи как учителя мирян. — как обличители всяких неправд, творимых одними людьми другим и всякого деспотизма и варварства одних людей над другими. Благотворительность их неимущим: странно- и нищепитательство, во время неурожаев хлеба и голодов. Заслуги монашества для просвещения и монастырские библиотеки учительных книг. О заслугах их для колонизации страны.

Общее заключение о монашестве.

Приложения

1. Списки монастырей XIII-XIV вв. в Московской или Северной Руси.
2. Монастыри Юго-Западной Руси в XIII-XVI вв.
3. Подвижники XIV-XVI вв.
4. Челобитная царю Ивану IV о введении общежития в Московских монастырях.

I

Постепенное умножение количества монастырей: собственных или настоящих и явившиеся в истории этого умножения преобразователями преп. Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский. Монастыри несобственные и их количество. Монахи безмонастырные и их количество.

Речи о постепенном умножении у нас числа монастырей в рассматриваемое нами время мы должны начать с оговорки. Наши монастыри периода до-монгольского должны быть разделяемы на два класса: на монастыри несобственные, состоявшие из монашеских так сказать слободок при мирских приходских церквях, и монастыри собственные, каковы в настоящее время все вообще наши монастыри. На те же два класса разделялись наши монастыри и в рассматриваемое нами время. Мы можем и будем говорить о постепенном умножении числа монастырей только второго класса или собственных. Что же касается монастырей первого класса или несобственных,

то мы вовсе не имеем сведений о постепенном их умножении. Монастыри эти, представлявшие собою не более, как только терпевшееся злоупотребление, нисколько не принадлежали к числу предметов или явлений церковного быта летописных; ни общие наши летописи не упоминают о них ни единым, нарочитым или ненарочитым, словом, ни их обитатели вовсе не доходили до того притязания, чтобы, прославляя злоупотребления, составлять и вести их частные летописи. Если мы знаем о существовании этих монастырей, то вовсе не из каких-нибудь нарочитых исторических сказаний, а из гражданско-административных актов, не имеющих никакого отношения к истории; мы знаем о них из так называемых Писцовых книг, которые, говоря обо всем, что стояло на подлежащих описанию землях, говорят вместе с другим и об этих монашеских слободках, которые они представляли собою и которые находились при некоторых из мирских приходских церквей.

В период домонгольский, обнимаемый 250-ю годами, во всей вообще Руси, как Южной, так и Северной, собственных или настоящих монастырей было устроено до 85-90-ста¹. В рассматриваемое нами время, обнимаемое 324-мя годами, явилось этих монастырей в одной Северной или Московской Руси, которая подлежит здесь нашим речам, до [425], а может быть и гораздо более (о чем ниже). Следовательно, в наше время в Северной или Московской Руси монастыри умножались с несравненно большею быстротой, нежели в период домонгольский во всей вообще Руси.

В отношении к этой быстроте умножения монастырей рассматриваемое время разделяется на две неравные части или на два отдела: первый составляют первые сто с лишним лет до половины XIV века; второй составляют остальные двести слишком лет до смерти митр. Макария. В первые сто лет умножение количества монастырей шло так же медленно, как и в период домонгольский, а во вторые двести лет оно шло весьма быстро; именно — в первые сто лет их основано не более, как до 40-45-ти², а все остальное их множество явилось в остальные двести лет.

В первые сто лет умножение количества монастырей шло так же медленно, как и в период домонгольский, потому, что продолжало совершаться тем же самым способом, как и в этот последний; во вторые двести лет оно шло весьма быстро потому, что с половины XIV начало совершаться и во все остальное время совершалось новым способом. Самые первые настоящие монастыри явились у нас в России не таким образом, что сами монахи построили их для себя своим собственным трудом, а таким образом, что построил их вел. кн. Ярослав Владимирович, с тем, чтобы в эти готовые, построенные им, монастыри собрать монахов, которые монашествовали дотоле безмонастырно или в монастырях несобственных. В след за монастырями, явился у нас и монастырь, построенный самими монахами, это — Антоние-Феодосиев Печерский. Но монастырь Печерский, при всей своей славе, которую он весьма скоро приобрел, и при всем своем процветании,

которого он столь же скоро достиг, вовсе не послужил образцом строения для последующих наших монастырей. Эти последующие настоящие монастыри периода домонгольского в решительно наибольшей своей части явились таким же образом, как и самые первые, т.-е. быв строены не самими монахами, своим собственным трудом, но для монахов или князьями, или частными людьми богатыми. Но если наши монахи периода домонгольского еще вовсе не имели охоты и ревности строить для себя настоящих монастырей своим собственным трудом, то и князья с частными людьми богатыми вовсе не знаменовали себя в этом отношении особенной ревностью. Заботясь о самих себе (о своих душах), князья строили свои семейные монастыри, которые бы служили поминовенными местами для их родов, но чтобы заботиться о строении настоящих монастырей для помещения в них всех монахов, монашествовавших безмонастырно или в монастырях несобственных, то об этом они вовсе не заботились; да при том и о самых семейных или родовых монастырях, сколько знаем, заботились они далеко не все. Что касается до частных людей богатых, то имели или не имели бы они ревность устроить родовые поминовенные монастыри, но у нас не повелось обычая, чтобы они ровнялись в этом отношении с князьями, и только один особый и не настояще княжеский Новгород представлял в сем случае исключение. Не особенно ревностные об устройении семейных или родовых монастырей князья, а в Новгороде столько же не особенно ревностные об этом частные люди богатые, настроили в продолжение периода домонгольского столько монастырей, что на каждое полстолетие периода приходится их приблизительно до 17-18-ти. В продолжение первого столетия рассматриваемого нами времени монахи наши еще не брали на самих себя (или в весьма малой степени) строение настоящих монастырей, как и в период домонгольский, продолжая оставлять заботу об этом князьям и частным людям богатым, и так как последние (князья и частные люди) не приобрели большей ревности к строению монастырей, а продолжали оставаться при той же не особенно великой ревности, что и в период домонгольский, то по этой причине в течение нашего столетия явилось у нас настоящих монастырей немного более, чем в таковое же продолжение времени периода домонгольского. Впрочем, по точнейшему соизмерению времен все-таки мы должны сказать, что довольно значительно более, ибо когда мы говорим о периоде домонгольском, то разумеем всю вообще Русь, а когда говорим о нашем столетии, то разумеем только Русь Северную, Московскую. Затем, наше довольно значительно большее число должно было бы быть и еще большим по крайней мере на один десяток монастырей, если бы тотчас после нашествия Монголов не последовало изменения политических взглядов князей в одном отношении. Для князей периода домонгольского, проникнутых идеею рода или семьи, Киев, столица великого княжения, составлял такое общее родовое достояние, что каждая частная княжеская семья, члены которой по правам старшинства или

вообще наследования занимали великокняжеский престол, усердно заботились о построении в ней как бы своего нарочитого дома, чрез построение в нем своего семейного монастыря, вследствие чего и настроено было в Киеве (ничьем и общем) такое сравнительное множество монастырей. Князья нашего столетия, тотчас после нашествия Монголов начавшие переходить от идеи рода к идее государства, не смотрели на столицу своего великого княжения — Владимир так, как их домонгольские предшественники на Киев, и видели свои действительные столицы в стольных городах своих уделов, а вследствие этого из длинного ряда великих князей нашего столетия ни один не построил во Владимире ни одного монастыря³.

С половины XIV века настала новая эпоха в истории умножения или размножения наших монастырей. В лице преп. Сергия Радонежского явился подвижник, который, подобно Феодосию Печерскому, возымел помысл основать себе монастырь без чужого или своего злата и серебра слезами, пощением, молитвою, бдением. Пример Феодосия Печерского в XI веке на нашел себе подражателей; но пример Сергия Радонежского в нашей половине XIV века внезапно пробудил целый многочисленный сонм продолжателей, который и последовал за ним целым, непрерывным, рядом и можно сказать — целою непрерывною толпой. Ревность о строении монастырей, внезапно пробужденная примером преп. Сергия в подвижниках, изменяя затем свой характер, обняла и охватила, как человеческая страсть, всех вообще монахов. И плодом ревности подвижников и человеческой страсти вообще монахов, преимущественно последней, последовавшей в след за первой и под ее прикрытием, и было то, что в продолжение наших двух столетий было настроено в Московской Руси указанное нами выше великое множество монастырей.

Топографическому обозрению монастырей, явившихся у нас в продолжение первого столетия (от нашествия Монголов до половины XIV века) и построенных наибольшею частью князьями, мы должны для ясности предпослать обзор государственного разделения за наше время Северной или Владимирско-Московской Руси на области и на княжения. Русь эту за наше время составляли: область Новгородская с частнейшею волостью Псковскою; великое княжество Владимирское, у котором открыты или образованы были, или которое подразделено было на частнейшие уделы: Юрьевский (города Юрьева Польского), Суздальский, Тверской (подразделявшийся с 1319 г. на два удела — Тверской и Кашинский), Костромской, Галичский, Переяславский, Городецкий и Московский; княжество Ростовское, в котором перед нашествием Монголов (в 1218 г.) был открыт частнейший удел Ярославский, а тотчас после нашествия Монголов два частнейших удела — Белозерский и Угличский; княжество Муромское; княжество Рязанское с частнейшим уделом Пронским; княжество Смоленское с домонгольским частнейшим уделом Торопецким и послемонгольскими — Вяземским и Можайским. В Новгороде

и его области в продолжение нашего столетия явилось восемь монастырей, из которых три были построены Новгородскими архиепископами⁴, два самими монахами⁵, один настоятелем прежде существовавшего монастыря⁶ и один — неизвестным или неизвестными⁷. Во Пскове и его волости явились в продолжение нашего столетия два монастыря, из коих один был построен одною княгиней⁸, а другой — неизвестно кем⁹. В столице великого княжения Владимире не было построено в течение нашего столетия ни одного монастыря ни великими князьями, ни кем бы то ни было, а в его собственной области был построен неизвестно кем один монастырь¹⁰. В частнейших уделах великого княжения явились монастыри: в Юрьеве Польском — один, построенный, как должно думать, первым здешним удельным князем Святославом Всеволодовичем (... 1252)¹¹; в Суздале — один, построенный Александром Ярославичем Невским¹²; в Твери и ее области — четыре, из коих один построен супругой второго здешнего князя Михаила Ярославича¹³, два — богатыми боярами, постригшимися в монахи¹⁴, и один — неизвестно кем¹⁵; в Костроме и Галиче с их областями не было построено ни одного монастыря; в Переяславле — один, построенный неизвестно кем, но по всей вероятности — которым либо из двух здешних удельных князей (Дмитрий Александрович и Иван Дмитриевич, последний ... в 1302 г.)¹⁶; в Нижнем Новгороде — один, построенный, не знаем — богатым или бедным, монахом¹⁷; в Москве — три, из коих два построены князем Даниилом Александровичем¹⁸, а один — вел. князем Иваном Даниловичем Калитой¹⁹. В княжестве Ростовском с его частнейшими уделами явилось четыре монастыря, именно: в самом Ростове — один построенный супругой князя Василья Константиновича Марией Михайловной²⁰; близ Ярославля — один, построенный Ростовским епископом²¹; в Белозерьи — два, построенные первым тамошним князем Глебом Васильковичем²². В княжествах Рязанском и Смоленском не явилось ни одного монастыря. В княжестве Муромском явился один монастырь, построенный неизвестно кем, но вероятно кем-либо из князей Муромских²³.

Мы сказали, что ряд подвижников, которые сами для себя начали строить монастыри, пошел от преп. Сергия Радонежского с половины XIV века. К этому должна быть сделана однако некоторая оговорка. Непрерывный ряд таких подвижников действительно пошел от преп. Сергия; но отдельные немногие единицы их были и прежде него; по крайней мере мы можем указать на двоих нашего рода подвижников, которые трудились в создании истинно монашеского, так сказать, монастыря непосредственно перед самим Сергием, хотя, как должно думать, и оставались совершенно неизвестными ему по отдаленности от него места своих подвигов; это — препп. Сергий и Герман Валаамские, которые начали созидание своего монастыря в Новгородской области, на Валаамском острове Ладожского озера, после 1329 г. Непрерывный ряд нашего класса подвижников, пошедший от преп. Сергия,

как мы сказали, очень длинен; считая по год смерти митр. Макария всех подвижников может быть названо до [31] лица. Они суть в самом XIV веке: Мефодий Песношский, Авраамий Галичский, Иаков Железоборовский, Сильвестр Обнорский, — все четверо ученики преп. Сергия, Евфимий Суздальский, Лазарь Муромский, Стефан Махрицкий, Феодор и Павел Ростовские, Григорий и Кассиан Авнежские, Димитрий Прилуцкий, Кирилл Белозерский, Ферапонт Белозерский, Арсений Коневский; в XV веке: Дионисий Глушицкий, Сергей Нуромский (отчасти ученик преп. Сергия), Павел Обнорский, Григорий Пельшемский (ученики преп. Сергия), Зосима и Савватий Соловецкие, Макарий Колязинский, Иннокентий — ученик преп. Нила, Александр Куштский, Евфимий Сянженский [и Евросин Псковский]; в XVI веке: Корнилий Комельский, Стефан Озерской или Комельский, Трифон Печенгский, Герасим Болдинский, Нифонт Телеговский, Феодосий Тотемский (по просьбе жителей)²⁴. Некоторые основали по одному монастырю, другие по два, по три и по четыре, так что всех монастырей [основано ими 37].

Если пример преп. Сергия внезапно вызвал многочисленный сонм подражателей, то, конечно, это было не без каких-нибудь причин. В современных памятниках, сколько знаем, причины прямо не указываются, не объясняются, и мы можем только предполагать их. Характеристическую особенность построения преп. Сергием его монастыря составляет то, что он построил его в пустыне (хотя после построения монастыря пустыня весьма скоро и перестала быть таковой), тогда как дотоле монастыри были строимы в городах или близ городов. Мы примечаем, что эта характеристическая особенность остается таковой же особенностью и относительно большей части монастырей, построенных его подражателями, т.-е. что большая часть и этих монастырей также была построена в пустынях, и мы уверены, что тут указывается нам одна из причин, почему пример преп. Сергия внезапно вызвал многочисленный сонм подражателей. Монашество по своей идее есть пустынножитие, чем оно и было у Греков в первые времена. В позднейшее время, которое впрочем настало очень скоро после первых времен, ибо эти первые времена в смысле процветания монашества были весьма непродолжительны, монахи греческие, совершенно забыв про идею, возвратились из пустынь в города (сft. I-го т. 2-ю полов., стр. 528/636). После принятия нами христианства наши монахи начали монашествовать не по примеру первых и древних монахов греческих, а по примеру современных им, т.-е. в тех же городах, что и последние, как это и пошло потом у нас. Но людям, которые не обречены на безвозвратную духовную смерть, а призваны жить, естественно то, чтоб с течением времени они приходили к сознанию своих недостатков и чтобы, пробуждаясь от сна, они воскрешали в себе идеалы вещей. Наши монахи долгое время монашествовали не так, как этому надлежит быть, а как они научились от монахов греческих: но наконец они, взирая на первые и на древние образцы, дошли до сознания того, что монашествование в миру

не есть настоящее монашество, что это последнее есть пустынножитие. И вот, преп. Сергей, быв первым деятельным выразителем этого сознания, потому внезапно и нашел себе многочисленных последователей, что оно — это сознание не было его только личным сознанием, но стало общим сознанием лучших представителей монашества. Некоторые из монастырей, основанных в пустынях, весьма скоро потом переставали быть пустынными, в том числе и прежде всех других — монастырь самого преп. Сергия. Но это вторжение мира к монастырям в пустыни зависело не от основателей монастырей; и многие из ревнителей истинного монашества бежали из монастырей, которые, быв основаны как пустынные, переставали быть таковыми, чтобы основывать новые пустынные монастыри.

Другую характеристическую черту монастырей, основанных подражателями преп. Сергия, составляет то, что все они, в след за ним самим, вводили в своих монастырях общежитие. Эти, как необходимо думать, указывается другая причина, почему преп. Сергей внезапно нашел многочисленных подражателей со стороны монахов в строении собственных монашеских монастырей. Как по своему месту монашество должно быть пустынножитием, так по своему внутреннему устройству оно должно быть общинножитием. Позднейшие монахи греческие, совершенно забыв про пустыни, вместе

с тем почти совершенно изгнали от себя и общинножитие, заменив его измышленным или так называемым оснобножитием (сfr. *ibid.* стр. 502/607). Наши первые русские монахи, последуя примеру современных им монахов греческих, усвоили себе, как образ своей жизни, оснобножитие вместо общинножития, а преп. Феодосий Печерский, сделавший было попытку ввести у нас последнее, потерпел с своею попыткою совершенную неудачу. Но если преп. Феодосий Печерский на первых порах нашего монашества совершенно безуспешно пытался ввести у нас общинножитие, то созерцание жизни оснобножителей, со всею ее неприглядностию, переходившею в полное безобразии, продолжавшееся в течение нескольких столетий, привело лучших представителей нашего монашества к тому, что наконец сами они признали ее не жизнью, а житишком²⁵, и возгорелись желанием о водворении у себя истинно-монашеской и отечески-заповеданной жизни общинной. Это возгоревшееся желание и было причиною, что преп. Сергей внезапно нашел себе многочисленных подражателей в деле строения собственных монашеских монастырей.

Не имеем мы достаточного количества положительных данных, но со всею вероятностию думаем, что должна быть предполагаема еще третья причина, почему преп. Сергей нашел себе многочисленных подражателей. Одно из настоятельных и даже настоятельнейших предписаний, читаемых в отеческих уставах монастырям, составляет то, чтобы последние отнюдь не входны были для женщин; это читается и в уставе Феодора Студита (собственно — патр. Алексея), который был введен у нас преп. Феодоси-

ем Печерским (I-го т. 2-я полов., стр. 516/623, см. также стр. 530/637 и 638 нач./789). Между тем наши русские монастыри были доступны для женщин и не только в том смысле, что они свободно входили в них, но отчасти и в том, что они жили в них совместно с монахами²⁶. Так как мы считаем за весьма вероятное думать, что если не все подражатели преп. Сергия, то весьма значительная их часть, строя свои собственные монастыри, между прочим имели в виду то, чтобы создавать монастыри, не входные для женщин. Весьма немного известно нам уставов или духовных грамот, оставленных нашими основателями монастырей созданным им монастырям; но эти немногие уставы или грамоты вполне подтверждают наше предположение: из четырех, известных нам, уставов в трех строго запрещается вход женщин в монастыри, а если в четвертом не читаем этого запрещения, то может быть, только потому, что устав известен нам в вольной и сокращенной передаче, в которой запрещение опущено²⁷.

Кроме сейчас указанных нами трех побуждений, по которым со времени преп. Сергия ревнители истинного монашества строили свои собственные монастыри, должно быть указано еще четвертое. Это — побуждение, при котором ревнители монашества имели в виду не самих себя — монахов, а мирян, и которое имеет не общий характер, как указанные, а частный. Оно состояло в том, что ревнители монашества, считая полезным для мирян монахов и монастыри, воздвигали монастыри в таких местностях, где их до толе не было.

Мы сказали, что большая часть монастырей нашей категории была построена в пустынях. Пустынь в старое время было довольно во всей Московской Руси, и монастыри действительно настроены на пространстве всей ее, за исключением впрочем областей Рязанской и Муромской, в которых за взятое время нам неизвестно их (монастырей нашей категории). Но была одна знаменитая своими пустынями или своею пустынною область, в которой пришлыми и своими местными подвижниками было настроено их более, чем где-нибудь и вообще очень много, это именно — область Вологодская. Начало пустынным монастырям положил здесь [Стефан Махрицкий], за ним [преп. Дмитрий Прилуцкий и др.] и потом построено было всех монастырей [38].

Мы сказали, что другое после ревности подвижников, чем должно быть объясняемо слишком быстрое умножение числа монастырей в продолжение наших двух веков, составляла обнявшая всех монахов человеческая страсть, именно, говоря точнейшим образом, страсти — славолубия, честолюбия, властолюбия и корыстолюбия. Должно однако сделать оговорку, что если в предшествующее время главнейшим образом не сами монахи были виновниками умножения числа монастырей, то наоборот в настоящее время были таковыми виновниками не исключительно они одни с их побуждениями хорошим и худым. По сравнению с самими монахами, князья вовсе пере-

стали быть в настоящее время главными умножителями числа монастырей; но они продолжили строить их, как и в прежнее время. За предшествующее время мы знаем немного примеров, чтобы монастыри строили предстоятели церкви — митрополиты и епископы; за настоящее время мы знаем этих примеров гораздо более. Частные люди богатые и теперь продолжали строить монастыри, как прежде, и можно думать, что в наше время это вошло между ними в больший обычай, чем прежде. За прежнее время мы не знаем примеров, чтобы строимы были монастыри мирскими общинами известных местностей; за настоящее время мы знаем подобные примеры. Князья продолжали строить в наше время монастыри или в благодарность Богу за явленные им благодеяния (Дмитрий Иванович построил по этому побуждению один монастырь) или вообще по своей ревности об умножении числа монастырей и так сказать о благоуукрашении ими своих областей или же как свои домовые (придворные). Предстоятели церкви — митрополиты и епископы построили в настоящее время более монастырей, чем в предшествующее, по всем трем сейчас указанным причинам (в благодарность Богу за благодеяние был построен один монастырь митр. св. Алексеем). Частные богатые люди строили монастыри по третьему из указанных нами побуждений; но, вероятно, отчасти также и по двум первым. Мирские общины иногда строили или устроили у себя монастыри в тех случаях, когда в их ближайших округах не было последних; побуждениями для них при этом служило — или то, чтобы иметь свой монастырь для поминаения умерших²⁸, или то, чтобы иметь свой монастырь для пострижения в монахи престарелых и вообще желающих между их (общин) членов²⁹. Всех монастырей, построенных в наши два столетия князьями, предстоятелями церкви, частными людьми богатыми и мирскими общинами, нам известно до 20.

Из числа монастырей, построенных в продолжение наших двух столетий самими монахами, мы усвоили их ревнителям истинного монашества до 40. Следовательно, после присоединения к этим 40 монастырям сейчас указанных 20, на долю монахов, водившихся при построении монастырей не ревностию по истинном монашестве, а названными выше страстями человеческими, останется огромная цифра [ок. 335] монастырей. Но подводить здесь точный итог было бы весьма поспешно и весьма неосновательно. Под именем ревнителей истинного монашества мы указали подвижников, которые прославлены церковью и в намерениях которых мы не имеем никакого основания сомневаться; но кроме подвижников, прославленных церковью, могли быть подвижники, которые остались непрославленными, а затем и между монахами, которые не имели сил на то, чтобы быть подвижниками, не все непременно могли водиться при строении монастырей только названными выше страстями человеческими. Если бы все число подвижников ограничивалось только теми, которых нарочито являет и прославляет Бог, то оно было бы слишком уж мало, и, не допуская этого противного делу до-

мостроительства понятия о благодати Божией, церковь твердо верует, что Бог нарочито являет и прославляет лишь отдельные избраннейшие единицы в целых сонмах своих подвижников. Некоторые и не немногие из монахов, которым не было дано стать подвижниками, могли строить свои монастыри, будучи побуждаемы тою же чистою ревностью, что и подвижники, но только ревностью не по разуму. Русское общество нашего времени до крайности не высоко было образовано христианским образованием; но и это крайне невысокое образование было уделом только весьма небольшого слоя общества, наибольшая же его часть была совершенно слепотствующею. В слепотствовавшей наибольшей части общества образовалось в наше время убеждение или верование, будто и устройство сколько бы то ни было плохого качественно и сколько бы то ни для кого ненужного монастыря было уже делом богоугодным. А водимые этим убеждением или верованием людей слепотствовавших и мняся службу совершати Богу не совсем немногие и даже довольно многие монахи из числа принадлежавших к среде слепотствовавшей и могли строить свои монастыри.

Но если таким образом недолжно и напрасно высчитать и обозначить точными цифрами, какое именно количество монастырей наших двух столетий обязано своим появлением простым человеческим страстям (славолюбию, честолюбию, властолюбию и корыстолюбию) то с другой стороны не может подлежать сомнению, что неопределенное и неизвестное количество этих монастырей вообще должно быть предполагаемо как очень большое. Отчасти исторические сведения о строении монастырей, главным же образом топографические сведения об их распределении по местностям, в связи с сведениями о степени их населенности или о количестве в них монахов, несомненным образом убеждают нас в том, что весьма значительное число монастырей было построено без всякой нужды, что весьма многие новые монастыри были строены, когда в данных местностях был или совершенный недостаток или даже и крайний излишек в монастырях и когда существовавшие монастыри не были переполнены монахами, но были населены ими весьма бедно или даже и вовсе стояли почти что пустыми. Следовательно, побуждением для основания весьма многих монастырей должно быть предполагаемо одно из двух — или указанная неразумная и слепая ревность или наши человеческие страсти. Ревность мы и предполагаем; но предполагать лишь только ее, или же предполагать, чтобы она была преобладающим мотивом строения вовсе ненужных монастырей, значит представлять себе умственную слепоту русского общества большею, нежели какую можно ее себе представлять. Совсем темный деревенский селянин, наделенный особенным чувством благочестия, мог в совершенно (полной) детской простоте сердца думать, что он сделает дело угодное Богу, если подле обители, состоявшей из келий трех-четырех, имеющих неполный комплект обитателей, он поставит своими трудами новую таковую же обитель и таким образом к славе Бо-

жией умножит в местности число обителей; но полагать, чтобы так думало и целое общество, значило бы вместо слепоты усвоить ему простую и совершенную глупость. Большинство общества, при своей невеликой умственной зрелости, действительно считало создание монастырей делом богоугодным, хотя бы и не было в них никакой нужды, но создание монастырей сколько-нибудь настоящих, а не простых пародий на них, каковые представляло собою почти все это множество монастырей, построенных самими монахами (т.е. монахами того класса, о котором говорим). Но большинство монахов-строителей мы не имеем никакого основания причислять к исключительно темным деревенским селянам, а, имея о них чрезвычайно мало положительных сведений в сем отношении, имеем всю вероятность причислять по крайней мере к рядовому большинству общества, если не к низшей части его слоя образованного и интеллигентного (в тогдашнем смысле). Так как слепая ревность есть нечто невменяемое (хотя и весьма достойное сожаления), а порочные страсти представляют собою нечто совершенно вменяемое: то некоторые более склонны были бы объяснять появление у нас в течение наших двух столетий великого множества монастырей не последними, а первою, как гораздо более нравственно извинительною. Но, как мы уже сказали, при этом мы должны были бы усвоить не только монахам, но и всему русскому обществу XIV-XVI века, такую слепоту ревности, которой при всем искусством о нем мнении усвоить ему невозможно. Положительные современные свидетельства, конечно, убедительнее всяких вероятностей невероятностей психологических и вообще всяких доказательств априорических, и мы имеем эти положительные современные свидетельства. Этих положительных современных свидетельств мы знаем очень немного, но все-таки знаем; и так [как] свидетельства — официального характера, исходящие от высшей власти гражданской и церковной, то они имеют всю свою полную силу. Именно — Царь Иван Васильевич в своих вопросах к Стоглавому собору и собор в своих предписаниях и приговорах прямо и ясно свидетельствуют, что пустыни, т.е. именно монастыри и монастырьки, о которых говорим, были создаваемы не по слепой невменяемой ревности, а по тем совершенно вменяемым нравственно побуждениям, которые мы указали, именно — тунеядству, корыстолюбию и тщеславию³⁰. Кроме свидетельства совершенно ясного знаем еще свидетельство не совершенно ясное. В житии преп. Павла Обнорского или Комельского рассказывается, что когда он пришел к митрополиту Фотию испросить благословения воздвигнуть церковь в основанном им монастыре, то митрополит сначала не только не дал было ему своего благословения, но и осыпал его бранью, и переменялся лишь после чудесного откровения, бывшего ему о нем (преподобном: «митрополит же не внимаше словесем преподобнаго, но и жестокая некая глагола ему»)³¹. В житии не объясняется, почему сначала митрополит не только не дал было преподобному своего благословения, а и осыпал его бранью; но представляется веро-

ятным подразумевать, что увидел в нем одного из тех просителей, которые основывали монастыри не по истинной ревности о монашестве, а преследуя удовлетворение своих порочных страстей. Время жизни митр. Фотия отстоит весьма не далеко от времени жизни преп. Сергия (последний скончался в 1392 г., а первый занимал кафедру в продолжение 1408-1431 годов); и если мы согласимся понимать рассказ жития преп. Павла так, как мы его понимаем, то из содержащего[ся] в нем свидетельства будет следовать, что монахи, начавшие у нас строить монастыри не по ревности о монашестве, а для удовлетворения своих страстей, явились слишком скоро в след за монахами, начавшими строить их по ревности³². Однако известные нам весьма подозрительные исторические примеры заставляют предполагать даже и гораздо больше того, а именно — что первые монахи явились почти одновременно с последними и что если преп. Сергий начал собою один ряд строителей, то из его же монастыря и при нем же самом вышел предначинатель и другого ряда. У преп. Сергия был племянник, по имени Феодор, сын его старшего брата Стефана, тоже монаха, но жившего не в его монастыре, который был приведен к нему отцом для пострижения в монашество 12-летним мальчиком. Выросши и удостоившись сана священства (как будто в молодых очень годах), Феодор неотступно начал просить у дяди дозволения основать свой собственный монастырь, получив наконец каковое, и основал Симоновский монастырь близ Москвы. Так как последующее, известное нам, поведение Феодора несомненно дает видеть нам человека честолюбивого³³, то весьма можно подозревать, что и свой монастырь, в котором не было никакой нужды, он основал главным образом из стремления к тем чести и славе, которыми потом до избытка и преизбытка он пользовался в Москве (Весьма можно подозревать немереный расчет и в том, что он поставил свой монастырь — с одной стороны не в Москве, а в пустыне, которая находилась на загумнах Москвы. Если Феодор сподобился быть причисленным к лику святых, то и между святыми нет ни одного, который бы был совершенно безгрешен, ибо вообще нет безусловно ни одного человека, который бы мог быть совершенно безгрешным)³⁴.

Наибольшая часть монастырей, построенных нашими монахами не по истинной ревности о монашестве, как уже мы давали знать, были ничтожными и весьма ничтожными монастырьками. Обносилось известное пространство земли «костровым» забором, немного лучшим того, каким в северной России огораживаются от скота крестьянами так называемые «новины», или даже и совсем таким; ставилась внутри пространства маленькая или же совсем крошечная деревянная церковь; срубалось от пятка до десятка келий, которые были именно кельями; собиралось в монастыре до пятка и много до десятка жильцов, — и вот монастырь. По видимому слишком не велико удовлетворение страстей — честолюбия, славолубия и властолюбия, чтобы быть основателем и начальником такого монастыря; а следовательно — не

представляется, по видимому особенно вероятным и то, чтобы предполагать сейчас указанные страсти мотивами к основанию наших монастырей. Но относительно удовлетворения страстей если всякий человек стремится в мыслях своих к слишком многому, то с другой стороны на деле всякий столь же усердно стремится к тому немногому, что для него возможно: всякий бы мечтал властвовать тысячами, но если это невозможно, то всякий столь же усердно [мечтал] добиваться властвовать по крайней мере и над единицами; всякий бы мечтал греметь славой на весь мир, но если это невозможно, то столь же усердно стремится греметь славой по крайней мере на свою деревню. Жалкий монастырь все-таки представлял из себя обитель, и его основатель славился на свою округу, как основатель обители; три-четыре монаха или пять-шесть монахов все-таки составляли братство и основатель монастыря властвовал над ними, как игумен. Не велико было удовлетворение славолубия и властолюбия, но оно доступно было для многих, и многие со всем усердием и со всем рвением, вообще со всею тою или другою страстью или обеими страстями вместе, к нему стремились. При том же мы вовсе не должны забывать, что все эти монастыри и братства, ничтожными будучи на наш взгляд, вовсе не были таковыми в глазах значительной, невежественнейшей части современников и что жалкий старый монастырь, по переводе так сказать на наш курс, равнялся нынешнему среднему монастырю, а быть не только основателем, но и просто игуменом-архимандритом среднего монастыря, как удостоверит в этом каждый нынешний монах, человеческая приятность ни сколько не шуточная. Много старое не умерло и до сих пор и может быть (иногда, в иных случаях, целыми страницами своей истории) созерцаемо в натуре. Есть в Греции одна специально монашеская местность, где очень много русских монахов. Монахи начинают монашествование в одиноких кельях, а потом некоторые из них устрояют маленькие монастырьки (и те и другие носят на месте специальные названия). Каждый из одиноких монахов, если он сознает в себе способности или обладает материальными средствами, со всею страстною настойчивостью стремится к тому, чтобы устроить монастырек, и те, которые действительно успевают стать основателем монастырька и начальником собранного братства, по большей части не в состоянии бывают скрывать, в каких своих чувствах они удовлетворены, достигнув своей цели. Когда мы были на месте и смотрели на этих монахов, стремящихся к устройению маленьких монастырьков и уже успевших устроить их, нам невольно припомнилось наше старое русское монашество и мы в состоянии стали живо представлять себе, как это в старое время могло быть настроено у нас такое множество монастырей.

Страсть корыстолюбия, как имеющая своим предметом нечто реально и осязаемое руками, во всяком случае довольствуется всем, что только приходит в руки и может быть прятаемо ими в сундук; между тем как мотив или стимул к основанию монастырей она должна была действовать в мо-

нахах со всею силою, ибо они видели, что их стремления в сем случае во все не напрасны. Маленький монастырек был для его основателя маленьким и даже немаленьким именем. Все наши монастырьки были по внешнему (хозяйственному) образу жизни монастыри особножитные. Но, не знаем мы — было ли взято у нас из Греции или самими основателями наших монастырей в своих интересах было уложено, только у нас в особножитных монастырях из всех доходов монастырских шла (принадлежала) игуменам, а следовательно — и прежде них основателям, целая половина³⁵. Между тем доходы эти большие или небольшие непременно должны были быть. При всем благочестии старых наших предков вовсе не было у нас так, чтобы — основал какой-нибудь монах монастырек или пустыню и в монастырек со всех сторон посылали вотчины; но основатели монастырей, став этими основателями, неустанно разъезжали по миру, вызывая о «благотворителях» (употребляем термин нынешних монахов), т.-е. о богатых людях, особенно расположенных к монашеству, и с такой бесстыдной и неотступной назойливостию (по всей вероятности, выработанною в целое искусство, в котором соединялись нахальство, лесть и всякое вранье) выпрашивали и вымаливали у них вотчин, что некоторые из них и успевали добывать если не вотчины, то вотчинки — селишка и деревнишки (см. выше [первой половины сего тома, стр. 656], слова Вассиана Косого). Еще с большим успехом должны были они выпрашивать у окрестных вотчинников и даже у самого царя населенных пахотных и сенокосных земель. Наконец, могли они и до самой половины XVI века в значительной степени успевали выпрашивать у царя денежную и хлебную ежегодную ругу. Но если бы какой-нибудь основатель монастыря был так несчастлив, не успел бы добыть себе совершенно ничего ни по одной из трех, сейчас указанных, статей дохода, то во всяком случае у него оставался еще верный доход, это — доход поминовенный. Монастыри, хорошие или худые, служили обыкновенными местами поминовения родителей для окрестных жителей. Не для каждого из основателей наших монастырей было возможно ставить иеромонахов, для совершения поминовенных служб, из собственного братства, так как не всегда в числе маленького братства могли находиться люди настолько грамотные, чтобы могли быть поставлены в иеромонахи; но для каждого легко было нанять бродячего мирского священника, которых было очень много, или бродячего иеромонаха, которых также было не мало³⁶. Наняв священника ли иеромонаха и выдавая им с остальными лицами, которые составляли служебный причт (т.-е. богослужебный) и которые были из самого братства или также нанимались, половину поминовенных доходов, как относительно этого существовал обычай³⁷, другую половину доходов основатель всю сполна брал себе, ибо братия не имела никакой части в этой статье доходов³⁸. Если мы представим себе с одной стороны, что основать наш монастырь совершенно ничего не стоило, а с другой стороны — что поминовенные доходы, большие

или малые, были верные, то мы поймем, как много одни эти доходы должны были побуждать корыстолюбивых монахов к тому, чтобы основывать свои собственные монастыри. Но так как каждый из корыстолюбивых монахов, конечно, соединял с основанием своего монастыря мечты о том, чего удавалось достигать счастливейшим между ними, — а счастливейшим удавалось создавать себе целые именья и настоящие имения, то мы поймем, каким чрезвычайно сильным стимулом для монахов должно было служить корыстолюбие к тому, чтобы основывать свои новые монастыри.

Мы сказали выше, что не может быть обозначено точными цифрами число монастырей, построенных монахами в продолжение двух столетий, о которых говорим, не по искренней ревности о монашестве, а во удовлетворение своих страстей — славолубия, властолюбия и корыстолюбия. Точно также и по той же самой причине, которая указана, не может быть обозначено точными цифрами и распределение этих монастырей по местностям. Но мы знаем, что все, указанное нами, число [ок. 335] монашеских (по строителям) монастырей (стр. 626) распределяется по местностям так, что их приходится: на Новгородскую [158], на область Псковскую [28],... и весьма вероятно предполагать, что наибольшее число наших монастырей было в тех местностях, в которых было наибольшее число вообще монашеских монастырей; следовательно, в областях Новгородской, Псковской, Вологодской и Московской.

Почему было наибольшее число наших монастырей в областях Новгородской и Вологодской, это совершенно понятно, а именно — потому, что в областях этих, очень обширных, было наибольшее количество свободных земель и что вообще здесь по причине обилия земель дорожили ими менее, чем где-нибудь. Старые предки наши обыкновенно представляются до чрезвычайности монахолюбивыми; очень может быть, что в таком представлении есть более или менее значительное преувеличение, как скажем об этом ниже; но, во всяком случае, дело вовсе не было так, чтобы пожелал какой-нибудь монах основать свой монастырь и ему во всяком месте предлагали бы к монастырю земли или земельных угодий столько, сколько бы он пожелал. Напротив, где земля была дорога (сравнительно), там не редко бывало так, что крестьянское население, опасаясь отхода от них земельных угодий к монастырям, весьма неблагосклонно встречало таких пришельцев к себе, как основатели монастырей, и употребляло усилия, иногда весьма энергические, чтобы выпроводить их от себя, — касательно этого мы имеем немало численные свидетельства³⁹. А по сейчас указанному нами основатели монастырей и должны были предпочитать области многоземельные, где бы они могли устраиваться без опасения неприятностей. Не совсем понятно или, лучше сказать, — совсем не понятно для нас множество монастырей в области Псковской: весьма маленькая область эта была вовсе не многоземельна, а между тем ее множество монастырей по пропорциональному отношению

к ее величине было не просто большое, а совсем огромное. Не должно ли подозревать, что здесь виновниками огромного множества монастырей были не монахи, а миряне, именно — что заправили и воротили в крестьянских общинах старались об основании в них общинных монастырей за тем, чтобы потом при заведывании в качестве мирских старост пользоваться их доходами, как пользовались доходами приходских церквей, о чем мы говорили выше (стр. 123) и о чем скажем еще ниже? Если бы это было так, то значило бы, что миряне в Псковской области старались создавать себе из монастырей те именьяца и имения, которые в других местах создавали себе из них монахи. — Что касается до области Московской, то здесь, не рассчитывая на большие земли или земельные угодья, монахи-основатели монастырей могли рассчитывать на хорошие денежные сборы в Москве.

Мы сказали выше, что в продолжение всего рассматриваемого нами времени, от нашествия Монголов до митр. Макария, монастырей построено было, может быть, и не [425] нам известных, а гораздо более. И это последнее совершенно вероятно. Если бы мы имели нарочитые списки монастырей за наше время, подобные напр. тем, какие имеются теперь, то, конечно, мы знали бы все их. Но подобных списков мы вовсе не имеем и знаем о монастырях — о немногих сравнительно, важнейших, из нарочитых о них сказаний (житий их основателей), а об огромном их большинстве просто из случайных упоминаний. Но случайное есть именно только случайное и может быть весьма далеким от действительной полноты, между тем Стоглавый сбор дает знать, что по крайней мере в ближайшее к нему время чрезвычайно сильно развилась у монахов страсть основывать монастырьки или пустыни⁴⁰.

Итак, в продолжение рассматриваемого нами времени (от нашествия Монголов до митр. Макария) монастырей постепенно настроено было в России очень большое число, так что ко времени смерти митр. Макария (и вместе с монастырями, основанными еще в период домонгольский) она украшалась огромным их множеством. Во все не должно однако представлять себе это украшение сколько-нибудь блестящим с его внешней стороны, каковым некоторые представляют его себе и каковыми быть монастыри, конечно, вовсе и не имеют назначения. Наибольшая часть монастырей были сплошь деревянными, т.-е. деревянными по своим стенам или оградкам, кельям и церквам; монастырей сполна каменных совсем не было, а монастырей отчасти каменных, именно — с каменными церквами и некоторыми из зданий было немного сравнительно с общим их количеством и восходило всего до 20⁴¹. Ни одной каменной не было сколько-нибудь монументальной (в нашем, подразумевается, тогдашнем смысле, а не западном) и все они были небольшие одноглавые церкви. Ко времени смерти митр. Макария один только Сергиев-Троицкий монастырь мог гордиться своими каменными стенами, которые, быв построены только при нем (а быв начаты за два года до него — в 1540 г.), действительно представляли для своего времени

нечто весьма замечательное и совсем великолепное, хотя внутри этих замечательных и великолепных стен и не было совершенно ничего замечательно-го, а второй после Троицкого по своей знаменитости монастырь — Кириллов Белозерский совсем не имел еще и никаких каменных стен. Некоторые из деревянных церквей в монастырях могли быть великолепными, как таковые, т.-е. как деревянные; некоторые деревянные монастыри сполна могли быть великолепными, как таковые же: но вероятно думать, что это было очень редко, ибо одни из строителей монастырей не заботились о великолепии, а другие не имели возможности к тому, чтобы заботиться о нем. Что касается до большинства монастырей, то весьма наименьшая часть их должна быть представляема относительно внешности скромно приличною, а весьма наибольшая часть — совсем бедною. Как воображает себе бедный монастырь, это мы уже давали знать выше: первобытного вида ограда, состоящая из костового забора или сделанная тыном; то или другое количество маленьких отдельных келий, какие в настоящее время строятся по деревням бобылками; небольшая церковь посередине келий, — вот и весь монастырь. Должно быть сделано нарочитое замечание относительно местностей, которые были избираемы основателями монастырей для их поставления. Судя по монастырям, существующим до настоящего времени, большею частию избирались местности с хорошими природными видами и удобные относительно воды и высоты, — живописные холмы над реками и озерами или же по крайней мере просто берега тех и других (при чем однако первый водитель пустынного жития, преп. Сергей Радонежский, не подав в этом отношении и первого примера, ибо он, заботясь единственно о пустыне, избрал для себя место в лесной чаще, которая не только не имел никаких хороших природных видов, но которое было и не на реке, а только на ничтожнейшей реченке).

Монастырей, построенных в рассматриваемое нами время (от нашествия Монголов до митр. Макария) более или менее знаменитыми и прославленными от церкви подвижниками, как говорено и указано выше, мы имеем целый значительно длинный ряд. Не говоря здесь нарочито обо всех наших монастырях и об их основателях, что было бы невозможно и что не идет к нашему делу (к нашей цели), мы скажем здесь только об основании — основателях старейших между первыми вообще или в известных местностях, которые вместе с тем были наибольшую частью и знаменитейшими, и о знаменитейших безотносительно к старшинству, только о Сергии Радонежском и Кирилле Белозерском.

Истинным родоначальником пустынного жития и подвижничества, от которого пошел непрерывный и длинный ряд продолжателей, был преп. Сергей Радонежский. Но действительными первыми по времени подвижниками, представляющими собою как бы пролог к преп. Сергию с его подражателями, как мы сказали выше, были препп. Сергей и Герман Валаамские, что в области Новгородской.

Остров Валаам или Валаамский находится в середине северной части Ладожского озера, между городами Кексгольмом и Сердоболем на западном его берегу, и имеет до 27 верст в окружности⁴²; в настоящее время он принадлежит к Выборгской губернии Финляндского княжества, а в первой половине XIV века, когда жили препп. Сергей и Герман, вероятно, составлял спорную или ничейную землю между Новгородцами и Шведами. К сожалению, о наших первых по времени пустынно-подвижниках мы не имеем совершенно никаких сведений и знаем только то, что, во-первых, как читается в одной записи, «в лето 6837 (1329 г.) нача житии на острове на Валаамском, озере Ладожском, старец Сергей»⁴³, и что, во-вторых, как удостоверяется в одном показании Валаамских монахов конца XVI века, преподобные уложили в основанном ими монастыре общину не только относительно стола, но и относительно одежды и обуви, т.е. полную и строгую⁴⁴. Что препп. Сергей и Герман были пустынно-подвижники, в этом не может быть сомнения, ибо остров был пустынный; на основании того, что они учредили в своем монастыре полное и строгое общежитие, не может также подлежать сомнению, что они были ревнители истинного монашества. Следовательно, не зная о преподобных никаких частных, в общем мы должны представлять себе их как настоящих предтеч преп. Сергия (Когда к преп. Сергию пришел преп. Герман, остается неизвестным. Автор Истории Иерархии уверяет (III, 484 fin), будто он читал записи, в которых говорится, что Герман пришел к Сергию в 6901 (1393) году; но очевидно, что он смешивает Германа с преп. Арсением, который пришел в последнем году на другой остров Ладожского озера Коневец или Коневицкий. Когда скончались препп. Сергей и Герман, остается также неизвестным. Что касается до истории основанного преподобными монастыря за рассматриваемое нами время, то из Жития Авраамия Ростовского и Савватия Соловецкого знаем, что во второй половине XIV века он отличался благоустроенностью.

Отечеством преп. Сергия Радонежского была область Ростовская, в которой его родителями были местный боярин Кирилл и его супруга Мария, люди, усердно набожные по своим нравам. Принадлежав к числу людей, которым суждено бывает испытать в жизни счастье и несчастье, Кирилл провел первую большую половину своей жизни в числе знатнейших бояр области и обладал богатством многим, а потом к старости, вследствие тяжелой государственной службы того времени, татарского для всей северной России лихолетья и постигавших ее естественных бедствий, дошел до нищеты и скудости⁴⁵. Когда в наставшую вторую половину жизни земледельчествовал он по удалении со службы государственной в одном своем имении или именьце, находившемся где-то не особенно близко от Ростова⁴⁶, и родился у него около 1324 г. благодатный сын, который стал впоследствии знаменитым представителем русского монашества и который, быв наречен в крещении Варфоломеем, был у него средним между другими двумя сыновьями,

— старшим Стефаном и младшим Петром⁴⁷. Спустя лет 12-ть по рождении своего второго сына Кирилл должен был стать пресельником из своей области Ростовской⁴⁸. Великий князь Иван Данилович Калита вскоре по своем занятии великокняжеского престола (в 1328 г.) подчинил себе Ростов с его областью и послал в него двух своих воевод, которые, подавляя ли недовольство жителей новою Московскою властью или только пользуясь мнимым недовольством для личного обогащения, а вероятнее — то и другое вместе, начали такое ужасное грабительство и мучительство⁴⁹, что многие из жителей Ростова и его области решились бежать из своего в тогдашнем частнейшем смысле отечества. Решился бежать и наш боярин Кирилл, и вместе со многими из Ростовцев выбрал для своего нового жительства село Московской области Радонеж⁵⁰, которое было отдано Иваном Даниловичем его младшему сыну Андрею⁵¹ и наместник которого (Терентий Ртищ), поставленный вместо малолетнего князя⁵², желая привлечь в него переселенцев, обещал последним большие льготы. Истинный сосуд Божий, предъизбранный, Варфоломей с 11 или 12-летнего отрочества начал упражняться в подвигах поста, молитвы и всякого добродетельного благоповедения, насколько это было возможно для отроческих сил, и еще в отрочестве дал обет всецело посвятить себя на служение Богу в монашестве. Достигнув 16 или 17-летней юности (когда женился уже младший брат Петр) Варфоломей просил у родителей дозволения привести обет в исполнение. Набожные родители Варфоломея, сами принадлежавшие к числу почитателей монашества, ничего не имели против обета и, как нужно думать, давно знали о нем (ибо Епифаний не говорит, чтобы они принуждали второго сына жениться прежде третьего), но они просили только его, чтобы он помедлил исполнением обета, пока проводит их до гроба, говоря, что его братья Стефан и Петр женились и заботятся об угождении своим женам, а они находятся в старости и в скудости и одержимы болезнями. Исполняя волю родителей, Варфоломей остался их попечителем, каковым воля Божия судила ему быть не долго, ибо оба родителя скоро отошли к Богу, при чем оба приняли перед смертью монашеское пострижение, удалившись для сего в монастыри⁵³. Смерть родителей сделала Варфоломея свободным, и он, совершив по них 40-дневное поминовение пением литургий и панихид, кормлением нищих и раздачей милостыни убогим, и отдав оставшееся после родителей имение младшему брату Петру, тотчас же поспешил привести свой давний обет в исполнение. Мы говорили выше, что преп. Сергей был водителем у нас нового вида монашествования, именно — пустынного, чем было монашество в первое и древнее время и чем бы оно должно быть, иначе сказать — что он был реформатором в области нашего монашества. Реформаторами становятся люди, которые родятся с натурами к тому призванными или предназначенными, т.-е. которые нуждаются потребными для того душевными свойствами, и которые вызываются на их новые решения окружающей средой, т.-е. этим зрелищем

несоответствия действительности идеалам или злоупотреблений, существующих в первой. Если преп. Сергей стал реформатором, то очевидно, что он был натурой, предназначенной к тому, а что касается среды, то она слишком давно была такова, чтобы вызвать наконец реформатора в лице его или кого-либо другого. Но отличительной и замечательной чертой реформаторской природы преп. Сергия должна быть, как кажется, признана ее так сказать самовозбудимость или ее особенная внутренне-живая сила. Он принял свое решение стать водителем у нас истинного или пустынного монашествования, будучи 20-летним юношей, после того как первые 12 лет жизни провел в неизвестном селе Ростовской области, а остальные восемь лет в селе Радо-нежском. Следовательно, он не имел возможности видеть собственными глазами всего того нехорошего, к чему приводило городское монашествование и мог только об этом кой-что слышать; а следовательно и не зрелище и не знание всего этого нехорошего, которое бы могло подействовать на него слишком сильно, возбудило его главным образом стать реформатором. Очевидно, что он дознался из истории монашества и из аскетически-отеческих творений, что истинное монашествование должно быть пустынножитием и что хотя не знал о всем нехорошем, к чему вело городское монашествование, решил заменить последнее первым, потому что последнее во всяком случае было отступлением от идеала истинного монашества. Жизнеописатель преп. Сергия ни слова не говорит в ответ на вопрос, как он пришел к своему решению стать пустынножителем. Это прискорбное для нас обстоятельство должно понимать так, что когда Епифаний писал житие Сергия многочисленные ученики и подражатели последнего уже настолько успели сделать пустынножитие обычным у нас, что совсем не возбуждалось о нем никакого вопроса. Как бы то ни было, Варфоломей, приняв свое решение стать монахом пустынножителем, пошел к своему старшему брату Стефану, который после недолговременного супружества и рождения двух сыновей (Климента и Иоанна, в монашестве Феодора), овдовел и постригся в монахи в Хотьковском монастыре, чтобы звать его с собою в пустыню. Стефан, как мы знаем из его дальнейшего поведения, хотя и был усердным монахом, не был однако особенным любителем пустыни; но, видно, на первый раз младший брат увлек его изображением прелестей пустынной жизни. Вышед из Хотькова монастыря в лес, лежавший от него на [север] и много ходив по нем, чтобы избрать себе место для обитания они наконец возлюбили или облюбовали одно место, находившееся «в чащах леса» и имевшее воду (как сказали мы выше, незначительную, состоявшую в ничтожной реченке), отстоявшее от Хотькова на [10¼] верст, это — место нынешней Троицкой Сергиевой лавры. Сотворив молитву (как необходимо думать по важности и и ключительности начинания, к которому было приступаемо, — продолжительную, высоко-то жественную, пламенно-горячую и во многих слезах излившуюся), братья начали рубить лес: сначала устроили временное жилище

для себя, состоявшее из одрины или места для спанья и хижины над нею или избушки, шалаша⁵⁴, потом срубили одну настоящую келлию и наконец — малую церквицу (Епифаний не говорит, но весьма вероятно предполагать, что келлию и церквицу братья рубили или строили не одни, а под руководством и при помощи настоящего плотника из крестьян, хотя, с другой стороны, как видно из его дальнейшего рассказа о преп. Сергии, этот весьма был знаком с искусством плотничьим (сам себя называет хорошим плотником), так что ему могла быть доверена вместо настоящего плотника пристройка сеней к келлии). Приготовив церквицу, братья отправились к митр. Феогносту за благословением об ее освящении и привезли от митрополита священников, которые и совершили это последнее. Наше событие, предшествовавшее пострижению самого преп. Сергия, но составляющее истинное начало Троицкой Сергиевой лавры, имело место в правление вел. кн. Симеона Ивановича (1340-1353), — «мню, говорит Епифаний, яко в начале княжения его»⁵⁵: за действительный год его должен быть принимаем 6-й год правления — 1346 — й (Родился в 1323 г., постригся 23 лет, в этом же 1346 г.). Как мы уже сказали, старший брат Стефан не был человеком, расположенным к пустынножительству, которое воображению всякого человека должно представляться не иначе, как до последней степени устрашающим и смущающим. Должно думать, что Варфоломей приступил к осуществлению своего намерения монашествовать пустынножитно весной или летом, и в благоприятное время года Стефан позволил ему увлечь себя в лес; но когда настала осень и с нею предстала его воображению ужасная перспектива зимы, он не в состоянии был более крепиться и, предоставив брату оставаться в его пустыне, ушел в Москву, чтобы поселиться в одном из ее монастырей⁵⁶, — это было спустя немного времени по освящении церкви. Тотчас по удалении брата Варфоломей начал заботиться о том, чтобы действительно воспринять этот ангельский образ, для которого он оставил мир в буквальном смысле слова. Он нашел и привел к себе в пустыньку некоего старца духовного, игумена Митрофана, при чем под игуменом, по всей вероятности, должен быть разумеем не игумен монастыря, а иеромонах, состоявший священником при приходской церкви и вместе имевший право духовничества. Призванный игумен постриг Варфоломея в монашество 7 Октября 1345 или 1346 г., на память святых мучеников Сергия и Вакха, и нарек ему монашеское имя в честь первого из мучеников Сергия⁵⁷, — в минуту пострижения Варфоломею-Сергию было 23 года. Своего духовного отца по монашеству Сергей продержал у себя в продолжении семи дней, вероятно, затем, чтобы в течение этих дней он ежедневно совершал для него в его церкви божественную литургию, а сам он во все это время не исходно пробыл в церкви, питаясь одною просфорой. Когда после 7 дней Митрофан удалился, Сергей остался монашествовать в своей пустыне один.

Он сам избрал для себя пустыню, не постригшись в монахи где-нибудь в городе, для того, чтобы монашествовать со всею истиною, как монаше-

ствовали древние святые отцы, и он начал это всеистинное монашествование: непрестанное богомыслие, молитвы дневные и ночные и целонощные, прилежное чтение божественных писаний, строгий пост и иными способами умерщвление плоти, — вот в чем состояло его уединенно-пустынное подвизание. Жизнь в пустыне, полная с одной стороны благословенной и Божией прелести (если можно и позволительно так выразиться), с другой стороны — полна страхов и страхований, и преп. Сергей должен был выдерживать борьбу с одними и другими из последних. Лесной бор, в котором он поселился как пустынный, был полон волков, медведей, а также и гадов, т.-е. змей. Волки ночью и днем стадами подходили к его одинокой келье, чтобы, окружая ее, производить свое столько действующее на самые сильные человеческие нервы вытье⁵⁸; иногда выходили к ней и проходили мимо нее, на расчищенную около ее полянку, и медведи; а змеи, по слову Писания, стерегли пята ее обитателя при всяком его выходе из нее, скрываясь в траве, хворосте, кустах и под корнями деревьев. Должен был вооружаться преп. Сергей мужеством и молитвою, видя себя окруженным этими врагами человека естественными. Но еще большим мужеством и более прилежною молитвою должен он был вооружаться против врагов невидимых, против мечтаний бесовских. Из многих бесовских на него находжений или наваждений Епифаний рассказывает о двух. Однажды преподобный вошел в свою церковь для пения заутрени, и вдруг, только что он начал пение, расступилась церковная стена и вошло в церковь множество бесов в одеждах и в шапках литовских островерхих, скрежеща на преподобного зубами, грозясь и изъявляя намерение убить его и крича ему: «иди отсюда прочь и не смей жить на этом месте, ибо не мы пришли на тебя, но ты пришел на нас»... В другой раз преподобный совершал всенощное бдение в своей келье; вдруг поднялся страшный шум и стук и топание, и явилась ему толпа бесов, кричавших с угрозами: «иди прочь с этого места, чего пришел искать в этой пустыне, не дадим тебе жить здесь»... Смущаемый наваждениями бесовскими, как человек, преп. Сергей молитвою одолевал бесов во всех их нападениях, как Давид Голиафа. Дикие звери, населявшие лесной бор, в котором поставил свою пустыньку преп. Сергей, не все только устрашали его, но некоторые составляли и его так сказать нахлебников. Один медведь начал ежедневно выходить к келье преподобного в определенное время; Сергей понял, что зверь выходит не за тем, чтобы вредить ему, а чтобы получать от него пищу, и он начал выдавать ему ежедневную порцию хлеба, кладя ее на пенек или на колоду; когда у него самого не случалось хлеба и медведь приходя не находил выложенной своей порции, то долго не отходил от келлии, но стоял, озираясь во все стороны и ожидая, — говорит Епифаний, — как будто какой злой заимодавец, желающий получить свой долг. Пищу преп. Сергия в его пустыне составляли хлеб и вода. Воду он брал из речки, которая протекала подле его пустыньки, а откуда брал он хлеб, жизнеописатель его этого не

говорит; но должно думать, что он получал его от младшего брата, оставшегося в Радонеже, что было или так, что он по временам ходил к брату или что брат по временам доставлял его ему. Так как люди и особенно подвижники, подобные преп. Сергию, не могут долго оставаться без того, чтобы не причащаться святых Таин, то необходимо предполагать, что или сам Сергий ходил для сего в Радонеж или в Хотьков или что он призывал к себе священника для совершения литургии или наконец — что он имел запасные святые дары.

В совершенном одиночестве преп. Сергий прожил лет около двух⁵⁹, а затем его пустынька начала превращаться в монастырь. Еще тотчас после того, как он поселился в лесу, его начали посещать жители ближайших мест, и в том числе, вероятно, и монахи⁶⁰. Посещения, как должно думать, продолжались непрерывно, и наконец между монахами начали выискиваться отдельные люди, которых обнимала ревность пустынного, истинно монашеского, жития, и в которых возгоралось желание поселиться в зачатой им — Сергием пустыне. Водитель пустынного жития представлял желавшим поселиться с ним монахам всю трудность этого жития; но настаивавших на своем желании он вовсе не хотел отстранять от себя и начал с радостью принимать их, памятуя слова Спасителя: *Грядущего ко Мне не изждену вон*, и другие слова: *Идеже суть два или три совокупления во имя Мое, ту есмь Аз посреде их*⁶¹. Так как желавшие поселиться с преп. Сергием имели жить не общинножитно, как в настоящем благоустроенном монастыре, а особножитно, то каждый сам для себя должен был ставить келлию, как и промыслять потом о своем пропитании; при этом преп. Сергий, как человек молодой, обладавший исключительной крепостью телесною⁶² и знакомый с плотничьим искусством усердно помогал строиться⁶³. Мало-по-малу собралось к преп. Сергию монахов, желавших подвизаться вместе с ним пустынножитием, 12 человек не считая самого⁶⁴. В числе этих первых собравшихся Епифаний называется⁶⁵: старца Василия, по прозванию Сухого, который пришел из первых «от страны» (из другой области?), с верхней Дубны⁶⁶; Иакова, бывшего известным под именем Якуты, который служил для всех прочих «посольником» в случаях, если нужно было посылать на какую-нибудь необходимо нужную службу, (главным образом, как нужно думать, для приобретения из селений хлеба); диакона Онисима, родом из Ростовских бояр Дюденевых, который, будучи еще мирянином, переселился из Ростова в Радонеж вместе с отцом преп. Сергия⁶⁷. Собравшиеся к последнему 12-ть человек монахов, поставившие для себя столько же отдельных келлий, не образовали из себя настоящего монастыря, но представляли из себя слободку 12-ти особокелейников, из которых каждый был сам, и только все признавали самого основателя за старшего между собою. Однако преп. Сергием дан был слободке и некоторый вид монастыря относительно внешности и относительно внутренних порядков. Келлии обнесены были одним общим тыном, у ворот которого приставлен был нарочитый вратарь; в церкви, поставленной преп. Сергием,

заведено было ежедневное общественное богослужение; впрочем, поелику между всеми насельниками слободки не было ни одного иеромонаха, пока не пришел к преп. Сергию постригавший его игумен Митрофан (который, не долго пожив (по лете едином, — л. 94, = стр. 65), и который, может быть, пришел в таком состоянии, что и не мог уже служить, у него и умер), — то ежедневно отпеваемы были полуношница, утренняя, часы, вечерня и мефимон (павечерница), а литургия совершаема была только по праздникам и для сего призываем был ими «игумен старец» (иеромонах). В отношении хозяйственном каждый келейник был совершенно сам по себе, исключительно сам обязанный заботиться о своей пище и о своем одеянии и о всех вообще своих потребностях. Но принявший всех других к себе в сожителство преп. Сергей старался, по словам Епифания, служить всем, как раб купленный⁶⁸, т.-е., как будто бы он был полным и настоящим холопом всех: он рубил всем дрова, носил воду, толоч в ступе толочно и молол в жерновах муку⁶⁹, пек для всех хлебы и варил пищу, шил одежду и обувь (видно, что кроме искусства плотничьего он знаком был еще и с искусствами портняжным и сапожным).

Собравшиеся к преп. Сергию для совместного пустынножития с ним монахи были истинные монахи и избранные из числа истинных монахов. А как таковые, они не могли долго оставаться без игумена, одну из главных обязанностей которого, дававшую ему его имя, было духовное руководство братии и очищение и врачевание их совестей чрез таинство исповеди в качестве их общего духовника. Сопустынники преп. Сергия устроили совещание между самими собою и решили просить его о принятии над ними начального начальства, как выражается жизнеописатель. Преп. Сергей, по смиренному сознанию своего недостойнства, долго отказывался от предложения; но наконец братия начали грозить, что в случае его упорства они разойдутся из пустыни и таким образом изменят своему обету неисходно пребывать с ним (который они, вероятно, давали, поселяясь в его пустыни), а что за этот их грех измены обету взыщется от Бога с него; смущаемый угрозами, преп. Сергей покорился воле братии. Это было в то время, как по смерти митр. Феогноста св. Алексей находился в Константинополе, на поставлении в митрополиты, а митрополией в его отсутствие управлял по его поручению епископ Волынский Афанасий, живший в Переяславле [выше первой половины тома стрр. 182-183], т.-е. в 1353-1354 г., когда преп. Сергию было от роду 33 или 34 года, и после того как он прожил в пустыне 9 или 10 лет. Епископом Афанасием в Переяславле и был поставлен преп. Сергей в игумены, быв одновременно с сим удостоен им иерейского сана или посвящен в иеромонахи. Приняв на себя обязанности игумена, преп. Сергей всею душою предался попечениям о своем малом стаде и старался воодушевлять и научать себя примером древних великих игуменов — Пахомия, Евфимия, Феодосия, прозванных именно Великими, и Саввы Освященного. Непосредственно за сим он допустил и то, чтобы монастырь его, ставший теперь из монашеской

слободки действительным монастырем, начал превращаться из малого монастыря или монастырька в большой или настоящий монастырь. До сих пор братство преп. Сергия состояло из апостольского числа 12-ти (с ним самим 13-м): если кто-нибудь из числа 12-ти братьев умирал или удалялся в пустыни, — ибо и это случалось, как дает знать в нашем случае Епифаний⁷⁰, то на место выбывших одними или другим путем он принимал новых, но число в сторону *taximum*'а удерживал одно и то же. Вскоре после принятия им на себя звания игумена число это было нарушено особенным образом, с тем, чтобы потом уже не быть более наблюдаемым. К новопоставленному игумену пришел для пустынного жития в его монастырьке архимандрит Смоленский Симон, старейший из архимандритов своей области, инок славный и нарочитый: исключительному пришельцу, который от славы стремился к смирению, преп. Сергий не нашел возможным отказать в приеме, и он-то и нарушил число 12-ти. Если бы полагать, что в нашем месте Епифаний рассказывает в совершенно последовательном порядке, то выходило бы, что и непосредственное за тем превращение числа 13-ти в 14-ть совершилось через принятие такого лица, в приеме которого преп. Сергий также не мог отказать. В след за рассказом о прибытии архимандрита Симона у Епифания читается рассказ о том, что старший брат преп. Сергия Стефан привел к нему для пострижения в монахи своего младшего 12-летнего сына Иоанна (который, быв принят и пострижен преп. Сергием, получил от него монашеское имя Феодора⁷¹). После архимандрита Симона и за ним, как можно думать, сына Стефанова Иоанна преп. Сергий начал принимать всех приходивших к нему, и число братии постепенно начало умножаться. Став игуменом, преп. Сергий перестал иметь время и возможность, чтобы служить всем братьям на подобие купленного раба, ибо ежедневно совершал божественную литургию. Но по крайней мере заботы о снабжении церкви богослужебными принадлежностями он взял исключительно на самого себя: он сам толок и молот муку для просфор, сам пек просфоры, сам катал свечи и приготовлял кануны праздничные. Что касается до игуменского надзора над братией, то читал ли он житие преп. Феодосия Печерского и хотел подражать ему или же подражал ему случайно, но только он поступал совершенно так, как этот последний⁷²: спустя довольно долгое время после павечерницы он обходил все келлии и, прислушиваясь у дверей и смотря в окна, старался узнавать, что в каждой делается; если обитатель келлии находился в ней один и занимался молитвою, чтением божественных книг или каким-либо рукоделием, радуясь и воздавая благодарения Богу отходил молча; а если находил, что в какой-нибудь келлии сошлись двое или трое и занимались беседою и смехом, с негодованием ударял в двери или в окно, давая знать о своем посещении; замеченных в неподобающем времяпровождении призывал на другой день к себе и начиная обличения не прямо, но издали «и аки притчами» смотрел: кто из виноватых какую обнаруживал готовность к покаянию,

— раскаивавшихся при первой догадке прощал, а упорных и притворявшихся непонимающими окольных речей облагал эпитимиями. Подобно преп. Феодосию Печерскому поступал преп. Сергей и относительно принятия в монастырь изъявлявших желание постричься у него и относительно сподобления их того, что составляет печать монашества, — святой схимы: он не отревал никого из приходящих к нему, ни старого, ни юного, ни богатого, ни убогого; по принятии не тотчас постригал в монахи, но повелевал одеть принятого в долгую свиту из черного сукна и ходить ему в ней время довольное, пока не навькнет всему устрою монастырскому; святой схимы сподоблял тех, которые оказывались чернецами совершенными, житием чистыми и искусными⁷³.

Преп. Сергей хотел быть водителем у нас истинно монашеского пустынного жития; но основанному им монастырь очень недолгое время суждено было оставаться пустынею. Он выбрал место для своего обитания в дикой чаще лесной, удаленное от селений и от проездных дорог; но спустя лет 12-13-ть после того, как он пришел на место, и лет 6-7 после того, как образовавшаяся около его келлии монашеская слободка превратилась в настоящий монастырь, окружавшая слободку-монастырь пустыня начала заселяться и быстро заселилась людьми⁷⁴. У Епифания читаем об этом: «Пусто бяше место то (во время прихода на него Сергиева), и не бе тогда окрест места того ни сел близ ни дворов, по многа же времени и пути пространного не бяше к месту тому, но некою узкою и прискорбною, тесною, стезею, аки безпутием, нужахуся приходити к ним, великий же и широкий путь вселюдский отдалече, не приближаяся места того, ведяшеся, окрест же монастыря того все пусто, со вся страны лесове, всюду пустыня, пустыня бо в ресноту нарицашеся; паки же по днех, непшую, яко во днех княжения князя великаго Ивана, сына Ивана (1353-1359), брата же Симеона, тогда начаша приходити христиане и обходити сквозь вся лесы оны и возлюбиха жити ту, и множество восхотевшее начаша обаполы места того садитися, и начаша сеци лесы оны, яко никому же возбраняюще им, и сотвориша себе различныя многия починцы, преждереченную исказиша пустыню и не пощадеша, и сотвориша пустыню, яко поля чиста многа, якоже и ныне нами зрима суть, и составиша села и дворы многи, и насаяша села и сотвориша и умножишася зело»⁷⁵.

Не знаем, какие были у преп. Сергия идеалы относительно житейских средств содержания монастырей и монахов, ибо жизнеописатель его не говорит об этом. Но период скудости для его монастыря был чрезвычайно непродолжителен, хотя и имел место: он кончился одновременно с тем, как пустыня около монастыря заселилась людьми, ибо, по словам Епифания, населившие пустыню жители «начаша посещати и учащати в монастырь, приносящее многообразная и многообразная потребования, имже несть числа»⁷⁶. Останавливаясь нарочитым образом на непродолжительном периоде скудости, жизнеописатель, после общих речей о том, что обитатели

монастыря не редко терпели недостаток во всем потребном до хлеба и соли, сообщает несколько частных случаев и передает некоторые частности. После того, как преп. Сергей принял на себя звание игумена образовавшаяся в его пустыне монашеская слободка превратилась в настоящий монастырь; но монастырь не стал с самого первого времени общинножитным, о сначала остался, каковою была и слободка, особножитным, так что в нем по прежнему каждый монах исключительно сам должен был заботиться о средствах своего содержания. Один раз не стало хлеба у самого игумена монастыря; три дня он провел без пищи, а на четвертый день рано по утру взял топор и пошел, чтобы приобрести хлеба плотничной работой; он знал, что один из старцев монастыря, по имени Даниил, желает пристроить сени к своей келье и что он может заплатить ему за работу гнилыми хлебами, — к этому старцу он и отправился; «слышал я, старче, — сказал преп. Сергей, — что хочешь поставить сени пред кельей, для этого я и пришел к тебе, — чтобы руки мои не оставались праздными, я поставлю тебе сени»; старец отвечал, что он действительно хочет поставить сени, что у него готов и материал и только ждет плотника из деревни, а что касается до тебя, сказал он игумену, то боюсь, что ты возьмешь слишком дорого; преп. Сергей отвечал, что он не потребует большой платы и удовольствуется гнилыми хлебами, которые он — Даниил имеет, ибо у меня, прибавил он, вовсе нет и таких хлебов; что же касается до работы, сказал он, то где ты найдешь другого такого плотника, как я («и кто есть тебе ин сице древодел, якоже аз»⁷⁷). Старец с радостью согласился на крайне выгодное для него предложение и тотчас же вынес решето желаемых хлебов; но преп. Сергей сказал, что он не берет платы прежде работы, и немедленно, крепко перепоясавшись, со всем усердием принялся своими сильными руками за дело; при помощи Божией сени были готовы к вечеру, а игумен-плотник, получив условленную плату, увидел себя в возможности, после четырех дней поста, пообедать и вместе поужинать заработанными хлебами. Случалось, что подобно игумену оставались и многие или некоторые из братий и что не ели и по два дня; между тем преп. Сергей запрещал братиям выходить из монастыря для сбора милостыни по селам. После нескольких случаев невольного поста один из братий наконец возроптал и с несколькими другими, которые ему сочувствовали, пришел к игумену и начал говорить от лица своего и товарищей, что они не хотят умирать с голода и на другой день уйдут из его монастыря, чтобы где бы то ни было искать себе хлеба. Преп. Сергей созвал всю братию и обратился к ней с пространном поучением о терпении и об уповании на милость Божию, — и не успел он еще кончить поучения, как раздался стук в ворота монастыря, за которыми стоял целый большой воз хлебов пшеничных, уваренных с маслом и с зелием (пирогов с капустой), присланных неизвестным христороубцем (должно подразумевать, для поминовения кого-либо умершего в дому); на другой день получен был новый обильный присыл не только

хлебов, но и всякого ястия и пития; на третий день и еще новый присыл из другой стороны. Если игумен и монахи оставались иногда без хлеба, то церковь монастырская оставалась иногда без вина для совершения литургии, без ладана для каждения на службах и без свеч для ее — церкви освещения. В случае недостатка вина, вероятно, не пелась временно божественная литургия; в случае недостатка ладана, вероятно, обходились без каждения; что же касается до недостатка свеч, то, обходясь без того, чтобы зажигать их пред иконами, при канархании и при чтении книг во время ночных служб светили себе березовою или сосновою лучиною [«овогда же недостало вина, им же обедня служити, и фимиану, им же кадити; иногда же недостало вьску, имже свещи скати, и пояху в нощи заутренюю, неимущи свещ, но токмо лучиною березовою или съсновою светяху себе, и тем нуждахуся канонархати или по книгам чести, и сице свершаху нощные службы своя»]⁷⁸.

Житие особножитное, каковое было в монастыре преп. Сергия, может быть очень строгим; но оно не есть то истинно монашеское житие, которое канонически узаконено церковию и которым должно быть общинножитие (Двукр. соб. пр. 6). Общинножитие вместо особножития и было введено преп. Сергием в его монастыре неизвестно когда после конца 1364 г.⁷⁹, но, вероятно, более или менее вскоре после сего. Об этом введении общинножития Епифаний рассказывает следующее. В один от дней неожиданно пришли к преп. Сергию Греки из Константинополя, посланные от патриарха, и сказали ему, что вселенский патриарх Константинограда Кир Филофей благословляет его и посылает ему поминки или дары, состоящие из креста, параманда и схимы, и свою патриаршую грамоту. Преп. Сергей сказал было послам, что может быть они ошибаются и принимают его за другого; но эти отвечали, что они посланы именно к нему — Сергию. Тогда, воздав через послов благодарение патриарху и учредив подобающим образом их самих, преп. Сергей поспешил с грамотой патриаршей к митр. Алексею. Грамота читалась: «Милостию Божию архиепископ Константина града, вселенский патриарх, Кир Филофей о Святем Дусе сыну и съслужебнику нашего смирения Сергию, благодать и мир и наше благословение да будет с вами. Слышахом еже по Бозе житие твое добродетелно зело, похвалихом и прославихом Бога; но едина главизна еще не достаточествует, яко не общежитие стяжасте, понеже веси, преподобне, и самый богоотец пророк Давид, иже вся обязавый разумом, ничтоже ино тако возможе похвалити, точию: се ныне что добро или что красно, но еже житии братии вкупе; потому и аз совет благ даю вам, яко да составите общее житие. И милость Божия и наше благословение да есть с вами»⁸⁰. Митрополит, прочитав грамоту патриарха, сказал Сергию, что если он, Богу прославляющему славящих Его, сподобился такого блага, что слух об его житии достиг до столь далеких стран и что если вселенский патриарх совещевает на великую зело пользу, то и он советует и благословляет. Преп. Сергей поспешил исполнить волю патриарха и

митрополита и тотчас же ввел у себя в монастыре общинножитие. Необходимо думать, что дело было не совсем так, как представляет его Епифаний. Преп. Сергей весьма прославился, как старец святой жизни, в Московской области и во всей Русской земле еще при своей жизни, хотя мы и не знаем, восходит ли эта слава своим началом уже к 1365-66 г., к которому должно быть относимо послание патриарха; но чтобы слава его достигла до Константинополя и чтобы патриарх по собственной инициативе подал ему совет ввести у себя общинножитие, это решительно и совершенно невероятно (а если есть многие люди, которые этому верят, то мы можем только подивиться их легковерию; и если Епифаний представляет дело так, как представляет не по неведению, то он уже очень рассчитывал на легковерие людское, хотя об этом легковерии он и имел истинные представления). Необходимо думать, что патриарх написал преп. Сергию свою грамоту не по своей собственной инициативе, а наоборот по нарочитой просьбе последнего, обращенной к нему через митр. Алексея. Из отеческих аскетических творений преп. Сергей узнал, что истинным местом жительства для монахов должна быть пустыня; но из тех же отеческих аскетических творений он должен был узнать и то, что истинным образом жизни монахов в монастырях должно быть общинножитие, и если, следуя отеческому указанию в первом случае, он удалился для жизни в пустыню, то очевидно, что когда в пустыне образовался около его келлии монастырь, он должен был, следуя второму указанию, возыметь и желание — ввести в монастыре общинножитие. Однако, сделать ему это последнее было вовсе не легко. Первенствующее наше монашество, воспроизводя господствующий пример современных монастырей греческих, явилось как исключительно особножитие; преп. Феодосий Печерский сделал было попытку ввести у нас общинножитие, но попытка его не имела никакого успеха и вскоре после него общинножитие исчезло и в его собственном монастыре; а что касается до времени преп. Сергия, то не только вовсе не было у нас общинножития в монастырях, но вовсе не было у нас о нем и никакой памяти, так что оно было как нечто во все им неведомое и нечто вовсе ими не слыханное (Единственное исключение — новый Валаамский монастырь). Таким образом, ввести преп. Сергию общинножитие в своем монастыре значило ничто иное, как начать вводить в наших монастырях новый образ жизни, дотоле у нас небывалый и неслыханный или стать в сем случае радикальным реформатором. Совершенно основательно было ожидать преп. Сергию горячих протестов и сильного ропота против своего нововведения, ибо люди, привыкшие к злоупотреблениям, горячо протестуют и сильно ропщут против нововведений и не таких важных; а поэтому и совершенно естественно было желать ему того, чтобы получить на свое начинание благословение патриарха, дабы таким образом опереться с своим благим нововведением на авторитет высшей церковной власти и стать с ним под ее, имевший заграждать всякие уста, сильный по-

кров. С другой стороны можно отчасти думать и то, что в виду важности дела смущали преп. Сергия сомнения, хорошо ли он поступает, решаясь на свое нововведение и что он в важном деле желал слышать голос вселенского патриарха, ибо хотя он и знал из творений отеческих, что истинный образ жизни монашеской есть общинножитие, но и то обстоятельство что у нас вовсе не было общинножития и исключительно было особножитие, должно было иметь в его глазах значение. Что касается до митр. Алексея, то мы уверены, что он не был только простым посредником между преп. Сергием и патриархом Филофеем, но принимал в деле и личное живое участие. Он был такой же истинный монах, как и Сергей, а следовательно — его столько же, как и последнего, должен был занимать вопрос об истинной монашеской жизни; а что он, после того, как получен был ответ патриарха, стал решительным сторонником общинножития, видно из того, что во всех своих монастырях, которые построены после получения ответа, он вводил это общинножитие. Относительно введения преп. Сергием общинножития в его монастыре Епифаний, к сожалению — не особенно обстоятельный в нашем случае, пишет: «От того времени убо (прихода патриарших послов) составляется во обители святаго общежитие, и устрояет блаженный и премудрый пастырь братию по службам, ового келаря и прочих в поварни и въеже хлебы печи, ового немощным служити с всяким прилежанием, в церкви же первее еклисиарха, еже потом параеклисиарси, пономархи и прочая; вся убо сия чюдная она глава добре устрои, повеле же твердо блюсти по заповеди святых отец и ничтоже особь стяжевати кому ни своим что звати, но вся обща имети, и прочая чины вся в лепоту чюдне украси благоразумный отец»⁸¹. С введением общинножития число монахов в монастыре преп. Сергия начало еще более умножаться. Но этот истинно монашеский образ жизни, по обстоятельствам, которые не были во власти преп. Сергия, одной из своих хороших сторон явился для монастыря причиной одного великого зла, которое впрочем обнаружило себя как таковое, не при жизни преп. Сергия, а уже после его смерти. Еще до введения им общинножития в монастыре, пустыня, окружавшая последний, превратилась в населенное место, вместе с чем подле него проложена была большая дорога из Москвы в северные города России. Между тем одну из непрременных обязанностей общинножитных монастырей составляет странноприимство, для чего они должны иметь особые странноприимницы. Преп. Сергей, по введении общинножития в монастыре, со всем усердием начал исполнять обязанность странноприимства. Но по большой дороге, соединявшей столицу с целой чеверной частью страны, непрестанно шло и ехало великое множество странников, так что странноприимница преп. Сергия превратилась в станцию (постоялый двор), постоянно битком набитую народом. Нет сомнения, что при самом преп. Сергии странноприимство князей и воевод и безчисленных воев, проезжавших по дороге⁸², было именно богорадным странноприимством; но впослед-

ствии эти князья и воеводы, богато одарившие монастырь вотчинами, превратились в его гостей и стало, нисколько не к пользе его монахов, так, что в нем были «гости беспрестанные день и ночь»⁸³.

Введши в своем монастыре общинножитие, преп. Сергей устроил его совершенно, так что теперь оставались ему [только заботы] о хранении того, что было им введено. Но его ждало тяжкое искушение Божие. Старший брат его Стефан почему-то оставил игуменство в Московском Богоявленском монастыре и пришел в его монастырь⁸⁴ (вероятно, испытал в Москве какую-нибудь обиду и, может быть, ту обиду, что по смерти вел. кн. Симеона Ивановича его преемник Иван Иванович взял себе в духовные отцы не его, а когонибудь другого). Вопреки брату будучи честолюбивым, он хотел заменить для себя оставленное игуменство в его уже начинавшемся славиться, хотя, может быть еще и не совсем прославившемся монастыре, и подобрал себе между монахами монастыря партию, которая расположена была видеть его на месте Сергия⁸⁵ (успев в этом, может быть, от того, что между монахами были недовольные преп. Сергием за введение им в монастыре общинножития). Как повел бы Стефан со своей партией дело, чтобы самому стать на месте преп. Сергия, осталось неизвестным, ибо последний не допустил дойти делу до конца. Однажды в субботу пели в церкви монастыря вечерню, — преп. Сергей стоял в олтаре в облачении, быв служащим, а Стефан стоял на левом клиросе. Увидав в руках канонарха книгу, Стефан спросил его, кто дал ему книгу; когда канонарх отвечал, что игумен, он закричал: «а кто игумен в этом монастыре, не я ли первый пришел на это место» и затем кричал и еще что-то бранное («и иная некая изрек, ихже и не лепо бе»)⁸⁶. Преп. Сергей, стоя в олтаре, слышал весь крик Стефанов и решил дать место гневу. По окончании службы, не заходя в свою келлию, он тайно вышел из монастыря и направился по Кинельской (нынешней Александровской от Троицы?) дороге к преп. Стефану Махрицкому, который в 30 верстах от его монастыря (к востоку, в 10 верстах от Александра) основал, подобно ему, свой пустынный монастырь. Сергей просил у Стефана дать ему одного из братьев монастыря, который бы знал окрестные места пустынные и обошед с данным братом многие места нашел хорошее место на реке Киржаче (где теперь стоит заштатный город Владимирской губернии Киржач). Тотчас он поставил на месте келлию себе, а затем, когда было узвано в Троицком монастыре, куда он скрылся и когда пришли к нему некоторые из братий этого последнего, или же когда явились у него ученики из ближайших жителей, приступил к строению церкви, с тем, чтобы создать на месте новый монастырь⁸⁷. Между тем все окрестные жители [узнали] о прибытии к ним знаменитого подвижника для основания у них монастыря, и к преп. Сергию стеклось множество народа, — мирян и монахов, крестьян и бояр, чтобы помогать ему руками и деньгами строить монастырь. Но монахи Троицкого монастыря не долго хотели оставаться под самозванным игуменством Сте-

фана и в ту минуту, как в новом монастыре поспела церковь к освящению (а она могла успеть весьма скоро, в несколько недель) отправили посольство к митр. Алексею с просьбою о возвращении им преп. Сергия. Митрополит, как необходимо думать — только тут узнавший о печальном удалении Сергия из монастыря, немедленно послал к нему двух архимандритов с убеждением возвратиться в монастырь. Преп. Сергий отвечал митрополиту через архимандритов, что не смеет прекословить ему и готов исполнить его волю. Пред возвращением в монастырь он освятил церковь в новом монастыре во имя Благовещения Богородицы и оставил вместо себя его строителем своего ученика, по имени Романа⁸⁸. Так как св. Алексей, убеждая преп. Сергия чрез архимандритов возвратиться в монастырь, обещал ему: «а иже досаду тебе творящих изведу вон из монастыря, яко да не будет ту никоже, пакость творящаго ти»⁸⁹: то нужно полагать, так и сделал. Был ли в числе изведенных и сам Стефан, не знаем, но считаем это за весьма вероятное думать (ибо, хотя бы и охотно быв прощен самим Сергием, едва ли он мог быть прощен строгим митрополитом).

Построив два монастыря для самого себя, преп. Сергий еще построил четыре монастыря во исполнение просьб вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского и его двоюродного брата Владимира Андреевича, князя Серпуховского и вместе Радонежского, по прозванию также Донского. По просьбе Дмитрия Ивановича преп. Сергий построил монастыри: Голутвин близ Коломны, Дубенский на Стромыни и Дубенский в Шавыкине, — оба не особенно по далеку от Троицкого монастыря (в нынешнем Александровском уезде Владимирской губернии); по просьбе Владимира Андреевича — Высоцкий монастырь близ Серпухова. Во все четыре монастыря по просьбе князей были поставлены преп. Сергием настоятелями его ученики: в первый — Григорий, во второй — Леонтий, в третий — Савва, в четвертый — Афанасий. Благословлял преп. Сергий строить монастыри и самих своих учеников, и этими его учениками было построено монастырей до [11]: Мефодием Песношским, [Иаковом Железноборовским, Сергием Комельским, Саввою Сторожевским и Сильвестром Обнорским] по одному, Павлом Обнорским два, Авраамием Галичским — четыре⁹⁰.

Истинный монах совершенно отказывается от мира, но не отказывается вместе с сим от того, чтобы возможными для него способами служить благу отечества. Преп. Сергий с готовностью хотел служить отечеству, когда был призываем к этому представителями государственной власти, и явил себя великим сыном отечества, когда оно само, в минуту страшной опасности, вызывало своих сынов явить их патриотизм. В 1364 г. (Никон. IV,10), как говорили мы выше [первой половины сего тома стр. 206], преп. Сергий ходил, по поручению митр. Алексея, в Нижний Новгород, чтобы преклонить к исполнению воли Москвы одного из Суздальско-Нижегородских князей, ссорившихся тогда между собою. — Когда в 1380 г. пришел в Россию со

своими небывало-грозными полчищами Мамай, мужественный дух вел. кн. Дмитрия Ивановича смущался и требовал себе подкрепления; в эти страшные и истинно критические для отечества минуты преп. Сергий, уподобляясь древним Израильским пророкам, явился горячим воодушевителем государя: пришедшего к нему в монастырь Дмитрия Ивановича для вопрошения, «повелит ли (посоветует ли) противу безбожных изыти»⁹¹, он укрепил в решимости, обещав ему именем Божиим победу (Великий князь начал просить у преподобного двух его монахов — Пересвета и Ослябу, которые, принадлежав в миру к сословию воинскому, были ведомые всем ратники и великие богатыри крепкие и люди весьма смысленные к воинскому делу и наряду. Преподобный повелел монахам тотчас же готовиться в путь, а они с своей стороны от всей души изъявили готовность сотворить послушание. Вместо шлемов тленных он возложил на их головы шлемы нетленные — святую схиму, с нашитыми на ней крестами, и заповедал им крепко побороть по Христе на врагов его⁹². Когда уже на самом поле Куликовском смутилось сердце великого князя от видения бесчисленного множества врагов, пришло к нему послание преп. Сергия, в котором последний писал ему: «без всякого съмнения, господине, со дерзновением поиди противу свирепства их, никакоже ужасатися, всяко поможет ти Бог». — В 1385 г., по молению вел. кн. Дмитрия Ивановича, преп. Сергий ездил в Рязань к заклятому врагу Москвы вел. кн. Олегу Ивановичу «посольством о вечном мире и любви», и старания святого мужа, после многих прежних совершенно безуспешных посольств, имели полный желавшийся успех⁹³.

(Св. митрополит Алексей желал было видеть преп. Сергия своим преемником на кафедре Русской митрополии. У вел. князя Дмитрия Ивановича Донского был предызбран в преемники св. Алексею архимандрит его придворного Спасского монастыря (что ныне дворцовый собор Спаса на Бору) Михаил, по прозванию Митяй, которого он любил столько же, сколько царь Алексей Михайлович любил Никона, и который, представляя собою человека необыкновенного, был исполнен стольких же достоинства, как и последний, если даже не больших, не имел при том крупных недостатков последнего. Но он не совсем нравился святому Алексею и этот предпочитал ему Сергия. Митрополит призвал Сергия из его монастыря в Москву. Когда преподобный явился к нему, он начал свою беседу с ним тем, что приказал принести митрополичий параманд с золотым крестом и сказал, что хочет одарить его этим парамандом⁹⁴. Не понимая значения дара и отказываясь от него, преподобный со смиренным поклоном сказал: «прости меня, владыка, — от юности моей не был златоносцем, тем более хочу пребывать в нищете в лета старости». Тогда святой Алексей уже прямо сказал Сергию, что дает ему параманд, как некоторое обручение святительству и что желает оставить его по себе своим преемником. Для смиренного преподобного Сергия, которому и в помысл никогда не приходило архиерейство, предложение святого

Алексея было крайне неожиданным и он приведен был им в величайшее смущение. Пришедши в себя, он отвечал на него сколько смиренным, столько же и решительным отказом. А когда святой Алексей хотел было настаивать, он отвечал, что принужден будет бежать куда-либо в пустыню. Святой Алексей прекратил настояния и отпустил преподобного с миром в его монастырь).

Преп. Сергей Радонежский бесспорно есть знаменитейший представитель нашего монашества после преп. Феодосия Печерского или вместе с ним последним. Но нравственный облик его созерцается у его жизнеописателя Епифания еще более тускло, чем облик Феодосия у Нестора. Нет сомнения, что преп. Сергей был великий подвижник, но с какими индивидуальными чертами нравственной физиономии представлять его себе, как представлять его себе живым лицом и живым человеком, дать некоторое удовлетворение читателю, относительно сего риторствующий жизнеописатель его заботится в общих фразах. Как кажется, должно быть принимаемо за наиболее соответствующее реальной действительности то общее изображение преп. Сергия, делаемое Епифанием, в котором он представляет его как отрока-юношу; это изображение читается: «како имам поведати (об его — Сергиевых добродетелях): тихость, кротость, словамолчание, смирение, безгневие, простота без пестроты, любовь равну имея ко всем человеком, никогда же к ярости себе (подвиже, — Ник. лет.) ни на претыкание, ни на обиду ни на слабость ни на смех, но аще и усклаблятися хотящу ему, — нужна бо и сему бытии приключается, но и то с целомудрием зело и со воздержанием, повсегда же сетуя хождаше, аки дряхловати сообразуя»⁹⁵. Что касается до проявления преп. Сергием его духа во внешнем образе жизни и поведения, то в сем случае Епифаний, во первых, указывает на то, что и став знаменитым игуменом ставшего знаменитым монастыря он носил одежду самую худую. «Риза нова, — пишет Епифаний, — никогда же взыде на тело его ниже от сукон немецких, красновидных, цветотворных,... гладостно и мягко; но токмо от сукна проста, иже от сермяги, от влас и от волны овчая спрядено и исткано, и тоже просто и не цветно и не светло и не шапливо, но токмо видну шерстку, иже (еже) от сукна (но только по шерсти видно, что из сукна) ризу ношаше, ветошну же и многошвену и неомовену и уруднену и многа пота исполнену, иногда другойцы яко и заплаты имущу»⁹⁶. Во-вторых, Епифаний сообщает, что во все время своей жизни, и незнаменитой и знаменитой, преп. Сергей (может быть, знавший о заповеди преп. Феодора Студита игумену: «да не ездиди верхом на лошадях или мулах без нужды, но хриstopодражательно да путешествуешь пешком», — I т. 2-я полов., стр. 682/788, § 6) всегда совершал свои путешествия, близкие и далекие, пеше ходя⁹⁷ (за исключением того случая, когда путешествовал в Рязань посольством от великого князя с старейшими боярами последнего).

Еще во время своей жизни, и еще в раннюю пору этой последней, преп. Сергей удостоился от Бога дара чудотворений, а также удостоился чудес-

ных знамений или проявлений Божия к себе благоволения. Мы передадим все, что читается относительно того и другого у Епифания и так как не знаем действительного хронологического порядка, в котором совершены были преп. Сергием чудеса и в котором совершились знаменья, то одни и другие вместе передадим в том порядке, в каком читается о них у Епифания.

Когда преп. Сергей заработал у старца Даниила чрез пристроение к его келлии сеней гнилые хлебы и когда после четырехдневного поста он начал этими хлебами вместе обедать и ужинать: то некоторые из братий видели «от уст его яко дым мал исходящ»⁹⁸.

Мы сказали, что преп. Сергей поставил свою келлию в пустыне близ маленькой речки. Было ли уже в его время так, что речка была по летам скудна водой и даже совсем пересыхала, так что монахи явившегося около келлии монастыря принуждены были ходить за водой на другую речку, в которую впадает наша подмонастырняя и которая течет от монастыря в значительном отдалении, или же их затрудняло то обстоятельство, что речка течет в крутых и довольно высоких берегах: только некоторые из братий очень роптали на преп. Сергия, что он без рассуждения выбрал место для монастыря, не позаботившись о воде. Преподобный оправдывался, что он один было хотел безмолвствовать в пустыне и что Бог восхотел, в прославление Его имени, воздвигнуть толикую обитель. Но, чтобы прекратить ропот недовольных, он взял один раз некоего брата, вышел с ним из монастыря в дебрь или низину за стеной последнего, нашел один ров с небольшим количеством дождевой воды, сотворил над ним молитву и знаменал крестным знамением, — «и се внезапно источник (воды) велий явися»⁹⁹. По словам Епифания, лет около 10-15 источник назывался Сергиевым, но потом преп. Сергей с негодованием запретил так называть его, сказав что [не] он дал воду, а Бог даровал¹⁰⁰.

Один христоробец, живший в окрестности монастыря и имевший великую веру к преп. Сергию, раз подвергся опасности лишиться своего единственного сына, малого отрока, который заболел тяжкою болезнию. Надеясь на молитвы преп. Сергия, христоробец поспешил с больным к нему в монастырь; но еще пока преподобный совершал над отроком моление (пел молебен), он скончался. Обманутый в своей надежде и убитый горем отец, оставив мертвеца у преподобного, пошел готовить гроб; но по уходе отца преподобный простерся у тела отрока с горячей молитвой к Богу и он ожил. Когда возвратился отец, чтобы взять тело для погребения, преподобный отдал ему живого сына, сказав, что отрок не умирал, а только от сильного холода, — дело, как видно, было зимой, — обмирал¹⁰¹.

Один вельможа, имевший жительство вдали от монастыря преп. Сергия, где-то на Волге, подвергся болезни самого яростного беснования, так что для ухода за ним требовались десятки людей. Родные вельможи, слыша о чудесах, творимых Богом руками преподобного, решились повезти его в монастырь последнего. Привезенный к монастырю, бесноватый начал вы-

рваться из рук своих стражей и поднял страшный вопль: «не хочу туда, не хочу». Преподобный велел ударить в било и, собрав братию, стал петь молебен о болящем, и бесноватый начал мало-по-малу кротеть. Когда после сего он введен был в монастырь и преподобный, вышед к нему из церкви, знаменовал его святым крестом, от отскочил от креста (и, почувствовав себя как бы объятого пламенем изшедшим из преподобного, ввергся в находившуюся по близости яму с водой), и в след за тем получил совершенное здравие¹⁰².

Однажды преп. Сергей по совершении своего обычного келейного правила на ночь бодрствовал и молился о братии. Вдруг он слышит зовущий его голос: «Сергие!» Удивившись необычному званию в глубокую ночь, он, сотворив молитву, открыл оконце келлии, чтобы видеть: кто зовет, и вдруг он увидел чудное видение: явился с неба великий свет, который превосходил светлостью дневной свет, и за сим он услышал второе возгласение: «Сергие! молишия о своих чадах, и Господь моление твое прият, смотри же опасно и виждь множество иноков, во имя святых и живоначальных Троицы спешшихся в твою паству, тобою наставляемых». Возрев по сделанному приказанию, преп. Сергей увидел множество птиц, «зело красных» (прекрасных), которые летали не только в монастыре, но и вокруг него, а голос говорил: «имже образом видел еси птицы сия, тако умножится стадо ученик твоих, и по тебе не оскудеют, аще восхотят стопам твоим последовати». Дивясь неизреченному видению, преподобный хотел, чтобы был у него сообщник и свидетель в созерцании видения и поспешил позвать еkkлeсиарха Симона, который жил по близости. Симон с поспешностью пришел на зов, но сподобился видеть [не] все видение, а только некоторую его часть. Преподобный рассказал ему все по ряду и они вместе возрадовались, трепеща душою от неизреченного видения¹⁰³.

Друг преп. Сергия св. Стефан, епископ Пермский, один раз ехал из своей епархии в Москву. Ехав не той дорогой, которая вела мимо монастыря, а другою, которая отстояла верст на десять или несколько более (которая была, вероятно, более прямой, «прямушкой», как говорят в деревнях) и имев нужду спешить в Москву, он не заехал к преп. Сергию и решил сделать это на возвратном пути. Но когда он поровнялся с монастырем друга, то встал в санях, проговорил Достойно и обычную молитву и поклонился по направлению к монастырю, сказав: «мир тебе, духовный брате». Случилось, что преп. Сергей находился в это время на трапезе; разумев духом приветствие Стефаново, он встал на трапезе, мало постояв сотворил молитву, поклонился по направлению к тому месту, где находился епископ Стефан, и сказал: «радуясь и ты, пастуше Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобою». Когда удивленные поведением преподобного и подозревавшие некое видение братья, спрашивали его после трапезы, что значило его вставание, от отвечал, что епископ Стефан, едуший к Москве, быв против монастыря, поклонился святой Троице и его смиренного благословил, и указал место, на

котором останавливался епископ. Некоторые из братьев тотчас же решились догнать епископа, чтобы удостовериться в словах преподобного («хотящее известно уведети»), и догнав, узнали от свиты епископа, что действительно так было¹⁰⁴.

Однажды во время пребывания в монастыре князя Владимира Андреевича преп. Сергей служил божественную литургию с братом Стефаном и племянником Феодором. Вдруг Исаак молчальник, один из подвижников монастыря¹⁰⁵, видит, что служащих не трое, а четверо и что четвертый есть «муж чуден зело, имеющий видение странно и несказанно в светлости велицей, образом сияющий и ризами блистающийся». Исаак спросил об увиденном им четвертом служащем стоявшего рядом с ним «отца» Макария, и этот, также сподобленный зреть видение, высказал догадку, что то, вероятно, священник, пришедший с князем. Но от свиты последнего они узнали, что с ним не было священника, и тогда они догадались, что видели ангела Божия, сослужившего преп. Сергию. Когда после окончания литургии Исаак и Макарий начали наедине крепко молить преподобного разрешить их сомнения, он отвечал: «аще Господь Бог вам открыл, аз не могу се утаити: его же видесте, ангел Господень есть, и не токмо ныне днесь, но и всегда, посещением Божиим, служащу ми недостойному с ним», и крепко наказал им никоим образом не поведывать тайны до его смерти¹⁰⁶.

Один раз, совершая свое обычное келейное правило, преп. Сергей молился пред иконою Божией Матери, да будет Она Богоматерь — ходатайцею к Сыну своему за устроенный им недостойным монастырь, и пел благодарный канон Пречистой, т.е. акафист. По совершении правила он сел мало отдохнуть и сказал ученику своему (келейнику), по имени Михею: «чадо, трезвися и бодрствуй, понеже посещение чюдно хочет нам быти и ужасно в сий час». Когда он еще говорил это, услышан был голос: «се Пречистая грядет». Преподобный с поспешностию вышел в сени кельи, и вдруг осенил его великий свет, превосходящий сияющее солнце, и увидел он Пречистую с двумя апостолами Петром и Иоанном, в неизреченной светлости блистающихся. Не в состоянии будучи выносить блистания света, преподобный упал на землю, а Пречистая прикоснулась его своими руками, говоря: «не ужасайся, избранниче мой, приидох бо посетити тебе; се услышана бысть молитва твоя о ученицех своих, о нихже молишися, и о обители твоей; да не скорбиши прочее, ибо отныне всем изобильствует, и не токмо дондеже в житии еси, но и по твоём еже к Богу отхождении неотступна буду от обители твоя, потребная подавающи нескудно и снабдящи и покрывающи». Сказав это, Пречистая стала невидима, а преподобный был как бы в исступлении ума, объятый великим страхом и трепетом. Мало-по-малу пришед в себя, он увидел ученика своего лежащим на земле и от страха как бы мертвым и поднял его. Михей упал на ноги старцу и молил его: «извести ми, отче, Господа ради что бысть чюдное се видение, понеже дух мой вмале не

разлучися от плотскаго ми союза блистающася видения». Но преподобный как бы весь горел радостью и от радости ничего не мог отвечать, кроме того, что «потерпи, чадо, понеже и во мне дух мой трепещет от чуднаго видения», — и таким образом они стояли оба, «дивящееся в себе». Спустя немного преподобный велел ученику позвать Исаака (молчальника) и Симона (эксlesiарха) и, рассказав им все по ряду о посещении Божией Матери, исполнил их радости неизреченныя. Все вместе отпели они молебен Богоматери и прославили Бога, а преподобный провел без сна всю ночь, «внимая умом о неизреченном видении»¹⁰⁷.

В некоторое время пришел в царствующий град Москву епископ из Константинополя и слышав многое о святом, «слуху бо велику о нем прстраившуся повсюду, даже и до самого Цариграда», был одержим о нем неверием, говоря: «како может в сих странах таков светильник явиться, паче же в последняя сия времена»: он решился сам пойдти в монастырь и своими глазами видеть блаженного. Но когда он был близ монастыря, начал он смущаться страхом, а когда вошел в монастырь и увидел святого напала на него слепота. Преподобный же взял его за руку и ввел в свою келлию и, после того, как он исповедал грех своего неверия и начал просить о возвращении зрения, прикоснулся к его ослепленным зеницам, исполнил его прошение и возвратил ему зрение, в след за чем преподавал ему наставление о том, что они — епископы, премудрые учителя, не должны высокоумдрствовать и возноситься над ними — смиренными и ненаученными невеждами и не искать того, чтобы искушать их безумие¹⁰⁸. Епископ превратился из неверующего в горячо верующего и всем начал громгласно проповедывать, что преподобный есть святой и истинный Божий человек и что Бог сподобил его видеть небесного человека и земного ангела¹⁰⁹. Этот рассказ Епифания мы должны сопроводить тем замечанием, что, как уже говорили выше, совершенно невероятно, чтобы слух о святой жизни преп. Сергия достиг даже до Константинополя (и наоборот вовсе неизвестно ни одного примера, что до России достиг слух о святой жизни какого-либо из позднейших греческих подвижников) и что епископ наслышался и наслушался рассказов о нем, уже быв в самой Москве, в которую, вероятно, пришел в качестве посла от патриарха к митрополиту.

Один из окрестных жителей монастыря впал в тяжкую болезнь, так что в продолжение 20 дней не вкушал пищи и не предавался сну. Родственники больного, веруя в чудодейственную силу молитв преп. Сергия и зная о многих совершенных им чудесах, решились повезти к нему больного, чтобы просить его молитв о нем. Преподобный взял священную воду и, сотворив молитву, покропил водою больного, после чего тотчас же он почувствовал облегчение от болезни. Затем он впал в крепкий и продолжительный сон и пробудился от сна совсем здоровым¹¹⁰.

Князь Владимир Андреевич, в области которого находился монастырь преп. Сергия и который, имея великую в него веру и великую к нему любовь,

часто приходил к нему в монастырь для посещения, а иногда посылал ему «яже на потребу», послал один раз с одним из своих служащих различные брашна и пития «в потешение старцу с братьями». Но посланный, по действию сатанину, посягнул дорогой на везенные им брашна и пития. Преподобный своим прозорливым духом узнал об этом прегрешении посланного и отечески обличил его в том, что он дозволил себе быть искушенным от врага¹¹¹.

Один богатый лихоимец, живший близ монастыря преп. Сергия, взял у одного бедного человека откормленную свинью и, заколов ее на пищу, не хотел платить денег. Обиженный пришел к преподобному и со слезами просил его о заступлении. Преподобный призвал к себе лихоимца и своим обличением привел его в чувство и раскаяние, так что он обещал заплатить долг. Однако, возвратившись домой, он снова «расслабился помыслом», чтобы не платить долга. Но когда вошел он в кладовую, чтобы посмотреть тушу свиньи, то с ужасом увидел, что, несмотря на зимнее, бывшее тогда, время, она кишела червями: это заставило его поспешить отдачею долга, и после он не смел явиться на лицо святому срама ради¹¹².

Однажды во время совершения преп. Сергием божественной литургии видел чудное видение Симон еkkлесиарх, совершенный во многих добродетели и о котором сам святой старец свидетельствовал как о муже совершенного жития. Симон видел огонь, ходящий по жертвеннику, осеняющий алтарь и окружающий вокруг святую трапезу, а когда преп. Сергий хотел причаститься, огонь свился как некая плащаница и вошел во святой потир. По окончании литургии, узнав по лицу Симона, на котором изображался страх, что он видел некое видение, он строго запретил ему не разглашать о видении, которого он удостоился, до его — Сергиевой смерти¹¹³.

Своих угодников Бог прославляет свойственною им святою славою, дабы чрез них славилось Его имя, еще во время их земной жизни. Преп. Сергий еще при своей жизни пользовался этою святою славою в такой степени, в какой не пользовался ею никто из наших подвижников ни прежде, ни после, за исключением, может быть, только преп. Феодосия Печерского. Истинное монашество должно быть пустынножитием; но наша Россия вовсе не видала этого истинного монашества. И вот воздвигаемый Богом находится в Московской области юноша, который действительно уходит монашествовать в пустыню, как это делали древние святые отцы: быстро должна была потечи слава об этом воскресителе у нас истинного монашества сначала по Московской области, а потом и по всем пределам страны. Истинное монашество должно быть общинножитием, чего также вовсе не видала тогдашняя Россия; и вот этот юноша, ставший мужем, когда составиля около его пустынной келлии монастырь, вводит в монастыре общинножитие: должна была потечи сначала по Московской области, а потом и по всей стране так сказать сугубая волна славы о преп. Сергии. Но этот насадитель в России

истинного монашества, этот начальный русский пустынножитель и начальный русский общежитель (как выражается Епифаний, — л. 351 об.= стр. 148) был воздвигнут Богом не только для того, чтобы быть вождем полка монашествующих, желающих истинно монашествовать, но и для того, чтобы быть неумолкающим вещателем слова душеспасительного ко всем, кто желал слышать это слово: и Московская область, а за нею население и всей России, видя в нем своего пророка и «яко единого от (древних) пророк»¹¹⁴, устремилось к нему толпами и вереницами, чтобы слышать его душеспасительное слово¹¹⁵. Что не известно с какого времени ранее 1375 г. если не вся Россия, то Московская область, стала видеть в нем свое общее богодарованное достояние, видно из того, что под сим годом у Московского летописца записано: «тогоже лета болезнь бысть тяжка преподобному Сергию игумену святому, но Бог помилова, — разболелся в великое говение, и паки здрав бысть и вста к Семенову дни»¹¹⁶.

Скончался преп. Сергей на 69-м году своей жизни и на 46-м году своего монашества 25 Сентября 1392 г. Пред смертью он не приказал было класть себя в церкви, а просто погresti на общем кладбище, но братии весьма прискорбно было такое завещание преподобного и она испросила у митр. Киприана благословения погresti его в церкви, в которой он и положен был у правой стены, не далеко от алтаря.

Мощи преп. Сергия были открыты спустя 30 лет после его смерти, в следствие особого видения. Одному благочестивому человеку, жившему близ монастыря, который имел великую веру к преподобному и часто приходил молиться к месту его гроба, в одну ночь явился в тонком послемолитвенном сне и сказал: «да возвестиши игумену обители сея, вскую мя остависте толико время во гробе землю покровенна, воде утесняюще(й) тело мое». Видевший видение возвестил о нем игумену Никону (преемнику Сергиеву), а игумен возвестил всей братии, и общим советом братства и положено было изнести мощи из земли. На торжестве их открытия, которое имело место 5 Июля, присутствовал многочисленный собор духовенства и великий князь Василий Дмитриевич с братом своим Юрием Дмитриевичем, крестным сыном преп. Сергия¹¹⁷ и усердным попечителем монастыря¹¹⁸.

Троицкий монастырь возник таким образом, что преп. Сергей поставил себе келлию и церковь в расчищенной им лесной чаще и что по мере прибытия к нему монахов для сожительства поставлено было около его келлии 12-ть других келий. Этот первоначальный монастырек не должен быть однако представляем находившимся на лесной поляне совершенно расчищенной и настоящей или на голом месте, которое окружено было лесом: преп. Сергей и первые его сожители не расчистили леса в собственном смысле этого слова, а настолько вырубали или разредали его, чтобы между деревьями могли быть поставлены келлии, так что он стоял не на поляне, а как бы в роще, при чем кельи стояли под деревьями, быв ими осеняемы, как говорит

Епифаний, и скрываясь между ними. Вместе с этим первое время оставались кругом церкви и келий не выкорчеванными или невырубленными и пни от срубленных деревьев, так что вид первоначального монастырька представлял соединение привлекательнейшей поэзии с святою простотой. Пока не введено было в монастыре общежитие, все или некоторые из монахов имели у своих келий огороды для произращения для себя овощей¹¹⁹. Смоленский архимандрит Симон, который разрушил своим приходом апостольское число сожителей преп. Сергия и с которого началось быстрое постепенное умножение последних, доставил вместе с тем преп. Сергию и средства перестроить и вообще благоустроить свой монастырь: он принес с собою и отдал в руки святому «многа имения», а этот употребил вданное ему на то, чтобы построить новую, обширнейшую первоначальной, церковь и чтобы поставить келлии вокруг новой церкви правильным четырехугольником¹²⁰. Когда было введено в монастыре общежитие, имели быть построены преп. Сергием в монастыре требовавшиеся этим последним здания: трапеза для братии с поварнею и всякими кладовыми, и составлявшими как бы особые отделения поварни: пивною, квасною, мастерские (для приготовления одежды и обуви) и помянутая нами выше странноприимница. Так как во вторую и вероятно — большую половину жизни преп. Сергий располагал самыми обильными средствами, в следствие величайшего усердия к нему его многочисленных почитателей, о чем Епифаний ясно говорит несколько раз¹²¹, то должно думать, что к концу своей жизни он благоустроил свой монастырь со внешней стороны или в отношении к зданиям в возможной степени хорошо, хотя этот последний и оставался при нем еще весь деревянный со включением и церкви. Позднейшее свидетельство говорит о древней церкви монастыря во имя св. Димитрия Солунского, который был ангелом вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского: и со весьма большою вероятностию можно думать, что эта церковь была построена самим преп. Сергием для молитвы о первом державном покровителе монастыря; а принимая это, мы получим, что церковью в монастыре при самом преп. Сергии было две. Епифаний, говоря о монастыре за время преп. Сергия, не один раз называет его лаврою¹²². Употребляя слово не в греческом его значении, а в каком-то другом¹²³, он употребляет его, по всей вероятности, в значении монастыря обширного, чем дает знать, что монастырь преп. Сергия был таковым уже в его собственное время. Центр или середину монастыря при преп. Сергии, по свидетельству его второго жизнеописателя Пахомия Сербина, составляла церковь; а она стояла на том самом месте, на котором стоит нынешний Троицкий собор лавры¹²⁴. В конце 1408 г., во время игуменства в монастыре преемника Сергиева преп. Никона имело место страшное нашествие на Москву Едигея. Самая столица не была взята им, но ужасно и на огромное пространство была опустошена разосланными от него полчищами окрестность последней. Одним из полчищ (отрядов), именно посланным для опустошения Переяс-

лавля и Ростова, был превращен в пепел и Троицкий монастырь, который заранее оставлен был монахами по чудесному извещению преп. Сергия. А таким образом преп. Никон после 1408 г. должен был построить монастырь совершенно вновь. Как он построил его, не имеем сведений; знаем только, что вновь построенная им церковь монастыря освящена была 25 Сентября 1411 г.¹²⁵ По открытии мощей преп. Сергия, совершенном 5 Июля 1422 г., преп. Никон решился воздвигнуть над ними каменный храм, каковой и построен был им при содействии Звенигородского князя Юрия Дмитриевича. Храм этот, складенный как все тогдашние каменные Московской Руси храмы, именно из камня (местного, белого и мягкого), очень небольшой пространством (одноглавый), но, вероятно, принадлежавший к лучшим храмам своего времени, существует до настоящего времени в качестве главной церкви или главного собора лавры. Для совершения служб в монастыре на время стройки каменной церкви, имевшей заменить собою разрушенную деревянную, преп. Никон не далеко от строившейся церкви поставил другую деревянную церковь св. Троицы (в которую, как это необходимо думать, были вынесены на время стройки и мощи преп. Сергия). Эта последняя церковь не была разобрана, а осталась стоять и по окончании каменной и в 1476 г. также была заменена каменною (а в 1559 г. построена на ее месте новая каменная церковь в честь Сошествия Св. Духа). В 1512 г. были построены в монастырской ограде каменные святые врата с церковью над ними во имя преп. Сергия. В малолетство Ивана Васильевича Грозного, в продолжение 1540-1550 годов, построены были нынешние стены монастыря, имеющие в окружности более версты (по описи монастыря времен царя Михаила Федоровича — 551 ½ сажень) и для своего времени составлявшие знаменитое крепостное сооружение¹²⁶. После того как на соборе 1547 г. был торжественно причислен к лику святых преемник преп. Сергия на игуменстве преп. Никон, была построена каменная церковь над его мощами (положенными и находящимися у самой южной стены Троицкого собора, прямо против мощей преп. Сергия в самом соборе; нынешняя церковь преп. Никона есть вновь построенная при царе Михаиле Федоровиче). До 1557 г. келлии монашеские, — все еще деревянные¹²⁷, продолжали стоять, как это было и при преп. Сергии, кругом — вместо одной бывшей при нем церкви — трех тогда существовавших церквей и более или менее близко к ним: в нашем году они отнесены были от церквей ко вновь построенным монастырским стенам.

Преп. Сергий был первым водителем у нас общежития, но еще не совсем строгого (в монастыре его племянника монахи владеют собственностью). Он не находил возможности объявить войну закоренелым привычкам людей и сразу их перевернуть. Преп. Кирилл был совершеннейшим представителем монашества (строгого общежития), на которого люди избранные взирали как на образ.

Преп. Кирилл Белозерский¹²⁸ родился в Москве, в 1337 г. или около него¹²⁹, от неизвестного по имени служилого великокняжеского человека, не

особенно, как кажется, большого¹³⁰, но находившегося в родстве с весьма знатными боярскими семействами; при крещении он получил имя Космы. Достигнув двадцати-двадцатипятилетней юности, Косма лишился родителей и поступил в дом к боярину Тимофею Васильевичу Вельяминову, одному из знатнейших бояр Дмитрия Ивановича Донского¹³¹, которому родители его пред своей смертью отдали в опеку, как своему родственнику. За добрый нрав, безукоризненное поведение и усердную набожность боярин весьма полюбил взятого им к себе в дом сироту-родственника и когда он — Косма достиг возраста совершенного мужества приблизил его к себе, как равного, сподобил его «и седания на трапезе с собою», а потом сделал его и казначеем своего имени, т.-е. своим вотчинным управляющим или дворецким. Жизнеописатель преп. Кирилла представляет дело так, что первую мысль о пострижении в монашество подала ему смерть родителей. Но должно думать, что такое представление дела несогласно с действительностью. Еще при жизни родителей и за несколько лет до их смерти Косма достиг юношеского возраста, который в XIV веке был времен для вступления [в] брак юношей и того «благородного» сословия, к которому он принадлежал: и однако он не вступил в брак. А это показывает, что еще при жизни родителей, если не принял он положительного намерения постричься в монашество, то колебался над решением вопроса: какую ему жизнь избрать, — семейную ли мирскую или же монашескую. Вообще, необходимо думать, что Косма, наделенный природным расположением к монашеству и природными монашескими наклонностями, начал помышлять о первом тотчас же, как достиг возраста, в котором стал в состоянии помышлять о чем бы то ни было. Что касается до смерти родителей, то она была причиною, что весьма долгое время он не мог привести в исполнение своего намерения постричься в монашество. Боярин Тимофей Васильевич Вельяминов, к которому Косма поступил в дом, лишившись родителей, потому ли, что весьма полюбил его или по чему-либо другому, решительно не хотел дать ему свое согласие на принятие монашества, а что касается до того, чтобы быть пострижену без согласия боярина, то Косма не находил монаха, который бы отважился сделать это. Таким образом, в продолжение очень многих лет после смерти родителей, не менее как пятнадцати, Косма принужден был оставаться мирским человеком, быв монахом только в своих мыслях и стараясь быть им только в своем поведении¹³². Наконец, после очень многих лет иночества тайного, в одежде мирянина, Косма дождался монаха, который имел мужество сделать увенчавшуюся успехом попытку сотворить его иноком явным и настоящим. Однажды пришел к Тимофею Васильевичу преп. Стефан Махрицкий, весьма уважавшийся им, как и всеми. Косма, вероятно — хорошо по слухам знавший Стефана и имевший основания предполагать в нем особое мужество, припал к нему с слезною и неотступною просьбою постричь его в монашество. Видя горячую искренность желания Космы и про-

видя в нем избранный сосуд Божий, Стефан решился сделать попытку исполнить его желание. Если сказать о желании Космы боярину, рассуждал Стефан, то он не попустит, чтобы желание было исполнено; если просить его, то он не послушает, — и он (Стефан) «умыслил» поступить иначе, а именно — дать Косме новое имя Кирилл и, не постригая его в монахи, только возложить на него монашеские одежды, с тем, чтобы возвестить боярину о совершенном будто бы пострижении и чтобы в случае его непротиворечия сделанному будто бы делу тотчас же действительно постричь, а в случае его крайнего гнева и требования расстрижения просто снять с мнимо постриженного монашеские одежды. Поступив таким образом, Стефан пошел к боярину; когда боярин, поклонившись ему, просил у него благословения, от отвечал: «благословляет вас богомолец ваш Кирилл»; на вопрос боярина: «кто такой Кирилл», он отвечал: «Косма, бывший ваш слуга, а ныне ставший монахом»; когда вспыхнувший от гнева боярин начал говорить ему «некая досадительная», т.е. вероятно — ругать этих вербовщиков в монашество, к которым он причислил его — Стефана, последний, объяснявшийся с боярином стоя, сослался на повеление Спасителя: «идеже аще приемлют вас и послушают, ту пребывайте, а идеже не приемлют вас, ниже послушают, исходящее оттуду и прах их, прилепший ног ваших отрясете пред ними в свидетельство им», и поспешил оставить его — боярина дом; но жена боярина, по имени Ирина, женщина благочестивая и богобоязненная, устрашась произнесенных Стефаном слов Спасителя, начала увещавать мужа относительно того, что он оскорбил такого святого мужа и скоро успела достигнуть того, чтобы боярин пожелал примириться с Стефаном: последний был призван; боярин испросил у него прощения, а он в свою очередь испросил прощения у боярина, и Косме предоставлено было исполнить его желание — постричься в монахи. Со страхом и нетерпением ожидавший исхода дела и бесконечно обрадованный благополучным его исходом, Козьма поспешил раздать убогим совершенно все свое имение и остался наг, после чего отведен был Стефаном в Симонов монастырь к его основателю — игумену Феодору, которым и пострижен был в монахи с прежде данным ему именем Кирилла. Пострижение Козьмы-Кирилла имело место не ранее 1380 г., когда ему было не менее 43-х лет от роду¹³³. Хотя Кирилл принял монашество в возрасте не юношеском, а зрелом мужеском, но в то время было у нас, в след за Грецією, если не всеобщим, то весьма распространенным обычаем, чтобы новопостригаемые монахи были отдаваемы в духовное руководство, как ученики старцам, пожилым и опытным монахам, — и Кирилл отдан был игуменом Феодором в духовное руководство монаху Михаилу, который потом поставлен был в епископы Смоленские. Старец Кирилла был муж, проходивший великое по Боге житие, упражнявшийся в молитвах, посте, бдениях и всяком воздержании, — и Кирилл, предавший себя в полное ему повиновение и возревновавший его доброму житию: смотря на его про-

тяжелые молитвы, на безгневие и любомудрие и на безмерные труды, вознаграждая за потерянное время, старался все то исправить сам; и таким образом во всем повинился (и подражал) старцу: пост вменял в пресыщение, зимний холод, от которого не хотел защищаться одеждой вменял себе в теплоту, томил плоть свою всяким воздержанием, а сна принимал только мало нечто, и то не лежа, а сидя. Он просил было у старца дозволения есть не каждый день, а принимать пищу через два и через три дня; но старец не дозволил ему этого и повелел есть хлеб с братьями, только не до сытости. Читая по ночам псалтырь, старец приказывал Кириллу класть поклоны и очень не редка это чтение псалтыри одним и полагание поклонов другим продолжалось (через всю ночь?) до самого ударения к заутрене. На все церковные службы Кирилл старался приходить в церковь первым. Во время своих первых монашеских подвигов под руководством старца Кирилл подвергался искушениям от бесов: когда во время исправления или обоими ночного правила Михаил выходил из кельи, то бесы являлись Кириллу в разных странных и страшных образах и пытались ужасать его; а иногда и во время нахождения в келье Михаила, производили вне ее как бы некоторый гром (тутец) и ударяли в ее стену. От всех искушений бесовских Кирилл ограждал себя и освобождался призыванием имени Иисусова, знаменем креста и молитвою. Пробыв в научении великого подвижника время немалое, он постоянно вел себя так, что как будто во все время старался вовсе не иметь своей воли, а только одно безрассудительное послушание. После начального учения в подвигах монашеских под руководством старца, каковое учение, вероятно, окончилось вместе с тем, как Михаил был избран в епископы Смоленские, что имело место в конце 1383 — начале 1384 г., Кирилл, по приказанию игумена Феодора, назначен был на послушание служить в хлебной (сам захотел на такое низкое и трудное послушание; если бы не захотел, то не был бы послан). Здесь он носил воду для квашен, рубил дрова и приносил хлебы из хлебной в трапезу. В то же время со всею ревностью упражнялся и в подвигах монашеских: нередко простаивал на молитве по целым ночам, пищи принимал не более того, что совсем не упасть («не свалиться») от голода, а иногда ел лишь столько, чтобы не дать заметить своего поста братьям; пил исключительно одну [воду], и ту не более, как для утоления жажды; вообще старался быть врагом немилостивым своей плоти, поминая апостольское слов, что *егда телом немощствую, тогда духом силен есмь* [2 Коринф. XII, 10].

Своими ревностнейшими и суровейшими подвигами, начатыми с первой минуты пострижения, преп. Кирилл успел в весьма непродолжительное время столько прославиться, что успел приобрести исключительное уважение такого светильника между монахами, как преп. Сергей Радонежский. Приходя в Симонов монастырь, для посещения своего племянника с его братией, преп. Сергей делал так, что не идя к игумену, прямо отправлялся в хлебную к преп. Кириллу, дыбы вести с ним продолжительную беседу о пользе

душевной, так что игумен с братией должны были приходиться сюда — в хлебную для первого приветствия своего высокого посетителя. Проведши на послушании в хлебной не малое время, преп. Кирилл послан был игуменом на новое послушание в поварню. Продолжая с исполнением нового послушания упражнение в прежних подвигах, преп. Кирилл достиг теперь состояния слезной сокрушенности (если можно так выразиться): жарясь огнем поварни, он говорил себе: «терпи, Кирилл, этот огонь, чтобы сим огнем мог избежать тамошнего огня», — и получил от Бога такое умиление, что не мог вкушать без слез самого хлеба и сказать одного слова. Слава преп. Кирилла, как подвижника, до того наконец возросла, что он решился сокрыть добродетель, которую имел, под видом юродства и начал творить «некая, подобна глумлению и смеху». За это подобное глумлению и смеху игумен начал называть его эпитимией поста о хлебе и воде, — иногда сорокадневного, иногда более продолжительного. Преп. Кирилл с радостью исполнял возлагавшиеся на него эпитимии, так как они составляли то, чего он именно желал, и вел себя так, чтобы получать все более и более продолжительные, дабы об его добровольном посте думали как о посте невольном; это продолжалось до тех пор, пока игумен не узнал, с какою целию он ищет эпитимий. В поварне преп. Кирилл должен был подвизаться на людях, и ему пришел помысл уйти в келью, чтобы подвизаться уединенно и стяжать большее умиление. С просьбой об этом он не обратился к игумену, а к Божией Матери, на которую возлагал все свое упование и которой вверял себя со всеми своими помыслами, — и Божия Матерь устроила так, как он желал: игумен захотел написать одну книгу и возложил это дело на Кирилла, для чего он должен был пойти в келлию. В келлии он проводил дни в писании книги, а большую часть ночей в коленопреклоненных молитвах. Против своего ожидания преподобный не имел в келье такого умиления, как в поварне; поэтому, он снова начал просить Божию Матерь, чтобы она возвратила его в поварню, что она и сделала, внушив мысль об этом игумену. На послушании в поварне, считая и с хлебной, преп. Кирилл провел 9-ть лет, и все это продолжительное время было времен злого добровольного страдания, ибо в то время он вовсе не хотел надевать овчинной одежды (носить шубного), в следствие чего было так, что днем он жарился у огня, а ночью мерз от холода. После [13]-летнего приблизительно монашествования преп. Кирилл посвящен был во священники или иеромонахи. Исправляя недельную череду служения вместе с прочими священниками или иеромонахами монастыря, в свободные от службы недели он по прежнему исполнял послушание в поварне. Проведши так довольно значительное время, он начал было безмолвствовать в келье, но основатель и архимандрит (в позднейшее время настоятельства) Симонова монастыря Феодор поставлен был в епископы Ростовские, — это было [в 1387-м году] и на место Феодора был поставлен в архимандриты монастыря он — Кирилл. Не оставляя своих подвигов, со всем усердием начал

было проходить преп. Кирилл должность архимандрита: старательно управлял дела монастырские, ко всем братьям — большим и малым относился с одинаковой любовью, всем показывал собою пример смирения; но из весьма близкой к монастырю Москвы толпами устремились к прославленному подвигами архимандриту, ища у него душевной пользы, князья и вельможи. Преп. Кирилл увидел, что в сане архимандрита невозможно соблюдать безмолвия и решил отказаться от настоятельства и удалиться в келью. Но пробыв [не]сколько времени в келье, он вовсе не избавился от многочисленных не только из Москвы, но и из всех мест, посетителей, искавших у него душевной пользы; между тем назначенный на его место в архимандриты Симоновские некий Сергей Азаков, видя, как к нему — преподобному стекаются отовсюду толпы посетителей, а он — архимандрит остается как бы в презрении, воспыпал против него сильною ненавистию. Тогда преподобный, {не} давая место злу, оставил Феодоров Симоновский монастырь, в котором постригся и столь продолжительное время подвизался, и перешел в другой монастырь, находившийся на Симоновом, который построен был ранее Феодорова и который назывался по отношению к нему древним или старым. Но так как и здесь безмолвствовать было так же неудобно, как и в монастыре Феодоровом, то, выселившись сюда на время, преподобный начал помышлять о таком месте, где бы он действительно мог уединиться от мира для своего подвига. Мысли его привлекал к себе пустынный Белозерский край. Божия Матерь, водительство которой он во всем вверял себя, действительно указала ему в чудесном видении на этот край, как на страну, в которую он должен идти. В то время, как он занимался разведываниями о желаемом для него месте, возвратился из Белозерья сопостриженник его в Феодоровом монастыре монах Ферапонт и на его вопрос: есть ли в Белозерьи места, удобные для уединенного безмолвия, отвечал, что есть весьма многие. Тогда преп. Кирилл, после многолетних подвигов в Москве и имея 60 лет от роду, решился идти в Белозерье, при чем изъявил желание быть его спутником сейчас помянутый Ферапонт¹³⁴. Пришед в Белозерье, Кирилл с Ферапонтом начали искать места, какое им было желательно. Долго их поиски были напрасны, ибо ни в одном из многих, виденных мест Кирилл не узнавал того места, которое было показано ему в чудесном видении. Наконец пришли на то место, на котором был поставлен преп. Кириллом его монастырь; увидав его, он тотчас узнал в нем место, показанное ему в видении, и с словами: «зде покой мой в век века, зде вселюся, яко Пречистая изволи его», остановился в нем. Место это находилось в 37 верстах на юговосток от города Белозерска (нынешнего), на северном берегу озера Сиверского, при впадении в него речки Копани или Свияги, и не в дальнем расстоянии от других двух озер — Долгого и Лунского или Бабьего (в настоящее время монастырь находится в городе Кириллове, — уездном Новгородской губернии, который в 1776 г. был образован из подмонастырной слободы). Поста-

вив на месте сень или палатку, Кирилл и Ферапонт начали копать келью в земле; но так как они были несогласны обычаями и Ферапонт не чувствовал в себе готовности к тому тесному и жестокому житию, которого искал Кирилл, то прежде чем было приготовлено постоянное жилище, первый оставил последнего, чтобы не в дальнем расстоянии от него поселиться отдельно (основанный преп. Ферапонтом монастырь, называвшийся по его имени Ферапонтовым, находился в 15 верстах к северу от Кириллова, при озере Бородавском, — по Пахомию — Паском; монастырь закрыт в 1798 г. и в настоящее время остается на его месте его бывшая подмонастырная слобода, известная под именем Ферапонтовой слободы). Поселившись в выкопанной в земле келье, преп. Кирилл начал упражняться в том подвиге, для которого пришел в Белозерскую пустыню. Но диавол, увидевший, что он будет прогнан от места, делал было попытки заставить удалиться самого преподобного. Один раз последний обходил с двумя жившими не в дальнем расстоянии от его кельи и посещавшими его крестьянами окружающую его жилище местность; вдруг напала на него такая сонливость, что он не мог стоять на ногах и тотчас же должен был прилечь; во сне он услышал громкий голос: «беги, Кирилл», и едва он пробудившись отскочил от места, как на него, и именно — как раз поперек его, упало огромное дерево: познав наветование вражие, преподобный начал молиться Божией Матери, чтобы она отняла от него сон, и молитва его настолько была услышана, что он стал в состоянии проводить без сна многие дни и ночи. Место, выбранное Кириллом для жительства, представляло большой бор и чашу, так что он должен был расчищать его; когда, расчистив его, он собрал сучки от срубленных деревьев (хворост) в кучи и когда он зажег последние, то диавол вдруг напустил такой ветер, что он очутился среди огня; но ему явился некто в образе его опекуна боярина Тимофея Васильевича и с словами: «иди за мной» вывел его из огня невредимым. В непродолжительном времени, после того как преп. Кирилл поселился на своем месте жительства пришли к нему из Симонова монастыря два брата (один по имени Зеведей, другой Дионисий), которые, быв единомыслены ему, желали сожителемствоваться с ним и по мере сил подражать его высокому примеру: преподобный, весьма обрадовавшись их прибытию, принял их с великою любовью. Вскоре начали приходиться к нему и другие, желавшие постричься в монашество и быть его учениками, а также пришло и еще несколько братьев из Симонова монастыря, и таким образом около его (Кирилла) кельи в непродолжительном времени после его поселения на месте составила монашеская община. Появление в известных местностях монастырей и монашеских общин весьма не редко возбуждало в местных жителях чувство вражды к ним, ибо у последних являлось опасение, что монастыри постараются захватить в свою власть окрестные земли. Чувство подобной вражды возбудил и преп. Кирилл в одном из местных жителей, (по имени Андрее, — вероятно помещике, который опасался

как бы его поместные земли не были отданы в собственность Кириллу) и он решился было сжечь преподобного в его келье; но его многократные попытки сделать это постоянно оканчивались неудачей, при чем ясно было непосредственное вмешательство промысла Божия, бдевшего над преподобным, и злоумыслитель пришел наконец в сознание и очистил свою совесть искренним раскаянием перед последним (спустя некоторое время он принял монашество в монастыре Кирилловом). Собравшееся около преп. Кирилла братство имело нужду в церкви для молитвы, и братия обратилась к нему с просьбой о построении церкви; но место удалено было от человеческих жилищ и трудно было достать плотников; тогда преп. Кирилл обратился с усердной молитвой к Божией Матери, на которую возлагал свое упование, и Она — нарочитая покровительница (патронесса) преподобного устроила так, что плотники пришли и незванные: они построили церковь во имя Успения Божией Матери. Когда пронеслась в окрестной стране весть, что Кирилл строит монастырь, то между жителями ее распространилось убеждение, что он принес с собой из Москвы многое богатство, каковое убеждение еще более утвердилось, когда узнали, что в Москве он был архимандритом Симона монастыря. Один из местных жителей, некий боярин, по имени Феодор, желая овладеть мнимым богатством преп. Кирилла, наслал на него разбойников (как должно подразумевать, вошед с последними в сделку относительно дележа добычи); но разбойники, придя под монастырь по одну ночь и по другую, в оба раза видели кругом его множество людей, часть которых была вооружена луками; думая, что приехал в монастырь какой-нибудь вельможа для молитвы (и что разбойниками была видена его свита), боярин послал в него справиться; но ему принесено было известие, что в монастыре никого не было уже более недели; тогда он пришел в чувство (зная, что разбойниками были видены охранители монастыря не обыкновенные) и, страшась казни Божией за свой умысел на святого мужа, поспешил к преподобному, чтобы принести ему искреннее покаяние; а преподобный, простив и поучив его, сказал ему: «уверяю тебя, чадо Феодор, что я ничего не имею, кроме этой одежды, которую видишь на мен, и небольшого количества книг»; с тех пор Феодор начал иметь великую веру к преподобному, почитая его не столько как человека, сколько за ангела Божия.

Собравшаяся около кельи преп. Кирилла монашеская община, после того, как была построена для нее церковь, превратилась в настоящий монастырь. И преп. Кирилл немедленно озаботился тем, чтобы благоустроить свой монастырь посредством введения в нем определенного, имевшего быть строго соблюдаемым, монастырского или монашеского устава. Он не начертал своего устава письменно, а прямо ввел его на практике или на деле, и мы знаем его (устава) подробности лишь настолько, насколько сообщает их его (Кирилла) жизнеописание¹³⁵. У последнего читаем об этих подробностях устава отчасти как передачу предписаний, отчасти как передачу бывшей

действительности: «Было узаконение блаженного Кирилла, чтобы в церкви (на службах) никому ни с кем не разговаривать и никому не исходить из церкви прежде окончания (служб), но всякому пребывать на (церковных) славословиях в своем установленном чине (при отправлении своих, назначенных, обязанностей); также чтобы к евангелию и святым иконам (для целования) подходили соблюдая старшинство, дабы не происходило (при сем) беспорядка. Также и в трапезу исходили (из церкви) по старшинству и по местам (какие занимали за ее столами); в трапезе все сидели по своим местам и молчали, так что никого (из них) не было слышно, кроме одного чтеца; братьям всегда бывали три кушанья (а сам два кушанья), кроме постных дней, когда (поется) аллилуйя (и когда полагалось по два кушанья?); вставая от трапезы, отходили в свои кельи, в молчании благодаря Бога и не уклоняясь на какие-нибудь беседы и не заходя по дороге из трапезы в чужие кельи, кроме великой какой-нибудь нужды. Однажды случилось одному из учеников преподобного, по имени Мартиниану, зайти от трапезы к одному брату некоторой ради нужды; когда увидел его святой, что он уклонился к чужой кельи, призвал его к себе и спросил: куда он шел; когда этот отвечал, что имел дело до брата и потому хотел идти к нему, то святой, как бы укоряя его, сказал: «так ли сохраняешь ты чин монастыря, не мог ли ты пойти сначала в свою келью и совершить должное молитвословие, а потом, если было нужно тебе, пойти к брату»; когда Мартиниан улыбаясь сказал: «если бы я пришел в келью, то не мог бы выйти из ней» (потому что, — как должно подразумевать, — это было запрещено), то святой сказал: «так делай всегда, — сперва (прямо) иди в келью, келья (уединенное размышление в келье о монашеских обязанностях) всему научит тебя (т.-е. научит между прочим и тому, чтобы не иметь дел до братьев и поэтому не видеть нужды ходить к ним в кельи)». — Был же такой обычай: если кто-нибудь присылал к какому-нибудь брату письмо или гостинец («поминок»), то письмо, не распечатывая, приносили к святому, также и гостинец; равным образом, если кто-нибудь из братьев хотел написать куда-нибудь письмо, то без отчего разрешения не смел посылать. Монахам не позволял иметь по кельям ничего собственного и ничего не звать своим, но все иметь, по апостолу, общее, «яко да сего ради не раби будем тем, ихже нарицаем» (? — отрицаемся при пострижении), а серебро и золото совершенно в братии и не именовалось, кроме монастырской казны, из которой получали все, что было потребно. Если кто чувствовал жажду, то шел в трапезу и там с благословением утолял ее; хлеба же или воды или другого чего такового (ни у кого) в келье ни под каким видом не обреталось, за исключением воды для умывания рук, и если случалось, что кто-нибудь приходил в келью к кому-нибудь из братьев, то ничего не видел в кельи кроме икон и книг. Таким образом (братия) свободны были от всего (от всяких забот), имея одно только попечение, чтобы превосходить друг друга любовью и смирением и как можно ранее приходиться

(в церковь) на пение. Также и на работы монастырские, если какие когда случались, отходили со страхом Божиим и совершали их, работая не как человеку, но как Богу или как бы стоя пред Богом, и не было между ними празднословия или разузнавания и пересказывания мирских вестей, но каждый из них в молчании соблюдал свое любомудрие, а если кто хотел и говорить, то ничего иного, как (что-либо) от Писания на пользу прочим братьям, в особенности не знающим Писания. Что касается до уряжения («устроения») их жизни (относительно монашеских подвигов), то оно было весьма различно, ибо блаженный каждому из братий (смотря по его нравственным силам и душевным расположениям) давал «образ и меру правилом». Те из братий, которые умели какое-нибудь рукоделье, делая что-нибудь, относили в казну, себе же никто ничего не делал без благословения, ибо, как мы сказали выше, все имели из казны, — одежду и обувь и прочее, что относится к телесной потребности. Сам преподобный отнюдь не терпел видеть на себе какую-нибудь красоту одежную (в одеже), но ходил просто в одеянии разодранном и многوشвенном (многозаплатанном). Молил всех и запрещал всем, отнюдь не иметь своего мудрования и быть готовым ко всякому послушанию, дабы таким образом плод приносился Богу, а не своей воле последовали. — Был у блаженного Кирилла и такой обычай: по окончании утреннего славословия и по совершении своего обычного правила приходил в поварню, чтобы посмотреть, какое будет утешение братии, и молил блаженный служителей, чтобы сколько возможно старались делать к братскому упокоению, иногда же и сам помогал им своими руками к учреждению братий, и таким образом всячески старался об упокоении братии. Что касается до меду или другого (хмельного) питья, от которых пьянство (которые производят опьянение), то отнюдь не повелевал быть в монастыре, и таким образом посредством этого устава блаженный отрезал Змиеву главу пьянства и совершенно исторг его корень, и оставил, чтобы не только при его жизни не было в монастыре меду или другого пьянственного питья, но и особенно по его преставлении. Когда случались в монастыре какие-нибудь недостатки, а братия просили святого послать к каким-нибудь христороубам, чтобы просить у них нужного братиям: то он не допускал этого, говоря: если Бог и Пречистая забудут нас на месте сем, то напрасно мы и живем (потому, очевидно, живем недостойным образом), и таким образом утешал братий и учил их не просить милостыни у мирских. — Был у святого ученик по имени Антоний, великий по Боге житием и рассуждением в иноческих и в мирских: его посылал блаженный Кирилл однажды в году купить, что было нужно к телесной потребе братиям, т.-е. одежду, обувь, масло и прочее, и потом уже из монастыря не исходили, если только не случалось какой-нибудь нужды; если же кто из мирских присылал милостыню, то принимали ее, как посланное от Бога, благодаря Бога и пречистую Его Матерь. — Однажды пришла (в монастырь) княгиня благочестивого князя Андрея (Дмитриевича), по имени Аграфена, в области

супруга которой было то место, где теперь монастырь; будучи весьма благочестива и милостива и имея великую веру к иноческому чину, а в особенности к блаженному Кириллу, она хотела учредить братию рыбным столом; но святой не повелел есть рыбы, потому что был великий пост; княгиня, как благочестивая, молила его, чтобы позволил братии есть рыбу, но он никак не дозволил этого, говоря: если я сделаю это сам, то буду разоритель монастырского устава, по сказанному: еже созидаю, сия сам и разоряю; начнут и после моей смерти говорить: сам Кирилл повелел в пост есть рыбы; это делал святой, — прибавляет от себя жизнеописатель, — чтобы никоим образом не разорился монастырский обычай, а особенно уставленное святыми отцами¹³⁶.

Устав общежительный, требующий для своего введения многих так сказать приспособлений: постройки зданий (поварни, хлебной, трапезы, келарской, рухлядной, житницы) и устройства способов снабжения братии пищей, одеждой и обувью, не мог быть введен вдруг, а только в течение более или менее продолжительного [времени]. А поэтому и историю введения этого устава преп. Кириллом в его монастыре должно представлять так, что он немедленно по образовании монастыря приступил к введению в последнем нашего устава лишь настолько, насколько это он (устав) позволял (заведение ежедневного богослужения, предписание правил относительно поведения братии) и что совершенно ввел он его не скорее, как в продолжение лет пяти-шести.

Мы видели выше, что говорит жизнеописатель преп. Кирилла о способе приобретения им необходимых для братии жизненных потребностей, именно — что один раз в году он посылал одного из братьев закупать одежду, обувь, масло и прочее. Странно, что жизнеописатель не говорит прямо о хлебе, который составлял главную жизненную потребность. Это как будто заставляет предполагать, что для получения хлеба преп. Кирилл вел с своей братией собственное хлебопашество (если только не предполагать, что хлеб доставляем был ему натурою его окрестными почитателями). Преп. Кирилл вовсе не имел собственных денег, и поэтому в том или другом размере приобретал он жизненные потребности посредством покупки, он покупал их на деньги, которые получал от своих почитателей и вообще от благотворителей или иначе, — что денежная милостыня почитателей и благотворителей была одним из главных средств содержания преп. Кирилла с его братией. Составляет весьма недоуменный и весьма не легко разрешимый вопрос то, что читается у жизнеописателя преп. Кирилла о нехотении последнего приобретать монастырю села или вотчины. «Один боярин, по имени Роман Иванович, — рассказывает жизнеописатель, — имея великую [веру] к пречистой Богоматери и Ее угоднику Кириллу, давал в монастырь всякий год по 50 мер хлеба; потом он надумал совсем отдать монастырю в полное владение то село, хлеб с которого доставлял ему, и послал святому грамоту на село; свя-

той, получив грамоту, начал размышлять в себе: если захочем владеть селами, то будут у нас заботы, могущие нарушить безмолвие братии и из нас самих должны будут быть посельские и распорядители («рядники»: нарядчики), но лучше жить так, без сел, ибо душа одного брата дороже всякого имения; поэтому отослал грамоту назад к боярину и с нею отправил к нему свое послание, в котором писал: «изволилось тебе, человеку Божий, дать село к монастырю — дому Пречистыя для пропитания братии; но — теперь даешь ты по 50 мер хлеба, давай, если хочешь, по 100 мер братиям, и этим мы будем довольны; селами же своими владей сам, ибо оне ни потребны ни полезны братии»¹³⁷. — «Один боярин, по имени Даниил Андреевич, — еще рассказывает жизнеописатель, — имея великую веру к пречистой Божией Матери и к блаженному Кириллу, захотел по своей смерти придать село монастырю Пречистой, и пришел некий брат монастыря, по имени Феодосий, и известил святого, что боярин предает по смерти своей село их монастырю, говорил преподобному, чтобы он, если хочет, послал осмотреть, что есть в том селе; но святой не захотел принять села и сказал: я не желаю сел при моей жизни, а после моей смерти, как хотите, так и делаете»¹³⁸. — Таким образом, в сейчас приведенных нами рассказах жизнеописателя положительно утверждается, что преп. Кирилл не принимал сел и что при его жизни монастырь не владел ими. Между тем мы положительным образом и несомненно, из официальных свидетельств, знаем, что преп. Кирилл приобретал села и даже приобрел их значительное количество¹³⁹. Трудность составляет то, как примирить жизнеописателя с опровергающими его и не подлежащими никакому сомнению свидетельствами. Пахомий писал житие преп. Кирилла в самом его монастыре и со слов монахов, которые еще застали его в живых и следовательно которые хорошо должны были знать, приобретал или не приобретал он села; да если бы и не со слов подобных монахов, то в монастыре всегда должно было быть известным всем и каждому на основании дарственных и крепостных грамот (купчих крепостей), что преп. Кирилл приобретал села: с какой же стати монахи Кириллова монастыря положительно уверяли Пахомия, что он — преп. Кирилл не приобретал и не принимал сел? В ответ на этот вопрос могут быть сделаны два предположения: или что монахи Кириллова монастыря умышленно, т.е. заведомо ложно или лживо хотели создать преп. Кириллу славу нестяжателя, или что они говорили Пахомию о нестяжателности преп. Кирилла настоящую правду, только эта нестяжателность представлена у последнего, по умышлению ли (так сказать) монахов или его собственному, в форме не совсем соответствующей действительности. Предполагать первое о монахах Кириллова монастыря и именно — еще бывших учениках самого преп. Кирилла мы совершенно не находим возможным и поэтому считаем единственно вероятным второе¹⁴⁰. Что касается, до этого второго, то должно думать, что преп. Кирилл по своим убеждениям и мыслям был нестяжатель или противник вот-

чинновладения монастырей, — что если он приобретал монастырю села, то уступая только настоящим желаниям в сем отношении большинства своей братии, и что меньшинство братии Кириллова монастыря, современное Пахомию и державшееся убеждений преп. Кирилла и хотело представить его (Кирилла) в житии на самом деле тем, чем быть он только хотел бы (т.е. нестяжателем). Сомнение в том, действительно ли прилично и полезно и вообще надлежит монастырям {владеть} вотчинами, возбуждено было у нас несколько ранее преп. Кирилла, а в разрешение сомнений даваемы были людьми авторитетными ответы, что совершенно не прилично, не полезно и не надлежит. Преп. Афанасий Высотский, ученик преп. Сергия Радонежского и основатель Серпуховского Высотского монастыря (по просьбе Серпуховского князя Владимира Андреевича Донского) спрашивал митр. Киприана (в [1390-1405 гг.]: как ему быть с селом, которое князь (сейчас помянутый) дал его монастырю, и получил от митрополита [ответ], что крайне хорошо было бы, если бы он, имея твердое упование на Бога относительно пропитания, нашел возможным отказаться от села, ибо пагуба для чернецов владеть селами¹⁴¹. Мог быть утвержден преп. Кирилл в своих убеждениях именно ответом Киприана Афанасию; мог он быть утвержден в них помимо Киприана писаниями отеческими; а мог наконец он дойти до них и сам собою, ибо для человека, который способен мыслить самостоятельно, возвышаясь над примерами и данной действительностью, не особенно трудно увидеть и понять, что совершенное отрицание от всего, что в мире, каково есть монашество, и притяжание от мира, наиболее так сказать мирского, его сел и имений, составляет непримиримое противоречие. Если преп. Кирилл поступал не так, как мыслил, то вероятно, что он видел себя к этому вынужденным, — что, оставаясь оставляя свой монастырь при одном средстве содержания — уповании на Бога и на Матерь Божию, он опасался иметь слишком ограниченное число учеников и что таким образом он решался как бы пожертвовать собою другим, не возвышавшимся до его убеждений и мыслей. Для чего те современные Пахомию монахи Кириллова монастыря, которые диктовали ему житие преп. Кирилла, хотели представлять последнего нестяжателем не только по убеждениям, но и на самом деле, это не совсем понятно. Во втором из приведенных нами рассказов преп. Кирилл говорит монаху Феодосию: «я при моей жизни не ищу сел, а после моей смерти, делайте, как хотите», и можно было бы подумать, что монахи, диктовавшие Пахомию житие преп. Кирилла, хотели преподавать этими словами (как и вообще обоими рассказами) наставление современным себе монастырским властям, слишком усердно заботившимся о приобретении сел: но монастырским властям, которые имели у себя в руках и хранили дарственные грамоты и купчие крепости на села, принятые от дарственников и приобретенные посредством купли преп. Кириллом, напрасно было бы преподавать наставления. Вероятнее поэтому думать, что представлять дело так,

как оно действительно было, т.е. что преп. Кирилл был противником вотчинного владения только по своим убеждениям и мыслям, но не в своем поведении, они считали предосудительным для его памяти, так как в этом случае они могли опасаться, что он будет признан читателями жития за человека слабого, не имевшего сил противиться наклонностям большинства своих монахов. Когда монахи устами Пахомия рассказывают два действительные случая неприятия преп. Кириллом предлагавшихся ему сел, то в виду положительной и несомненной известности нам того, что преп. Кирилл не отказывался от принятия сел, по видимому, надлежит думать, что эти два случая сочинены монахами. Но нам решительно не представляется вероятным думать этого, и мы полагаем, что случаи действительно имели место и только были случаями исключительными: преп. Кирилл мог уклониться от принятия сел именно от упомянутых двух бояр или потому, что опасался стать чрез это в нежелательную для себя зависимость от них или потому, что считал их дарствителями недостойными.

Итак относительно средств содержания основанного преп. Кириллом монастыря надлежит думать, что в первое время средствами этими были добровольные приношения (милостыни) почитателей преп. Кирилла и вообще благотворителей, усердствовавших к монашеству, а потом вместе с ними и на первом перед ними месте доходы с собственных недвижимых имений. Так как число братий в монастыре у преп. Кирилла было не особенно велико — по вероятной причине, о которой скажем ниже: то надлежит думать, что монастырь не испытывал никакой нужды и в первое время и что потом его средства были более, чем достаточны.

В Белозерской пустыне и в своем Белозерском пустынном монастыре преп. Кирилл прожил 30 лет, пришел в пустыню 60-летним старцем и дожив в ней до глубокой старости 90-летней. В весьма непродолжительное время после его прибытия в пустыню собралась к нему община людей, желавших с ним и под его руководством монашествовать и подвизаться. Эта община скоро превращена была им в настоящий монастырь, а в монастыре он тотчас же начал вводить общежительный [устав]. Таким образом, лет пять-шесть прошло в устройении монастыря, а за тем в продолжение 25-ти он игуменствовал в благоустроенном монастыре.

Игуменство преп. Кирилла должно быть представляемо как ревностнейшее и вседушнейшее руководство людей по избранному ими исключительному пути в царство небесное. Жизнеописатель преподобного со слов его бывших учеников говорит об его игуменстве: «Общему житию совершитель и всем всяк, по апостолу, быв (-л), да всех приобрящет, да всех спасет, да всех Богови приведет, да со дерзновением речет к Владыце своему: се аз и дети, еже (sic) ми дал еси; всех бо яко отец любяше, о всех печашеся, о всех полезная промышляше и всех яко свой уд миловаше; всех душевныя струпы обяшоваше, всех (от) телесных недуг исцеляше, всем от злоб согнание

очищаше, всем любовный пластырь тех вередом прилагаше, всех маслом милования помазоваше; не бяше тогда (в игуменство Кирилла) скорбяща или оскорбляема, аще бо некто и малодушен или ленив, но той собою исправляше, собою образ даяше, и иже нань всеу гневающемуся благоуветлив беяше, и аще кто тому пререковаше, долготерпением и молчанием того к любви привлечаше»¹⁴².

Быв игуменом своего монастыря, со всем усердием заботившимся о приведении к Богу всех своих учеников, преп. Кирилл вместе с сим продолжал оставаться и тем, чем был прежде, — усердным учителем мирян. Когда он жил в Москве, к нему притекали искать у него душеспасительных бесед и поучений преимущественно жители Москвы. После того, как переселился в Белозерье, он стал учителем мирян так сказать всероссийским: он прославился теперь на всю Россию, и — по словам жизнеописателя — «мнози от различных стран (областей) и градов прихожаху к святому, хотяще видети его и пользоваться от него»¹⁴³.

За свою высокую святость преп. Кирилл еще при своей жизни удостоился от Бога обильного дара чудотворений, чему жизнеописатель приводит многие примеры и о чем он вообще говорит: «Многа изрядная чудеса бываху (по молитвам святого), — лукавых бесов отгнания, недугом различным исцеления, слепым очесы разрешения, лишенным разума целомудрия с Богом податель (-даяние)»¹⁴⁴. Слава преп. Кирилла, как чудотворца, столько же широко была распространена по всей России, сколько и его слава, как учителя¹⁴⁵; это видно из того, что присылал к преподобному просить его молитв о чудесной помощи даже князь Белевский, живший от него на другом конце России и отделенный от него пространством более чем 20-ти дней пути¹⁴⁶.

Почувствовав приближение смерти, преп. Кирилл написал послание к Белозерскому князю Андрею Дмитриевичу, в котором просил его, чтобы он — князь имел к его — Кирилла монастырю такую же любовь после его смерти, какую имел при его жизни, и в особенности просил и со слезами молил о том, что составляло его главные предсмертные заботы, а именно — чтобы он — князь не попустил в чемнибудь быть разорену тому чину общего жития, который им — Кириллом был установлен в монастыре. Об этом последнем преп. Кирилл писал князю: «И по моем еси животе имел любовь и веру к монастырю Пречистыя и свой привет сыну моему Иннокентию (которого он оставлял вместо себя игуменом монастыря) и ко всей братии, которые имут по моему преданию житии и к игумену повиновение имети; а иже не восхощет по моему убогому житию житии в монастыри том, — имет нечто от общаго жития и чина разаряти и игумену не повиноватися, о сем убо тебе, своего господина и духовнаго сына моего, благословляю и со слезами молюся, да не попустиши сему тако бытии, но паче ропотники и раскольники, иже не хотящей игумену повиноватися и по моему жит(ь)ицу житии, прочее из монастыря изгонити, яко да и прочая братия страх

имут»¹⁴⁷. Последним увещанием умиравшего преп. Кирилла к братии было, чтобы они имели любовь между собою, чтобы не было между ними никаких раздоров и сваров и чтобы ничего не было разорено у них от общего жития. Скончался преп. Кирилл, имея, как мы сказали выше, 90 лет от роду, 9 Июня 1427 г.

Мы передали рассказ Пахомия о преп. Кирилле без всяких собственных комментариев. В рассказе этом преп. Кирилл изображается далеко не так, чтобы мог быть созерцаем читателем, как живое лицо, и не вполне со всеми своими качествами и свойствами. Пред очами учеников преп. Кирилла, нет сомнения, со всею ясностью предносился образ их исключительно-замечательного и великого учителя, и должно думать, что они сделали все от них зависевшее, чтобы Пахомий мог начертать этот образ со всею ясностью и полнотой. Но последний, как уже мы говорили выше, писал жития святых («пек» их) очень поспешно и небрежно. Написать было поручено ему правительством — великим князем и митрополитом, и он постарался написать житие, которое бы могло быть принято за хорошее, т.е. которое было бы достаточно обширным. Но эта обширность жития весьма относительна, так что сравнительно с нею житие могло бы быть обширнейшим, и Пахомий достигает этой весьма относительной обширности таким образом, что берет главным образом те данные биографии преп. Кирилла, которых литературное изложение было наиболее легко, именно — его чудеса, рассказы о которых (весьма не трудные в литературном отношении) и составляют значительнейшую часть жития. Даже внешнюю историю преп. Кирилла он излагает несколько не удовлетворительным образом. Главное в этой внешней истории составляет переселение преп. Кирилла в Белозерье, основание им здесь монастыря и почти 30-летнее игуменствование в монастыре; но его речи об основании монастыря и об игуменстве из рук вон недостаточны и так сказать небрежно-ничтожны. О московской жизни преп. Кирилла Пахомий говорит более обстоятельно; но и здесь, если бы мы не знали положительным образом, что пишет человек, пользовавшийся рассказами современников и учеников, никак бы этого не подумали, а напротив думали бы, что пишет кто-то очень поздний, располагавший в своих руках очень скудными сведениями.

Но если Пахомий вовсе не заботится о том, чтобы начертать живой настоящий образ преп. Кирилла; то по крайней мере указывает некоторые черты этого образа. А затем последний может быть восстановлен при помощи памятников, которые оставил после себя преп. Кирилл, и при помощи следов, которые он оставил по себе в истории нашего монашества.

Преп. Кирилл был великий подвижник: во всем том объеме, какой только был доступен для сил его физической природы, он подвизался продолжительными молитвами и частыми поклонами, бдением, постом и суровыми физическими трудами (в хлебной и в поварне Симонова монастыря). Но он

подвизался не одним только внешним образом; он так сказать соединял в себе двойного подвижника. Известно, что у греческих монахов с древнего времени были два вида подвижничества: подвижничество внешнее, состоявшее в сейчас нами указанном, и подвижничество внутреннее, состоявшее в постепенном очищении, усовершеннии и возвышении помыслов души и возведение их к единому богомыслию, и получившее позднее время свое особое название умного делания. В Симоновом монастыре и вообще в Москве преп. Кирилл несколько раз удалялся для безмолвия в келлию. Под этим безмолвием нельзя разумеать ничего иного, как внутреннее подвижничество. О пребывании преп. Кирилла в поварне Симонова монастыря Пахомий говорит: «и тамо больши (чем прежде в хлебнее) воздержашеся, в памяти всегда имея огня неугасимаго и вечнаго мучения и ядовитаго червья, и на огонь часто взирая глаголаше к себе: «терпи, Кирилле, огонь сей, да сим огнем тамошняго возможеши избежати», и от того толико умиления дарова ему Бог, яко ни самаго того хлеба могущу ему без слез вкусити или слова проглаголати»¹⁴⁸: а по Иоанну Лествичнику успехам внутреннего подвижничества всего более помогает непрестанная память смерти, а слезы сокрушения и умиления составляют то, чем инок, трудящийся в подвиге внутреннего делания, должен размягчать свою душу¹⁴⁹. Между рукописями, собственно-ручно написанными преп. Кириллом, до сих пор сохраняется в его монастыре Лествица сейчас помянутого Иоанна Лествичника: но Лествица представляет собою ни что иное, как руководство для инока к внутреннему подвижничеству. Таким образом, собственно не преп. Нил Сорский, но преп. Кирилл Белозерский был водителем у нас умного делания, а Нил, позднейший ученик Кирилла, был только его продолжателем и так сказать специализатором подвига. Не задаваясь мыслью о том, чтобы собрать вокруг себя исключительных людей, желавших подвизаться подвигом умного делания, как потом задался этою мыслию Нил, а желая быть руководителем людей, желавших обыкновенным образом монашествовать, при чем умное делание, как такое и нарочитое, оставлялось бы на волю произволящих, преп. Кирилл основал на Белозерье не скит, как Нил, или не несколько (не ряд, не известное количество скитов), а обыкновенный общежительный монастырь. Но обыкновенный общежительный монастырь он основал такой, который был бы возможно истинным и возможно совершенным этого рода монастырем, так чтобы люди, желавшие монашествовать в нем, монашествовали не лжюю, а всею правдою. Он ввел в монастыре общежитие нисколько не ослабленное и не облегченное, но строгое и безусловное, так чтобы никто из монахов не имел в келье совершенно ничего своего, со включением и самой воды для питья и за исключением лишь книг для душевного назидания и икон для молитвы. Он ввел в монастыре те отеческие порядки, чтобы монахи, предавшие себя в его руководство, не имели от него — игумена совершенно никаких тайных дел и помыслов и чтобы он мог надзирать над ними и печься о

них так сказать в каждом их шаге и в каждой их мысли (запрещение писать и принимать письмо без ведома его — игумена и запрещение принимать поминки или гостинцы; запрещение хмельного питья). Относительно выхода монахов из монастыря¹⁵⁰, относительно келейного провозждения ими своего времени и относительно внешней чинности их поведения в церкви, в трапезе (строго о ненарушимости поста) и во время общих работ были также введены преп. Кириллом самые строгие правила, взятые из наиболее строгих отеческих уставов. Несполна передавая устав, введенный преподобным в его монастыре, Пахомий ничего не говорит о том, были или не были требуемы от постригавшихся в нем так называемые вклады и были ли в нем соблюдаемо между монахами равенство; но необходимо думать, что вклады, вовсе и ни под каким видом не быв требуемы, если и были принимаемы, как добровольные, то нисколько не давали приносящим их никаких преимуществ и что между монахами было соблюдаемо самое полное равенство и что согласно с предписанием устава патр. Алексея, введенного у нас преп. Феодосием Печерским, преподобный отец игумен работал (всякие работы) прежде всех с усердием и радостью, подавая пример духовным своим детям (I-го т. 2-я полов., стр. 515/621). Мы сказали выше, что братство монастыря преп. Кирилла было не особенно многочисленно: в минуту его смерти братии в монастыре было 53 человека¹⁵¹. Такую сравнительную немногочисленность братства, не смотря на всю славу преп. Кирилла, должно по всей вероятности объяснять именно неумолимой и нисколько с его — Кирилла стороны не послабляемой строгостью его устава, т.е. что слишком мало находилось людей, которые бы имели призвание и желание монашествовать, как того своим уставом предписывал и как того на самом деле требовал он — Кирилл. Пахомий в одном месте жития дает знать, как о бывавших случаях, что постриженные монахи или желавшие постричься в монахи приходили в монастырь с намерением монашествовать в нем, и что увидев его порядки, уходили из него, чтобы искать себе других монастырей¹⁵². Однако преп. Кирилл, введши в своем монастыре самый строгий общежительный устав, игуменствовал над монахами своего монастыря не таким образом, чтобы просто говорить им: вот вам устав; хотите во всей точности исполнять его, живите у меня, не хотите исполнять его, идите вон. Он ввел в своем монастыре самый строгий общежительный устав не потому, чтобы он был человек жестокий и чтобы он хотел мучить людей, а потому что он был тот евангельский воистину израильтянин, в котором не было лести (Иоанн. 1, 47). Монашество не может быть тем или иным, более строгим или менее строгим; оно может и должно быть только известным одним, всякое ослабление которого есть привнесение фальши, лжи и обмана: преп. Кирилл и ввел у себя в монастыре именно тот устав, который был уставом истинного, нисколько не ослабленного и не фальсифицированного или не подделанного монашества. Но истинное руководство людей состоит не только

в том, чтобы неопустительно (неукоснительно) требовать от них исполнения чего-нибудь, но чтобы отечески, с возможною любовью и заботливостию, воодушевлять и поощрять их и каждого из них к исполнению строгих требований, чтобы непрестанно и неустанно возбуждать и поддерживать их силы, чтобы вдыхать в них мужество и бодрость (энергию). Таков именно и был преп. Кирилл как игумен монахов, желавших монашествовать с ним истинным и нисколько не подделанным монашеством: он ввел в своем монастыре тот строгий монашеский устав, которые есть единственно истинный таковой устав; но он был руководителем своих братий в исполнении строгого и единственно истинного устава, как это сообщает Пахомий в общем, приведенном нами выше, отзыве о нем в сем отношении, наиревностнейшим и отечески наипопечительнейшим и любвеобильнейшим. Если бы Пахомий, не ограничиваясь одним общим обзывом (и за который ему, конечно, все-таки спасибо), вошел в некоторые подробности, то, мы уверены, это были бы подробности очень назидательные. Таким образом, преп. Кирилл лично был великим подвижником, и притом подвижником исключительным, который подвизался сколько внешними подвигами умерщвления плоти, столько и внутренним подвигом усовершенния духа; а как основатель и игумен монастыря, он с одной стороны ввел в своем монастыре самый строгий и самый настоящий общежительный устав, а с другой стороны усердно руководил своею братиею в истинном монашествовании по этому настоящему уставу. Дав своему монастырю устав, жизнь по которому была бы подлинным (а не подделанным или искаженным) монашествованием, преп. Кирилл, конечно, не мог требовать от своих учеников, чтобы все они были более, чем настоящими монахами, подобно ему самому великими подвижниками. Но если не всем ученикам, то избраннейшим из них естественно было стремиться к тому, что соревновать учителю и стремиться подражать его примеру. А если это так, то должно предполагать, что в монастыре преп. Кирилла между его учениками водворилось по его примеру подвижничество двойное — внешнее и вместе внутреннее. А если это последнее, то подвиг внутренний или так называемого умного делания должен был явиться особенностью учеников Кирилловых против других наших монахов, тщавшихся о подвизании. Но мы думаем, что ученикам Кирилловым должна быть усвояема и другая важная особенность, наследованная ими от учителя. Ничего не говорит Пахомий об умственном образовании преп. Кирилла, кроме того стереотипного, что в отрочестве он извык божественному писанию¹⁵³, но есть весьма большая вероятность считать его исключительным ревнителем просвещения в том смысле, как оно понималось тогда, т.е. в смысле начитанности в отеческих творениях: пришедши из Москвы в Белозерье, он говорит хотевшему было ограбить его через разбойников боярину Феодору: «веру ми ими, чадо Феодоре, яко ничто не имею в жизни сей, разве ризы сея, юже не мне видиши, и мало книжиц»¹⁵⁴; в своем уставе он совершенно ничего не дозво-

ляет монахам иметь в келлиях, кроме икон и книг¹⁵⁵; из записей на сохранившихся от него до настоящего времени рукописях известно, что кроме него самого занимались у него писанием книг по крайней мере три человека¹⁵⁶, при чем об одном из писцов свидетельствуется, что он написал много книг¹⁵⁷; наконец и весьма быстрое возрастание библиотеки Кириллова монастыря указывает на стимул, данный в сем отношении самим преподобным¹⁵⁸. Таким образом, есть вся вероятность предполагать, что нарочитая любовь к просвещению преп. Кирилла передалась от него и его ученикам и что эти последние более или менее отличались от других наших монахов и сим вторым качеством. В конце XV — первой половине XVI века монахи Кириллова монастыря и малых пустынь его окружавших (так называемого Заволжья) заявили себя людьми просвещенными, но с примесью к просвещению плевел еретичества: плевелы еретичества должно производить от Жидовствующих, а то, что составляло в просвещении чистую пшеницу с очень большой уверенностью должно возводить к самому преп. Кириллу.

Но должны быть указаны и еще нравственные совершенства, которые отличали преподобного и которые должны были более или менее передаваться и его ученикам, чтобы потом преемственно продолжаться если не во всех его учениках (в смысле монахов его монастыря), то в избраннейших между ними. Первую и основную нравственную заповедь христианства составляет любовь к ближним, без стремления соблюдать которую тщетно соблюдение всех других заповедей: и преп. Кирилл, всею истиною стремясь быть истинным христианином, довел себя до того, чтобы, как нарочито говорит о нем Пахомий, питать ко всем любовь нелицемерную¹⁵⁹. Если все вообще христиане должны стараться быть истинными христианами, то тем более монахи, — и преп. Кирилл всего более заботился о том, чтобы поселить в своей братии чувство взаимной любви: при своем отшествии от жизни он обнадеживал братию благоволением Божиим к своему монастырю, если они — братия будут иметь любовь между собой¹⁶⁰. Истинный монах всего менее должен быть человекоугодником и его учительное слово всего менее должно быть гнилым и льстивым. От преп. Кирилла сохранились до настоящего времени три учительные послания к князьям бывшим почитателями его и благодетелями его монастыря (см. выше стр. 160-161 и 164), и послания эти доказывают, что он поучал так, как подобает истинному монаху, — с необиновением и дерзновением: вел. кн. Василия Дмитриевича он несмущаемо увещевает показывать свою любовь и милость к согнанным от него с княжения Суздальским князьям, «занеже, господине, — прибавляет он, как истинный учитель, — ни царство ни княжество ни иная кая власть не может нас избавити от нелицемернаго суда Божия». Бегание всякой тщетной славы человеческой составляет одну из главных монашеских добродетелей, — и преп. Кирилл был преисполнен этой добродетели. Звенигородско-галичский князь Юрий Дмитриевич, крестник преп. Сергия Радонежского и почита-

тель монашества, весьма желал видеть преп. Кирилла для духовного с ним собеседования, и так как преподобный не хотел ехать к князю, поелику для монаха выход из монастыря есть дело запрещенное¹⁶¹, то последний сам решился ехать к нему. Преп. Кирилл, услышав о намерении князя приехать в его монастырь, написал ему послание, в котором самым решительным образом отговаривает его от его путешествия, так как оно могло бы создать ему — Кириллу тщетную похвалу человеческую. Он пишет князю: «А что еси, господине князь Юрьи, писал ко мне грешному, яко издавна жадаю видетися с тобою; сего господине, Бога ради не мози того учинити, что ти к нам ехати; занеже, господине, вем, яко нечто моих ради грехов то искушение придет на мя, аще поедешь ко мне; занеже, господине, известую ти, не мочно ти нас видети: покиня, господине, и монастырь, да ступлю прочь, куды Бог наставит. Понеже, господине, вы чаєте мене здесе, что аз добр и свят; ано, господине, вьистину всех есми человек окоянное и грешнее и всякого студа исполнен. И ты, господине, князь Юрьи, не подыви на нас о сем: понеже, господине, слышу, что божественное писание сам в конец разумеши и чтешь, и ведаешь сам, каков нам вред приходит от похвалы человеческия, наипаче же нам страстным. Аще кто, господине, вьистинну свят и чист сердцем, ино и тем поврежение бывает от тоя тяготы. А нам, господине, еще всякой страсти повинным, велика спона души от того, еще, господине, сам сего поразсуди: понеже твоя вотчины в сей стране нет, и только ты, господине, поедешь семо, ино вси человеци начнут глаголати: «Кирила дьяля токмо поехал». Был, господине, здесе брат твой князь Андрей, ино, господине, его вотчина, и нам пришла нужда: нельзя нам ему, своему господину, челом не ударити. А ты, господине, Бога ради не учини того, что ти к нам ехати»¹⁶².

Кроме монастырей собственных или настоящих в старое время у нас были еще монастыри несобственные или ненастоящие, — монашеские слободки на погостах или в оградах приходских церквей и за тем монахи безмонастырные.

Положительные известия о существовании у нас этих несобственных или ненастоящих монастырей мы имеем (хотим сказать — мы лично знаем) только уже за очень позднее время, каков XVI век¹⁶³. Но как доказывали мы выше (I-го т. 2-я полов., стр. 453/553), необходимо предполагать, что они появились у нас одновременно с самым появлением монашества и что они предшествовали монастырям собственным или настоящим. Точно так же необходимо предполагать, что после своего появления у нас в первое время они непрерывно продолжали существовать у нас во все последующее время до XVI века, от которого мы имеем о них положительные известия, ибо вовсе не может быть указано причин, по которым бы они могли прекращать свое существование. Единственно таковою причиною могло бы быть строгое их запрещение церковною или вместе церковною и государственною властью; но, во первых, вовсе неизвестно подобного запрещения,

а во вторых — мы положительно знаем, что у нас, в след за Грециею, одни допускаемы и признаваемы были церковною властью¹⁶⁴. О причинах первого появления у нас монастырей несобственных мы говорили выше. Что касается до причин их дальнейшего существования, то этих последних причин должно быть предполагаемо три. Во первых, между людьми, которые шли в монахи не по призванию к монашеству, а единственно для того, чтобы при помощи монашеской рясы кормиться туеядным образом, постоянно бывали такие, которые не хотели идти в монастыри, потому что и в худших монастырях относительно надзора над монахами было некоторое стеснение или по крайней мере некоторая неволя и кабала, о чем ниже. Во вторых, в древнее и старое время у нас наибольшую часть принимали в монастыри не иначе, как с денежными взносами или так называемыми вкладами, о чем также ниже, и поелику всегда долженствовало оказываться большее или меньшее количество таких местностей в которых бы были монастыри, но не было монастырей, принимавших безвкладно, то бедным людям, желавшим принимать монашество, ничего и не оставалось делать, как монашествовать в кельях у приходских церквей. В третьих, было немалое количество таких местностей, в которых вовсе не было монастырей, и следовательно — здесь тем как бедным, так и богатым людям, которые почему либо не хотели удаляться из своих мест, также ничего не оставалось делать, как сейчас вышеуказанное. До какой степени велико было у нас в рассматриваемое нами время количество монастырей несобственных или ненастоящих, ничего не можем сказать положительного, потому что не имеем для этого совершенно никаких положительных [данных]. Не легко высказаться и предположительным образом; во всяком случае нам представляется вероятнейшим не то, чтобы, судя по огромному количеству монастырей собственных, предполагать количество монастырей несобственных очень большое, а то, чтобы предполагать их количество не особенно большое. Монастыри собственные или настоящие люди основывали без всякой действительной нужды по побуждениям корыстолюбия, властолюбия и честолюбия, т.е по многим побуждениям, но что касается до монастырей несобственных или монашеских слободок при приходских церквях, то наиболее вероятно думать, что они составлялись главным образом лишь из таких людей, принимавших монашество не для него самого, которые или не хотели идти в монастыри или не могли попадать в них. Люди, желавшие принимать монашество по искреннему к нему расположению и по чему-либо не имевшие возможности поступать в настоящие монастыри, должны были предпочитать монашествованию в кельях у приходских церквей то, чтобы оставаться дома и монашествовать втайне. Более чем вероятно думать, что в приходских церквях, при которых были монашеские слободки, служба совершалась также крайне редко, — исключительно по воскресеньям и большим праздникам, как и в церквях, при которых не было наших слободок: но по переселении к церкви в келью

оставаясь в такой же невозможности часто бывать за церковною службою, как и дома, для какой цели люди нашего класса стали делать это переселение? А если монастыри несобственные или монашеские слободки при приходских церквях составлялись главным образом из людей указанного выше класса, то и не представляется вероятным, чтобы они были очень многочисленны, ибо нельзя принимать этот класс людей за очень многочисленный: правда, что здесь люди сохраняли себе полную свободу и волю; но за то в способе своего содержания, который составляла милостыня прихожан, они совершенно приравнивались к нищим¹⁶⁵, а это могло быть переносимо самолюбием далеко не всех из тех людей, которые желали бы сохранить себе полную свободу и волю¹⁶⁶.

Итак в рассматриваемое нами время (от нашествия Монголов до митр. Макария) у нас было построено чрезвычайно большое количество монастырей собственных или настоящих и кроме того существовало некоторое количество монастырей несобственных или ненастоящих. Из этого, по видимому, следует, что у нас в рассматриваемое время чрезвычайно развита была в обществе склонность к монашеству. Так это обыкновенно и представлялось. Но уже преосв. Макарий заметил в отношении к первому мнению, что оно далеко не может быть признано основательным¹⁶⁷. Монастырей было чрезвычайно много; но монахов в них было вовсе не особенно много. Как думать о степени склонности тогдашнего нашего общества к монашеству, об этом скажем ниже; но во всяком случае дело принятия монахов в монастыри получило такой вид, что при множестве последних не могло быть множества первых. В монастыри, по видимому, должны быть принимаемы решительно все, желающие стричься в монахи, ибо на то они именно и существуют, — служить местами обитания для желающих стричься в монахи, и чем бы более было в них монахов, тем бы более они достигали своего назначения, а заведующие монастырями, по видимому, даже нарочито должны были заботиться о привлечении в них наибольшего числа людей, ибо они таким образом заботились бы о привлечении наибольшего числа людей к монашеству, что должно было составлять их нарочитую заботу. Так это действительно и было в первое, весьма недолгое, время монашества, когда монахи считали себя обязанными жить и действительно жили трудами своих собственных рук: всякий приходивший в монастырь и желавший монашествовать был принимаем тогда с отверстыми объятиями, — «поселяйся и помогай другим приобретать средства общего содержания». Но монахи весьма скоро потеряли охоту жить трудами своих рук и устроили дело так, чтобы мир взял заботы об их содержании на себя, обеспечивая монастыри известными определенными доходами или доставляя им неопределенную милостыню. Тогда и дело с принятием в монастыри людей, желающих стричься в них, совершенно изменилось: в монастыри начали принимать только такое количество людей, какое в них, т.е. в каждом из них, могло быть содержимо. Но изменение простерлось и еще до чрезвычайно-

сти далеко, когда корыстолюбие человеческое, святотатственно обратив в предмет своей эксплуатации принадлежащее Богу, устроило с монастырями так, что они стали своего рода именьями для отдельных людей из мирян и монахов, — для ктиторов между первыми и для настоятелей особножитных монастырей между вторыми. Мирские ктитория монастырей получили в полную собственность доходы последних, с приобретением свободы, уделять на содержание в них монахов такую часть доходов, какую сами хотели; в монастырях особножитных, после отделения львиной доли доходов настоятелям и после отделения значительной доли на наем священников и диаконов, которые бы помогали настоятелям приобретать доход помино-венный, на содержание собственно монахов была оставлена самая ничтожная часть доходов, а, как совершенно вероятно думать, — по злоупотреблению, вошедшему в употребление, настоятели особножитных монастырей распоряжались их доходами столько же совершенно произвольно, как и мирские ктитория. Таким образом мирские ктитория монастырей имели прямой интерес в том, чтобы пускать в свои монастыри, как можно менее монахов; а в монастыри особножитные¹⁶⁸ могло быть принимаемо их лишь ничтожное количество, сколь ничтожная доля доходов была отделена на их содержание, по всей вероятности — настоятели этих монастырей, быв полными хозяевами их доходов, как и ктитория, должны были видеть свой интерес в том же самом, что и последние, т.е. чтобы как можно менее пускать к себе монахов. Но сейчас сказанное еще не составляет всего. Стригшийся в монахи (принимавшийся в монашество), поступая в монастырь, вступал в пользование чем-нибудь, именно — в монастыре общежитном — полным содержанием, в монастыре особножитном — известную часть доходов. Вошло в обычай, чтобы принимавшие монашество покупали это право пользования посредством денежного взноса или вклада, который был делаем при пострижении (покупали право пользования на подобие того, как артельщики портовых, биржевых и других доходных артелей покупают места в последних). Обычай денежного взноса или вкладов был чрезвычайно распространен и его не допускали у себя только очень немногие лучшие монастыри. А таким образом для бедных людей, не имевших возможности делать денежных взносов и вкладов, почти совсем закрыт был доступ в наибольшую часть монастырей, а именно — нужно думать, что они принимались до некоторой степени именно лишь настолько в те монастыри общежитные, в которых монахи были постригаемы не иначе как со взносами, на сколько требовалось в этих монастырях людей для черных тяжелых работ, каковы работы на поварне, в хлебной и подобные. Наконец, сами епископы были заинтересованы в том, чтобы в монастырях было как можно менее монахов, ибо доходы с имения тех монастырей, которые стояли пустыми, были взимаемы ими.

Из сказанного ясно, что в Греции обычай монашеские сложились и дела монастырские устроились так, чтобы монастыри вовсе не переполнялись монахами. Но в отношении обычаев и дел у нас было совершенно тоже са-

мое, что и в Греции. С самой первой минуты своего появления наши монахи начали содержаться не трудами своих собственных рук, а, как было в современной Греции, на средства, доставляемые из мира, чем и полагалось известное ограничение их количеству в монастырях, а за тем в порядках монастырских у нас явились те же самые злоупотребления, что и в Греции¹⁶⁹. От нашествия Монголов до преп. Сергия Радонежского монастыри были строимы у нас князьями и до некоторой степени частными людьми богатыми. Князья и люди богатые обеспечивали содержание в монастырях монахов своею ругою. Но они обеспечивали содержание не такого количества монахов, какое бы в какой монастырь собралось или набралось, а известного, определенного; следовательно, и в монастырях, построенных до преп. Сергия, могло находиться только известное, определенное количество монахов. Мы не знаем, содержание какого числа монахов в своих монастырях обеспечивали ругою князья и люди богатые; едва ли в этом отношении была норма или нормы и что каждый обеспечивал такое количество, какое хотел и мог; но совершенно вероятно думать, что числа вообще были не особенно большие, что в своем высшем размере они не превосходили полсотни человек и что в своем низшем размере они ограничивались, по образцу Греции, тремя — пятью человеками¹⁷⁰. А так как от нашествия Монголов до преп. Сергия монастырей построено было и всего до 40-45-ти, то из этого видно, что все количество монахов в продолжение нашего времени не могло быть слишком большое: весьма мало вероятно принимать, чтобы средняя цифра монахов каждого монастыря превосходила число 10-ти, а принимая это число, получим, что к концу нашего отдела времени и всего 450 монахов. С преп. Сергия Радонежского началось у нас чрезвычайно быстрое строение монастырей самими монахами и отчасти (в Новгороде и Пскове) мирскими общинами так что ко времени митр. Макария всех монастырей у нас насчитывалось до [515]. Но предполагать, чтобы с чрезвычайно быстрым умножением монастырей шло об руку и чрезвычайно умножение количества монахов было бы совершенно ошибочно. Между монастырями, явившимися после преп. Сергия было некоторое, сравнительно весьма небольшое, количество таких, в которых не постоянно, а временами было довольно и очень помногу монахов, в огромном же их большинстве постоянно было монахов по самому ничтожному количеству. Первую категорию монастырей составляют монастыри, основанные подвижниками: более или менее прославившийся подвижник основывал общежитный монастырь и принимал к себе всех, желавших постричься в монашество, с великою радостью без всяких вкладов, — монастырь быстро наполнялся довольно значительным или даже и очень значительным количеством монахов¹⁷¹; но наибольшую часть это бывало не надолго: третий или четвертый преемник основателя монастыря заводил новые порядки, — устанавливал вклады или даже заменял общежитие особножитием, — и количество монахов в монастыре быстро уменьша-

лось. Вторую категорию монастырей составляли особножитные монастыри, основанные неподвижниками. Монастыри эти разделялись в свою очередь на две частнейшие категории — на монастыри, основанные монахами, и на монастыри, {основанные} мирскими обществами. Несомненно, что очень многие из монастырей, основанных монахами, и были основаны по побуждениям корыстолюбия; но во всяком случае все они главным и чуть не исключительным образом служили к тому, чтобы удовлетворять страсти корыстолюбия людей, успевавших становиться их игуменами, и до чрезвычайности мало, почти со всем нисколько, тому, чтобы служить монастырями для людей, желавших стричься в монахи. Вот как делились доходы в особножитных монастырях, по сообщению одной грамоты, данной неизвестным митрополитом, вероятно св. Ионой, неизвестному монастырю и подтверждающей существовавшие порядки: «А что идет им (монахам) хлеб из сел монастырских, что на них хрестьяне (монастырские) пашут или на серебро монастырское (по найму сторонние крестьяне) пашут, и они (монахи) то делят меди собою, как по иным монастырям: архимандриту ото всех жит половина, а попом и диаконом с черньци половина, а тое поповские и диаконские и чернецкое половины попом и дияконом половина (т.е. всего четверть), а черньцом половина; а что которых монастырских земель не испахивают ни пожен не искашивают, а дают в наймы, — и теми наймы также делятся: архимандриту половина, а попом и дияконом с черньци половина; а боле того черньци в церковной приход ни в монастырский не вступаются; а что годовое и сорокоусты и вписы и молебны, а тем архимандрит делится с попы и дияконы по половинам: архимандриту изо всего половина, а попом и дияконом и с проскурником и пономарем половина, а черньци в те приходы не вступаются ни во что»¹⁷². Таким образом, отделялась в доход монахам, на их содержание, только четвертая часть хлеба, который напахивался монастырем, и четвертая часть арендной платы с монастырских земель, которые отдавались в кортому. А так как наибольшая часть особножитных монастырей были очень не богаты землями, которые бы могли пахать сами или отдавать кортому и за главный доход их должно принимаемо «годовое (годовые поминовения), сорокоусты, вписы (в синодик) и молебны», то на содержание монахов в них отделялась самая ничтожная часть доходов. Но, как говорили мы выше, более чем вероятно, что по злоупотреблению, вошедшему в употребление, эту ничтожную частию игумены распорядились самовольно: хотели, — принимали на нее монахов, не хотели, — пользовались сами. Мирскими общинами были строены монастыри главным, если не исключительным, образом в областях Новгородской и Псковской (преимущественно, кажется, в последней). Нет сомнения, что первоначально монастыри были строены общинами не с какими нибудь корыстными целями, а по тому побуждению, что члены их желали иметь свои монастыри, в которых бы могли быть поминаемы их умершие родители и в которых желающие из них могли бы

стричься в монахи при жизни и перед смертью; но более, чем вероятно, что потом заправители дел в общинах (мирские воротилы) побуждали (поджигали) их строить монастыри, так как водились желанием и надеждою пользоваться доходами последних. Как бы то ни было, общины, в качестве ктиторов и собственников монастырей, заведывали их имениями и доходами сами чрез своих выборных старост, а эти старосты, как имеем все основания полагать, если не обыкновенно, то наибольшею частию, за немногими только исключениями, заведывали имениями и доходами так, что наибольшую часть вторых клали в свои собственные карманы, и только наименьшую часть их употребляли на содержание в них монахов¹⁷³. Таким образом, игумены или строители особножитных монастырей нектиторских (необщинных) имели уже законное (узаконенное) право принять к себе лишь весьма ничтожное количество монахов, а по праву, не законно присвоенному, могли принимать их лишь такое количество, чтобы монастыри могли считаться и называться монастырями, а выборные старосты ктиторских общинных монастырей должны были заботиться о том, чтобы не превосходить в сем отношении игуменов-строителей. Но в Греции, где первоначально было устроено с монастырями особножитными так, чтобы они стали своего рода имениями для их игуменов, наименьшее число монахов, требовавшееся от монастыря, доведено было до возможного минимума: уже закон находил возможным ограничивать их число только троими, а обычай, по всей вероятности, своеобразным образом пользуясь словами Спасителя: *идеже два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреди их*, признавал достаточным даже двоих и именно — двоих так, чтобы одним из них подразумевать самого игумена. Какое наименьшее число монахов признавалось у Греков достаточным для того, чтобы монастырь не переставал слыть монастырем, такое наименьшее число признавалось достаточным и у нас: а таким образом, два — три монаха, т.е. один или два монаха, не считая самого игумена, вот то число монахов, большее которого не обязаны были принимать у нас к себе игумены особножитных монастырей нектиторских и уполномоченные управители особножитных монастырей ктиторско-общинных. Но так как денежный интерес побуждал игуменов и управителей не делать более того, что от них требовалось, то они в решительном своем большинстве действительно и не делали; а таким образом, два-три монаха — вот то число монахов, которое на самом деле было в наибольшей части наших монастырей. Что это именно было так, относительно этого мы имеем положительное свидетельство убедительного свойства. Митр. Макарий, быв поставлен в 1528 г. в архиепископы Новгородские, тотчас по прибытии на кафедру, предпринял старания о том, чтобы ввести в Новгородских монастырях общежитие; летописец, рассказывающий об этих стараниях Макария, сообщает, что, пока монастыри были особножитными, то в лучших из них было по шести или семи монахов, а в прочих по два или по три¹⁷⁴. Так как летописец гово-

рит не обо всех монастырях Новгородской области, а только о тех, которые находились в самом Новгороде и кругом его («окрест града»), и так как должно быть принимаемо за несомненное, что прочие или рядовые монастыри самого города и предгорья были не хуже принадлежавших к нашей категории лучших монастырей области, то будет следовать, что в Новгородской области обычным числом монахов в особножитных монастырях, за исключением самого Новгорода, было — человека два — три¹⁷⁵. Мы не имеем положительных сведений о других областях Руси; но от области Новгородской, которая в отношении к монашеству была не ниже никакой другой области, мы совершенно в праве делать общее заключение обо всех вообще областях. Ко времени митр. Макария у нас явилось всех монастырей до [515]. Если мы предположим, что средним числом на каждый монастырь приходилось по 5 монахов, то, по всей вероятности, это будет не только не ниже действительности, а несколько выше ее. Но таким образом монахов на все монастыри мы получим 2575 человек. А если затем предположим, что в монастырях несобственных или слободках при приходских церквях монахов жило до 500 человек, что представляется более или менее близким, то всех вообще монахов получим 3075 человек. Цифра 3075 не до крайности незначительная, но вовсе не огромная, а весьма скромная. К сожалению, мы не имеем возможности сравнить пропорционально к населению числа монахов, бывших у нас в продолжение рассматриваемого нами времени с их числом, бывшим в то же время на Западе, а также с их числом у нас в настоящее время. Но мы уверены, что на Западе ни в какой стране их было не менее, чем у нас, и что у нас в настоящее время, если считать не только действительных монахов, а и послушников, их значительно более (по причине совершенно облегченного для всех желающих доступа в монастыри)¹⁷⁶.

Итак в рассматриваемое нами время у нас чрезвычайно много было монастырей, но вовсе не чрезвычайно и даже вовсе не особенно много было монахов, ибо весьма значительная и едва ли не наибольшая часть монастырей, были ни что иное, как мызы или усадьбы так называвшихся игуменов, которые для виду (т.е. чтобы мызы казались действительными монастырями) держали при себе по одному, по два монаха. Но множество монастырей действительно было такое, что весьма способно было вводить в заблуждение людей незнающих, каковы иностранцы, как и впал в это заблуждение наипостоятельнейший из иностранных писателей о России (хотя и не из наиболее к ней любезных) знаменитый Джильз Флетчер, который утверждает, будто в России его времени (второй половины XVI века) монахов было более, чем в какой-нибудь папистической стране¹⁷⁷. Всякий иностранец должен был судить об России главным образом по Москве и по Новгороду, как по городам, наиболее представлявшим ее собою, и если Москва при своем значительном количестве монастырей не производила в отношении к ним особенного впечатления, ибо монастыри были расположены в ней так, что были не слишком

заметны и вообще не делали из себя никакого вида: то Новгород должен был производить самое сильное впечатление. Кругом его, на его вспольи, было не менее [20-25] монастырей, так что его огибала по всполью почти что непрерывная линия монастырей. Всякий, знавший эти монастыри, вместе с тем знал, что это собственно не монастыри, а усадьбы или мызы, о которых мы сказали, и что в них монахов немного более того, сколько их самих: но человек, не знавший их, а только смотревший на эту в своем роде чудную их линию, как мог не подумать, что Россия есть настоящее царство монахов и что их более в ней, чем в какой-нибудь папистической стране?

II

Разделение монастырей на классы в отношении к праву собственности на них: монастыри ктиторские: княжеские, частных богатых людей, общинные, вкладчицы (эти вкладчики — «дружинники?»), — принадлежавшие известному количеству, артелям вкладчиков; самостоятельные или самовластные; домовые архиерейские; приписные к другим монастырям; посессионные или находившиеся во временном владении. Подчиненность монастырей власти духовной и гражданской (церковной и гражданской) и монастыри исключительные в сем отношении (ставропигиальные).

Как мы говорили в I-м томе, у Греков, а в след за ними и у нас, монастыри разделялись на два класса: на ктиторские, принадлежавшие их строителям, и на свободные или самовластные, принадлежавшие самим себе. Если монастыри были строены мирянами и если последние не отказывались от своих прав на них, то они принадлежали строителям, как их наследственная собственность; если они были строены самими монахами, то становились свободными и самостоятельными (2-й полов. стр. 585/698). Но, как кажется, у нас ктиторскими монастырями в смысле их принадлежности кому-нибудь были не одни только монастыри, именно построенные этими кемнибудь. А с другой стороны, составляет для нас вопрос, все ли монастыри, построенные самими монахами, были у нас свободными и самостоятельными.

Миряне, строившие у нас в России монастыри, были: князья, частные люди богатые и собирательные лица или единицы — мирские общины и не целые общины, а так сказать артели вкладчиков¹⁷⁸. Князьям, частным лицам и мирским общинам и принадлежали у нас монастыри как ктитории в собственном смысле этого слова.

В Греции законные права ктиторов монастырей состояли в том, что они (после исполнения обязанностей обеспечить содержание в них известного количества монахов)¹⁷⁹, могли давать монастырям свои ктиторские уставы, которые имели быть для последних обязательными¹⁸⁰, заведывали их именьями (как теми, которые сами приложили, так и теми, которые были бы

приложены другими, вообще — всеми и без права возвращать себе в собственность имения и осваять вторые)¹⁸¹ и доходами, поставляли, т.е. собственно — избирали, их игуменов и принимали в них монахов¹⁸² и вообще имели над ними (сами непосредственно или через назначенных уполномоченных¹⁸³ ближайший нравственный надзор, могли отдавать в пользование, могли передавать их (вместе с их имениями, которые раз быв приложены к ним составляли их неотчуждаемую собственность) другим (через дачу в приданое, через продажу, в дар другим, чрез приложение к другим монастырям и к архиерейским кафедрам)¹⁸⁴; а права незаконные, вошедшие путем злоупотребления, состояли в том, что с одной стороны ктиторы приязнали отстранять от своих монастырей всякую власть местных епископов¹⁸⁵, а с другой стороны, некоторые из них смотрели на свои ктиторские монастыри как на свою полную частную собственность, продавая их имения и вещи¹⁸⁶ и пользуясь их доходами, как с своих настоящих частных имений, в свою пользу, с уделением на них самих лишь той части доходов, какую хотели¹⁸⁷. В какой степени у нас в России пользовались ктиторы сейчас указанными законными и незаконными правами на свои ктиторские монастыри, не имеем совершенно обстоятельных сведений. Не имея ни одного устава, который дан бы был у нас мирским ктитором своему монастырю, с полным убеждением думаем, что примеров подобного давания вовсе и не бывало, ибо наши мирские люди, при своем малознании монашества, как церковного учреждения, должны были считать делом вовсе не своей компетенции то, чтобы давать монастырям уставы, а по всей вероятности — они вовсе и не подозревали своего права на это. Правом ставить игуменов в монастыри, более чем вероятно, пользовались все три класса ктиторов¹⁸⁸, а что касается до права приема монахов и вообще нравственного надзора, то отчасти вероятно пользовались им, отчасти передавали его поставленным от них игуменам. Относительно права заведывания имениями и доходами о ктиторско-мирских общинах положительно знаем, что они пользовались им; о частных богатых людях совершенно вероятно это предполагать; а что касается до князей, то отчасти вероятно они пользовались им (поручая надзор своим местным, смотря по местам, где находились монастыри, дворецким, отчасти же, — как это знаем положительно, — передавали его ставленным от них игуменам¹⁸⁹. Чтобы князья продавали свои монастыри, примеров этого не знаем; но что они обменивали их на другую более выгодную для них недвижимую собственность — на села, примеры этого знаем¹⁹⁰; относительно частных людей знаем, что они продавали монастыри как вместе с имениями, в которых находились последние, так и отдельно от них¹⁹¹. Относительно власти местных епископов над ктиторскими монастырями, отчасти на основании прямых свидетельств, отчасти на основании косвенных указаний, надлежит думать, что вообще она была ограниченной и что иногда доходило и до совершенного ее устранения. Не позднее как в [XV-ом веке] у наших

монастырей вошло в обычай искать себе той привилегии у государей, чтобы в делах недуховных, а мирских (в гражданских исках и уголовных преступлениях) быть судимыми их монахам¹⁹² не от местных епископов, а от них — государей через их дворецких. Более, чем вероятно думать, что искание монастырями этой привилегии взято с существовавшего права или обычая, именно — что над монахами своих ктиторских монастырей князья всегда пользовались правом или всегда присвоили себе право суда в делах недуховных и что начали искать себе указанной привилегии монастыри некиторские, смотря на монастыри княжеско-киторские¹⁹³. Можно ли думать, чтобы принадлежало наше право, как право, частным людям над монахами их киторских монастырей¹⁹⁴, не можно сказать, но что оно было даваемо им, т.е. некоторым из них, как привилегия, как своего рода «боярский суд», это представляется нам вероятным. Как бы то ни было, но мирские общины Новгородской и Псковской областей, строившие свои общинно-киторские монастыри, подобно князьям решительно притязали на то, чтобы монахи их монастырей в делах мирских подлежали их собственному мирскому суду и хотя архиепископы Новгородские настоятельно добивались того, чтобы получить этот суд в свои руки, но имели больший или меньший успех только в Новгородской области (в которой они могли привлекать на свою сторону высшую мирскую власть) и никакого успеха в области Псковской. Знаем одно положительное свидетельство, что князья притязали на участие и в духовном суде местных епископов над игуменами их киторских монастырей: Мстиславский князь Юрий Семенович Лугвеневи́ч в своей грамоте, данной им в 1443 г. Онуфриевскому монастырю, основанному его отцом, постановляет, что не только не судит и не рядит местный епископ архимандрита монастыря ни в каком мирском деле, но что если будет епископу до архимандрита дело духовное, то ему же самому — князю с епископом разбирать дело: «а будет до него (архимандрита) дело духовное, ино нам самым же со владыкою того архимандрита досмотреть»¹⁹⁵. Наконец, знаем один исторический случай, на основании которого можно заключать, что иногда князья и совершенно восхищались у местных епископов всякую власть над их киторскими монастырями. Выше мы рассказывали, как в 1478 г. монахи Кириллова Белозерского монастыря умыслили, чтобы им освободиться от всякого подчинения своему местному Ростовскому епископу и находиться единственно в зависимости от своего удельного Белозерского князя, на что и выпросили грамоту у митр. Геронтия [первой половины сего тома стрр. 555-557]. Едва ли можно полагать, чтобы монахи Кирилловские придумали создать себе исключительное положение сами и представляется более вероятным думать, что они взяли его с существовавших образцов, т.е. что некоторые княжеско-киторские монастыри действительно находились в том положении, которого желали было для себя монахи Кирилловские. Мы не находим вероятным думать, чтобы князья наши доходили до того, что вме-

сто забот о содержании своих ктиторских монастырей пользовались их доходами, как со своих частных имений¹⁹⁶. Но с частными людьми это могло бывать и у нас, как в Греции, при тех же обстоятельствах, что там, т.е. если потомки богатого основателя монастыря приходили в бедность. Что с имениями и доходами общинно-мирских монастырей в Новгородской и Псковской областях совершались весьма большие злоупотребления, это мы давали знать выше. Общины приставляли к монастырям для заведывания ими вообще и в частности их имениями и доходами своих выборных старост (в числе двоих к каждому монастырю). Эти выборные старосты, если не всегда, то наибольшую часть распоряжались имениями и доходами так, как бы монастыри составляли их частную собственность, т.е. старались по возможности пользоваться от последних и обогащаться на их счет. Весьма вероятно, что, как это бывает в настоящее время, и самые общины были не непричастны делу незаконного и беззаконного пользования, именно — что они, допуская старост пользоваться от монастырей и наживаться на их счет, требовали от последних, чтобы они выставляли общинным мирам водку, делали для них угощения и пр.

Настоящими ктиторскими монастырями князей были те монастыри, которые составляли их строение. Но были еще монастыри, которые, не будучи построены князьями, получали от них ругу или находились на их содержании. Имели ли князья какие-нибудь особенные права на эти последние монастыри, положительным образом остается нам неизвестным; но судя по аналогии с ружными приходскими церквями, нужно думать, что они считались ктиторами и этих монастырей: все приходские церкви, состоявшие в руге у князей, были или не были они построены последними, считались их ктиториями, почему и пользовались они правом назначать во все эти церкви священников (см. выше стр. 77-79 и 116-119)¹⁹⁷.

Кроме монастырей ктиторских, принадлежавших мирянам, были еще монастыри домовые, принадлежавшие архиерейским кафедрам, и приписные, принадлежавшие другим монастырям. Архиерейские кафедры и монастыри владели землями; на этих землях и могли быть строены монастыри архиереями и монастырями, т.е. последними новые монастыри. Далее, на землях, принадлежавших кафедрам и монастырям, могли, с дозволения архиереев и властей монастырских, быть строены монастыри какими-либо монахами, с тем, чтобы они поступали в собственность кафедр и монастырей. Наконец, к кафедрам и монастырям могли быть прилагаемы монастыри мирскими ктиторами или они сами могли прилагать себя¹⁹⁸.

III

Разделение монастырей на классы в отношении к характеру жизни монахов: особножитные, общежитные (строгие и нестрогие), сохранив-

шие уставы и грамоты основателей строгообщежитных монастырей, скиты. Устройство управления и быт в каждом классе монастырей. Прием в монастыри желающих.

Монастыри, строенные самими монахами и не прилагавшиеся ими к архиерейским кафедрам или другим монастырям (на что они имели право без права передачи их мирянам), так как их ктиторами были сами монахи, а не люди сторонние, каковы миряне, принадлежали самим монахам или, что тоже, самим себе, и таким образом становились свободными и самовластными. Но здесь было существенное различие между монастырями общежитными и особножитными. Монастыри общежитные были такие монастыри, которые принадлежали всей или целой общине монахов, как таковой, и никому из монахов в отдельности; а поэтому здесь свобода и самовластие были достоянием всей или целой общины монахов, как таковой, и ни кого-либо из монахов в отдельности. Напротив, монастыри особножитные составляли частную собственность (относительно пользования — по закону ограниченную, а по злоупотреблению неограниченную) монахов — их строителей и строителей и монахов, преемствовавших строителям в качестве их игуменов, так что эти монахи строители-игумены являлись их отдельными или единоличными ктиторами, подобно мирянам; а таким образом, в этих монастырях свобода и самовластие простирались не на целые их общины или братства, а только на их основателей-игуменов. Это различие свободы и самовластия монастырей общежитных и особножитных имело существенное значение относительно избрания игуменов тех и других из них. В монастырях общежитных право избрания игуменов принадлежало их общинам¹⁹⁹; но в монастырях особножитных не было имеющих права общин, а были только отдельные бесправные монахи, жившие у игуменов монастырей как у ктиторов последних (людей, обладающих правами ктиторскими на последние), и таким образом игумены этих монастырей избирались не их общинами, которых в них не было, а кем-то единолично, так что относительно избрания игуменов эти монастыри снова приравнивались к монастырям ктиторским. Кем именно {избирались игумены в особножитных монастырях}, это составляет вопрос и мы возвратимся к нему несколько ниже.

Преп. Сергей Радонежский ввел у нас общежитие, которое составляет единственный истинный образ жизни монахов и нашел себе в сем отношении многочисленных подражателей, которые спешили строить свои монастыри, чтобы учреждать в них тоже общежитие; равным образом, и некоторые из прежних монастырей, смотря на новые, преобразовали себя из особножитных в общинножитные. Таким образом, со времени преп. Сергия Радонежского общежитие получило у нас довольно значительную распространенность и заняло место на ряду с особножитием, которое дотоле было у нас единственным видом монашеской жизни. Но общежитие может быть более строгим и менее строгим, совершенно настоящим и несовершенно на-

стоящим, а может быть даже и нисколько не настоящим, так чтобы от него оставались одно только пустое имя с одною пустою похвальбой. Как же представлять себе наше общежитие за рассматриваемое нами время? Должно представлять его так, что оно не явилось восстановлением древнего, истинного, общежития, что в общем итоге оно было общежитием далеко не совсем строгим и далеко не совсем настоящим. Отдельные представители монашества ревновали и хотели бы ревновать именно о том, чтобы ввести у нас общежитие совсем строгое и совсем настоящее отеческое. Но массы монахов были решительно против подобного общежития и в свою очередь столько же усердно стремились к тому, чтобы заменять его общежитием более или менее нестрогим и более или менее облегченным: и в этой борьбе единиц и масс верх оставался и в конце концов остался {не} за первыми²⁰⁰. После преп. Сергия Радонежского, который, быв первым водителем у нас общежития, как вида жизни, не нашел вместе с тем возможным быть и первым водителем общежития по качеству совершенно строгого и совсем настоящего, явился первым водителем этого последнего преп. Кирилл Белозерский. За преп. Кириллом последовали другие ревнители истинного, древне-отеческого монашества. Но они основывали монастыри, на которых вводили строгое общежитие, и в монастырях ими основанных, обыкновенно очень не по долгу держалось введенное ими общежитие: оно держалось при самих основателях монастырей и сполна или уже не совсем сполна при их непосредственных учениках, а затем начинало постепенно ослабевать или же и сразу совершенно искажалось. Так это было в монастыре Кирилловом, так это было и в других монастырях. Иногда случалось, что в монастырях довольно подолгу оставалось по небольшому числу монахов, которые ревностно и мужественно хотели сохранения во всей целостности уставов, введенных их основателями: но они обыкновенно падали в неравной и напрасной борьбе с большинством²⁰¹. А бывало и так, что монахи дожидались только смерти основателя монастыря (что посягали на жизнь), чтобы на место введенного им устава тотчас же ввести свои собственные уставы. Преп. Корнилий Комельский (...1537) ввел в своем монастыре строгий общежительный устав, и некоторые из монахов, постригавшихся в его монастыре, не снося тяжести устава, оставляли последний, чтобы жить в других местах; эти монахи, как сообщает сам преподобный в письменном начертании своего устава, говорили: «Ныне нам Корнилий возбраняет и не дает по своей воле пожити, а егда умрет, и мы преидем (возвратимся) в свой монастырь и по воли нашей проживем, якоже хотим»²⁰².

Истинное общинножитие состоит в том, чтобы у монахов в монастыре все было общее и ни у кого совершенно и безусловно ничего собственного, чтобы все питались в трапезе одною и тою же, положенною, пищею и не имели в своих кельях даже и воды для питья, чтобы все одевались в одну и ту же, положенную одежду, не имея у себя в келье даже и собственной игол-

ки для ее починки, чтобы в отношении к монастырским службам и работам все были совершенно равны, начиная игумном и кончая самым младшим монахом, чтобы все с одинаковою обязательностию исполняли существовавшие, общепринятые в истинно общежительных монастырях правила относительно общественной и келейной молитвы и относительно выходов из монастыря, с соблюдением со стороны самого монастыря правил относительно допущения в него сторонних лиц (именно — недопущения в него женщин для свидания с монахами). Большие или меньшие послабления относительно всего этого, — дозволение иметь монахам свою пищу и свою одежду, освобождение их от монастырских работ, дозволение приобретать собственность (торговля, покупка сел) и нетребование от них строгого исполнения остальных указанных предписаний, и составляли большее или меньшее изпревращение строгого общежительного устава. По правилам каноническим и по уставам отеческим, человек, постригающийся в монахи, должен отречься от всякой собственности, которую он имел в миру, ибо в этом именно отречении и состоит между прочим монашество. Но у нас было дозволено людям, постригавшимся в монахи, чтобы и после пострижения они владели тою собственностью, которую они имели в миру, на правах, одинаковых с мирянами²⁰³: и люди богатые, стригшиеся в общежительных монастырях, хотели иметь свою пищу (обеда дома или нося пищу в трапезу)²⁰⁴ и свою одежду и жить не в таких скромных кельях, которые полагались для всех а более пространных и отделанных, как им нравилось, хотели освобождать себя от монастырских работ и от обязательного исполнения указанных предписаний²⁰⁵ посредством возможно значительных вкладов или денежных взносов. Люди небогатые, по видимому, волей-неволей должны были подчиняться предписаниями строгих уставов, ибо не приносили с собою в монастыри денег на то, чтобы не подчиняться им, т.е. откупаться от подчинения. Но они в самых монастырях успевали приобретать деньги и средства. Строго общежительные уставы требуют, чтобы никто из братий не принимал подаваний от христолюбцев лично себе, а только на общину или чтобы всякое подаяние, полученное кем-нибудь непременно доставлялось на эту последнюю. Но дозволяли себе бедные монахи то, чтобы принимать подаяния лично самим себе, и в испрошении этих подаяний они открывали себе способ к тому, чтобы подобно людям богатым более или менее облегчить для себя суровость строгих общежительных уставов²⁰⁶. Таким образом, извращение строго общежительных уставов или же прямо введение нестрогих общежительных уставов состояло в том, что требования общежития более или менее ослаблялись допущением льгот и свободы особножития.

Мы сказали, что после преп. Кирилла Белозерского, который ввел в своем монастыре устав строгого и настоящего общежития, явились другие ревнители истинного монашества, которые вводили в основанных ими монастырях такие же уставы строгого общежития. Этого вовсе не должно понимать та-

ким образом, будто во всех общежительных монастырях, основанных после преп. Кирилла Белозерского, были вводимы наши уставы, а таким образом, что в некоторых монастырях вводимы были эти уставы, а в других — хотя и общежительные, но не совершенно строгие и не совершенно настоящие. В каком количестве общежительных монастырей, основанных после преп. Кирилла, введены были одни уставы и в каком количестве другие, сказать этого мы не имеем возможности. Мы имеем в своем распоряжении показания, читаемые в житиях святых основателей общежительных монастырей. Но показания эти вовсе не могут быть признаны надежными. Во первых, писавшие жития основателей наших монастырей, если писали слишком много спустя времени после их смерти, могли просто а priori утверждать, что они вводили в своих монастырях уставы строгого общежития (по простому заключению, что они должны были вводить эти уставы). Во вторых, они могли утверждать это с той нарочитой тенденцией, чтобы сделать обличение позднейшим обитателям монастырей. Мы достоверно могли бы знать то, что желается нам, если бы все основатели общежительных монастырей предали введенные в последних уставы письмени или если бы они писали грамоты, в которых обстоятельно характеризовались бы их уставы, и если бы все эти записи уставов дошли до нас. Но таких записей было сделано и дошло до нас до чрезвычайности мало. И априорические соображения и исторические свидетельства, отчасти прямые, отчасти а silentia, хотя и не совершенно ясные, прямые и определенные, располагают нас думать, что в большей части общежительных монастырей, основанных после преп. Кирилла, были введены уставы более или менее не строгие, и что только в меньшей части их введены были строгие. Преп. Кирилл имел славу великого подвижника и великого представителя монашества, и однако в свой монастырь с строгим общежительным уставом он успел собрать и всего 53 монаха. Другие, менее его знаменитые, подвижники могли рассчитывать на привлечение к себе еще меньшего количества монахов, а это, как нам думается, и должно было вынуждать большинство их к тому, чтобы поступаться строгостию общежития пред закоренелостью человеческих страстей. Преп. Иосиф Волоколамский, совершивший в [1478-1479 гг.] нарочитое путешествие по монастырям русским с целью досмотра существовавших в них порядков жизни и потом поместивший в своем монастырском уставе главу, которая надписывается: «Отвещание любозаборным и сказание вкратце о святых отцах, бывших в монастырех, иже в Рустей земли сущих» и в которой имел все побуждения указать современные ему монастыри с строгим общежительным уставом, не указывает ни одного такого монастыря²⁰⁷, а его жизнеописатели говорят, что в его время оставался общим монастырем не на словах, но на деле только Кириллов Белозерский монастырь и что прочие монастыри паче клонились к лаврскому обычаю, т.е. к особножитию²⁰⁸. История самого преп. Иосифа показывает, как неохотно принималось нашими монахами строгое общежи-

тие и как оно подолгу не держалось в наших монастырях²⁰⁹. В Пафнутьевом Боровском монастыре, в котором постригся он и в котором монашествовал 18 лет, было общежитие, но не строгое²¹⁰. Когда после смерти преп. Пафнутия он избран был в игумены монастыря и когда хотел он ввести в последнем строгое общежитие, то братия «ему нимало совета даша»²¹¹, так что для водворения строгого общежития он должен был идти основывать свой собственный монастырь. В этом собственном монастыре преп. Иосиф показал себя в качестве ревнителя строгого общежития, вторым Кириллом, но едва только он умер, как общежитие начало в монастыре падать²¹².

Может казаться недоуменным, что на помощь ревнителям строгого общежития не пришла церковная власть, которая могла ввести его в монастырях и поддерживать в них посредством своих принудительных предписаний. Но на это недоумение нами отвечено уже выше. Правила канонические отстраняют особножитие, когда признают единственным истинным видом монашеской жизни в монастырях общежитие²¹³; гражданские законы греческих императоров положительным образом строго воспрещают особножитие²¹⁴. Но вопреки правилам каноническим и законам императоров особножитие до такой степени распространилось в монастырях греческих, что были вынужден признать его как законное, ибо иначе нужно было бы признать незаконным чуть не все монашество. Признанное законным в Греции, особножитие, естественно, было признано таковым и у нас, и наши пастыри, в след за греческими принимали, будто «особное каждого житие в монастыри (особножитие) нужи ради предано не могущим понести великаго и жестокаго (общаго) жития»²¹⁵. А против признаваемого законным не может быть употребляемо принудительных предписаний. Таким образом, пастыри наши могли бы действовать против особножития не путем обязательных предписаний, а путем своих пастырских увещаний и настояний. Не знаем, как было в сем отношении в Греции, но у нас мы вовсе не видим и не знаем этих увещаний и настояний со стороны пастырей до самого митр. Макария, хотя некоторых из пастырей и знаем за ревностных сторонников общежития, как св. Алексий (митр. Даниил тоже). Напротив известны такие случаи поведения пастырей, на которые любители и защитники особножития весьма могли сослаться для своего оправдания или по крайней мере для своего извинения. В 1382 г. был во Пскове Суздальский архиепископ Дионисий, возвратившийся из Константинополя и получивший от патриарха поручение сходить во Псков, чтобы попытаться усмирить возникший здесь мятеж Стригольников. Во время бытности архиепископа во Пскове к нему обратились с молением игумен и монахи здешнего Снетогорского монастыря дать им устав настоящего общежития, ибо дотоле было у них в монастыре общежитие, но не настоящее, и архиепископ, исполняя просьбу, дал игумену и монахам свою грамоту, которою заповедует им в качестве уполномоченного от вселенского патриарха совершенную нестяжательность, так чтобы ни у

кого из них не было ничего своего²¹⁶. Но спустя 40 лет после дачи Дионисием грамоты монахи Снетогорского монастыря нашли заповеданный им устав тяжким для себя и обратились к митр. Фотию с просьбою о новом уставе. Митрополит отменил запрещение Дионисиево относительно полной нестяжательности и хотя в свою очередь настоятельно увещевает к ней монахов, но тем не менее оставляет дело на их добрую волю²¹⁷. Митр. Макарий путем пастырских увещаний и настояний предпринял и до значительной степени успел ввести общежитие в монастырях Новгородской епархии, когда поставлен был в архиепископы Новгородские, о чем мы говорили выше [первой половины сего т. стр. 752-754], а потом он обращается с общими увещаниями ко всем монахам митрополии о произволении на восприятие вконец нестяжательного и совершенного общежития в деяниях Стоглавого собора²¹⁸. Ревнители строгого общежития искали ограждать или вводить его с помощью власти, но не церковной, которая не обладала в сем случае принудительной силой, а мирской, которой они хотели усвоить эту силу. Так преп. Кирилл Белозерский обращался перед своей смертью, о чем мы говорили, с слезной просьбой к Белозерскому князю Андрею Дмитриевичу, чтобы князь не попустил быть разорену в его (Кирилловом) монастыре введенному им общему житию и чину; с подобной же просьбой обращался перед своей смертью преп. Иосиф Волоколамский к вел. кн. Василию Ивановичу; неизвестные монахи обращались с просьбой к царю Ивану Васильевичу, чтобы он ввел общежитие в монастырях, находившихся в окрестностях Москвы²¹⁹. Сама церковная власть в лице единственного своего представителя, который старался вводить в монастырях общежитие путем увещаний и настояний, искала себе помощи у гражданской власти: Макарий при своем введении сейчас указанным путем общежития в Новгородских монастырях в то же время обращался к вел. кн. Василию Ивановичу с просьбой, чтобы государь подкрепил его своим повелительным писанием (см. выше стр. [753 первой половины сего тома]).

Итак преп. Сергей Радонежский был водителем у нас общежития не совершенно строгого, а преп. Кирилл Белозерский — совершенно строгого. После преп. Сергея было основано у нас монастырей общежитных довольно много, но сколько именно монастырей с строгим общежитием Кирилловским, остается нам положительным образом вовсе неизвестным; и есть вся вероятность и все основания полагать, что очень немного. В монастырях, в которых вводимо было их основателями общежитие строгое, оно, обыкновенно, после смерти основателя скоро исчезало, т.е. ослабевало, превращаясь в общежитие более или менее нестрогое, так что в каждое данное время монахов, живших у нас по уставу строгого общежития [было очень немного].

Мы уже дали знать выше, что основатели монастырей, которые в след за Кириллом Белозерским вводили в своих монастырях строгое общежитие,

положительным образом известны нам весьма немногие. Этих основателей монастырей знаем мы по оставленным ими записям или письменным начертаниям духовных грамот или уставов, которые они вводили в своих монастырях. А такие записи уставов или такие письменные уставы и духовные грамоты нам известны и всего в количестве пяти, именно — четыре устава: преп. Евфросина Псковского, преп. Иосифа Волоколамского, преп. Корнилия Комельского и преп. Герасима Болдинского (грамота?), и одна грамота — преп. Антония Сийского²²⁰. Уставы служат для нас свидетельством, что в монастырях введено было общежитие, но с другой стороны рождается вопрос: зачем были писаны. На этот вопрос отвечают Евфросин (китор) и преп. Иосиф (Отвещание любозагорным)²²¹.

Биографические сведения о преп. Евфросине мы передали выше, когда излагали Псковские споры о песни аллилуия (стрр. [455-462]). С весьма большою вероятностью должно думать, что мысль об основании собственного монастыря, с тем, чтобы ввести в нем строгое общежитие, подал ему сейчас выше упомянутый нами устав, данный архиепископом Суздальским Дионисием Снетогорскому монастырю, в котором он принял пострижение и в котором монашествовал до основания собственного монастыря. Устав этот, заповедающий на основании уставов и предписаний отеческих (Василия Великого, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Феодора Студита и прочих святых отец, как ссылается в нем прямо Дионисий) строгое общежитие, не был строго соблюдаем в Снетогорском монастыре, и преп. Евфросин воспламенился ревностию восстановить его во всей его [полноте] (что во всяком случае он имел под руками устав Дионисиев, собственно его грамоту, когда писал свой собственный устав, это во всяком случае с несомненною видно из последнего, ибо встречаются в нем дословные заимствования из первого; а также и из послания во Псков Фотиева, ибо митр. Фотий, хотя и не обязывает к общежитию, но весьма похвалит его²²²). Если преподобный действительно был в Константинополе, то лучшими из тамошних монахов он мог быть только укреплен в том убеждении, что истинный образ монашеской жизни есть строгое общежитие. Не быв на Афоне, он расспрашивал о нем (л. 231 об.). Воодушевлялся ли он между прочим и примером преп. Кирилла Белозерского, относительно этого ничего не можем сказать, кроме того, что это очень могло быть: он принял намерение основать свой монастырь в последние годы жизни преп. Кирилла, а слава Кирилла, распространившаяся к последним годам его жизни по всей Русской земле, очень могла дойти и до Псковской области, которая не была из числа областей, наиболее отделенных от области Белозерской.

Устав, написанный преп. Евфросином между 1458-1462 гг., содержит в себе следующие предписания и завещания братии²²³: да будет в монастыре самая полная община, так чтобы не только никто из братии не имел ничего своего, но чтобы и словом не говорилось: это мое, а это того или того; нико-

му не есть и не пить кроме трапезы, за исключением случаев тяжелой болезни, ибо так называемая особина, малая или великая (совсем особый от прочей братии стол и только прибавка своих кушаний к братскому столу) есть священнокрадения и причина всякого зла²²⁴; (всем братиям иметь одну и ту же одежду и обувь) и получать ее от игумена или от избранного игуменом и братиею эконома (келаря), а быть одежде из обычной сермяжины, но {не} из немецких сукон, а шубы бараньи носить монахам без пуха (без опушки дорогими мехами?); всем в одинаковой мере и с одинаковым усердием трудиться для монастыря, «яко да от праведных трудов и своего делания дневную пищу и прочая нужная и потребная телеси Господь и Пречистаа Его Мати яже о нас устроит» (л. 215 об. фп.); «стяжание же чужих трудов вносити каково любо отнюдь несть на пользу нам, и паче же яко страстнии душею и немощнии приимати в обители (л. 216), но яко яд смертоносен отбегати и отгоняти; аще ли оскудеет потреба телесная на искушение нам, не рци человеку (л. 216): дажь ми, луче уповати на Господа, неже на человека и нужных искати со Христом, поминающее Павла апостола²²⁵, еже к Коринфеем пишет сице: мы же до нынешняго часа алчем и жаждем и наготуем и стражем и скитаемся, делающее своими руками»; братии монастыря должно искать себе в игумены человека богораднаго, доброразумнаго и духовнаго, который бы известен был своею добродетельною жизнью, а не брать в игумены человека, который бы желал игументсвовать по найму (об этом ниже); братия должны находиться в совершенном покорении у игумена, отсекая всю свою волю мечем слова Божия; если игумен пошлет на службу какого брата, то да идет без всякаго послушания, а без благословения игумена, для своих нужд никому ни под каким видом никуда не ходити (из монастыря); если кто станет противоречить игумену и поднимать ссоры, то запереть такого в темницу, пока не покается²²⁶, а непокорнаго монаха по первом и втором и третьем вразумлении выгнать, по слову Василия Великаго, из монастыря и не возвращать ему ничего из принесенного в монастырь; желающих стричься в монахи принимать в монастырь без вкупа, как это бывает в прочих монастырях, ибо это им на больший вред душевный, так как они (дающие вкупы) говорят: свое ем и пью, и поэтому не хотят ин в церковь ходить, ни в келье молиться прилежно; должно принимать в монастырь людей смиренных и кротких, но не скоро, а по трехлетнем и даже более продолжительном испытании; если который брат при своем пострижении даст что нибудь в монастырь, денег или вещей, то пусть не величается над не принесшим ничего и не говорит ему оскорбительных речей, а если попытается проявлять свое самовластие («аще ли сильно что начнет наводити», л. 234 фп.), то по троекратном вразумлении должен быть изгнан из монастыря; «молю же вас, — обращается преподобный к монахам, — пианство безмерное и безчиние всякое отнюдь да не будет в вас (л. 218 фп.), великаго убо Христовых уст проповедника Павла словеса не забывают: пианици цар-

ствия Божия не наследят»; не должно быть в монастыре монахов голоусых; не принимать в монастырь (л. 221 об.) малых детей для учения книгам (ибо, как должно подразумевать, в том и другом случае монахи весьма подвергаются опасности известного тяжкого и мерзкого греха); ни под каким видом не должен быть дозволен вход в монастырь женскому полу; не должно быть в монастыре бани, ибо заповедано святыми отцами, чтобы монах и самому себе не обнажал своего тела, разве только в случае тяжелой болезни и крайней нужды; в церковь на молитву должно спешить по первому удару била, тотчас бросая всякое дело, каким бы кто занят ни был, хотя бы то и келейной молитвой, ибо и целоношное стояние в келье на молитве при одном: Господи помилуй не сравняется общему в церкви; стоять в церкви на службах до отпуста, за исключением случаев нужды; в церкви петь с тихостию и разумно, а не козлогласованием; должны быть соблюдаемы четыре соборные поста, уставленные святыми отцами: великая четырехдесятница, Рождества Христова, святых апостолов и Успения Пречистой, дабы чистыми приступить нам к чистому Источнику бессмертному и вкусить Его с верою; если придут в монастырь странные, монахи или миряне, то должно стараться об их принятии и упокоении: по завещанию святых пусть они остаются в монастыре, не нудимые на работу и не укоряемые, три дни, а при отпуске их дать им милостыню по силе, а если будет властель, то честь воздать ему, ибо апостол Павел пишет: не будите должни человеком. Свои предписания и завещания преподобный заключает обращением к братии: «Слышите же, братье, и се, яко аще кто дерзнет помыслити (похулити?) благое се уставление, иже (еже) от святых отец уставися или общину разорити или что преобидети или превратити лукавым обычаем, еже zde от правил святых отец положенная, и вы бойтесь того, еже Давид рече: проклятия укланяющиеся от заповедей твоих, и паки Павел апостол: аще ангел благовестит вам не яко же мы благовестихом вам, проклят да будет» [л. 233 об.]²²⁷.

Преп. Иосиф Волоколамский, о котором приходилось нам говорить много раз выше и которого немного выше мы назвали вторым Кириллом Белозерским, если сравнивать историю нашего монашества с историей монашества греческого, может быть приравнен к Василию Великому. Мы назвали Василия Великого, который в своих аскетических сочинениях, названных в славянском переводе Постническими словами, начертал обстоятельное теоретико-дидактическое руководство к монашеской жизни, творцом «науки» монашества (I-го т. 2-я полов., стр. 499/604). Преп. Иосиф, не быв вторым творцом науки уже существовавшей, явился у нас в России так сказать ученым апологетом монашеской жизни. Истинное монашество должно быть строгим общежитием, как оно заповедано святыми отцами и началоположниками монашеской жизни. Преп. Иосиф, сколько хорошо изучивший писания отцов, столько же усердно желавший и подражать им в жизни, быв избран по смерти преп. Пафнутия Боровского в преемники ему, воспламеняемый,

как говорит один из его жизнеописателей, огнем Св. Духа (стр. 20), хотел по всей истине быть игуменом над монахами истинно монашествующими, и, когда монахи Пафнутиева монастыря решительно воспротивились его намерению ввести у них строгое общежитие, основал для введения этого последнего свой собственный монастырь. Но не ограничивая своей ревности об истинном монашестве только тем, чтобы самому с своим стадом непосредственных учеников быть подражателем отцов, а сгорая, подобно преп. Кириллу Белозерскому, желанием, чтобы отцеподражание навсегда сохранилось в его монастыре, и одушевляясь дальнейшим или так сказать более широким против Кирилла желанием, стать проповедником истинного монашества вообще между русскими монахами, преп. Иосиф хотел этого достигнуть таким образом, чтобы для монахов своего монастыря, а вместе с тем и для всех вообще русских монахов, начертать устав истинного монашества и истинного монашеского общежития с обширным приведением свидетельств из Св. Писания и отцов, разума и доказательств, что то и другое должны быть такими, а не иными, дабы таким образом для одних и других монахов истина была ясно и твердо доказанною и не оставалось никакого неведения и сомнения относительно лжи. Это он и делает в своем уставе, написанном им для своего монастыря, который он назвал Духовной грамотой (и уже в самом надписании которого выставил, что в нем говорится о монастырском и иноческом устройении «подлинно же и пространно и по свидетельству божественных писаний»)²²⁸. Устав, весьма обширный по объему, состоит из двух неравных частей, из коих в первой и большей, разделяющейся на 11 глав, излагаются правила поведения монахов и чина монастырского (в первых 9-ти главах) и обязанности игумена (в главе 11-й), с прибавлением того отвещения любозаборным (глава 10-я), о котором говорили мы выше, а во второй части, меньшей, состоящей из трех глав (составляющих один счет с главами 1-й части, 12-14-й), сначала предлагаются в кратком изложении правила поведения монахов, о которых пространно говорится в первой части, каковое изложение соответственно 9-ти главам 1-й части [разделено] на 9 параграфов (глава 12-я), потом говорится об обязанностях соборных и старейших братий, которым вместе с игуменом вручено управление монастырем (13-я) и о наказаниях, которым должны быть подвергаемы братия, не бегущие о предписанных правилах поведения (глава 14). Предписания поведения монахов и вообще чина монастырского мы изложим по сокращению, которое делает сам преп. Иосиф (в 12-й главе). Разделяемые на число 9-ти, правила эти суть следующие: Первое, «о церковном благочинии и о соборной молитве»: Поспевать (монахам) к началу всякой службы, а с своего места на другое не переходить, а из церкви или из трапезы со службы не уходить прежде отпуска без благословения, кроме (случая) великой нужды; на службах не разговаривать и не смеяться, а по окончании служб в церкви или в трапезе не оставаться, а крылошанам заботиться («имети брежение»)

о (надлежащем) церковном пении и о чтении и о псалмах. Второе, «о трапезном благоговействе и о пищах и о питии»: Поспевать (монахам) в трапезу к (ее) благословию, а на трапезе не разговаривать и не смеяться, и прежде обеда не есть и на чужом месте не садиться, а у (другого) брата не брать ничего, — ни пищи ни питья, а своей пищи не давать, ни питья; никому из трапезы не брать ни сосуда ни пищи без благословения; а своей пищи или питья или сосуда не приносить в трапезу; за последнюю трапезу не ходить никому кроме служебников (для служебников трапеза была лучшая; т.е. никому из монахов не ходить за трапезу служебников); по окончании обеда (стола) никому не оставаться в трапезе, а в щегнушу никому не входить, кроме служебников, а в трапезу не входить до обеда ни после обедов (которых два — для монахов и для служебников) ни после вечерни или нефимона (павечерницы), кроме великой нужды; в кельях ни есть ни пить ни посылать по кельям пищи или питья без благословения настоятеля; слугам и ребятам во время обеда не стоять в трапезе²²⁹. Третье, «о одеждах и обуцах»: одежды иметь и обувь и прочие вещи столькие числом и такие ценою, как написано выше сего в большой духовной грамоте (в первой части), в третьем слове²³⁰; а кому что дано из монастырской казны, — одежда («платно») или (другая) какая вещь, и ему ни променять ни продать ни отдать без благословения; никому не взять ничего нигде без благословения, — ни в трапезе, ни в монастыре ни за монастырем, ни в которой службе (т.е. на какой бы службе кто ни был); если кто что найдет, то должен сказать настоятелю; также и в церкви никому ничего не брать, ни иконы ни книги ни свечи ни ладона ни другой никакой вещи без разрешения пономаря; также никто не должен приписывать чегонибудь в книге без благословения настоятеля и уставщика²³¹. Четвертое, «яко не подобает беседовати по павечернице»: После павечерницы не должно стоять на монастыре для разговора, ни сходиться в кельях, но если нужно сказать что нужно, касающееся дел монастыря, то благочиния ради говорить в келье; ни пить воды, за исключением больных; ни ходить за монастырь, за исключением старца, которому поручены (в заведывание) «дворцы»; после отпуска павечерницы должен обходить монастырь надзиратель церковный и если увидит кого стоящего на монастыре или ходящего из кельи в келью или перед кельею стоящего либо сидящего или за монастырь идущего, то должен запретить; а если кто не послушает, сказать настоятелю или старшей братии. Пятое, «яко не подобает иноком исходити вне монастыря без благословения»: Не должно выходить вон из монастыря ни в деревни ни в села ни на «дворцы» и никуда в другое место. Шестое, «о сборных делах»: На общие работы должно всем приходиться к их началу, а уходить вместе со всеми, а на работе не заниматься празднословием ни смеяться ни браниться; а кто пойдет с работы прежде братии, то ему испросить благословения у настоятеля или у старца, которому поручен надзор над работами²³². Седьмое, «яко не подобает во обители бытии питию, от него же

пьянство бывает»: Не должно бытии в монастыре питию, от которого бывает пьянство; а если кому принесут в келью такое питье, то пусть скажет настоятелю или келарю, сам же ни под каким видом не должен отвеживать²³³. Осьмое, «яко не подобает в монастырь женскому входу бытии»: Не должно быть женского входа в монастырь ни под каким видом; если захочет женщина войти в церковь (монастырскую) для молитвы, то пусть пошлет сказать об этом настоятелю, а настоятель пошлет братьев двух или трех, и они введут ее в церковь, а после молитвы опять выведут ее за монастырь, а в трапезу или по кельям или по службам ни под каким видом не должны пускать ее ходить. Девятое, «яко не подобает в монастыри, ниже на дворцах монастырских отрочатом жити юным»: Не должно жить в монастыре — ни по кельям ни на дворцах монастырских юным отрочатом; ни милостыни (подавать) им на монастыре ни в келью ни пущать; в селах же монастырских монахам не жить (постоянно), но надзирать (временно), приезжая; крестьян не судить в монастыре, но на дворцах монастырских; особых слуг и лошадей и седел и саней никому из монахов не держать; на дворцах монастырских, ни у келей (в монастыре) задних воротец (калиток), ни больших окон низко от земли, ни погребов у келей не иметь, а на дворцах у келей не садить яблоней ни другого овощу; без мантий и без клобука по монастырю не ходить, кроме (случая) тяжелой работы; все делать по благословию настоятеля». В числе 9-ти глав о жизни и поведении монахов и вообще монастырском чине, кратко воспроизводимых (резюмируемых) в соответственном количестве параграфов, нет главы о том, что составляет сущность общежитного монашества — о совершенной нестяжательности. Может быть, преп. Иосиф не говорит о ней в особой главе потому, что эта глава нарушала бы единство характера прочих его глав, — что она была бы общею, тогда как все остальные главы частные (хотя с другой стороны она с совершенным приличием могла бы составлять общее введение к прочим частным); как бы то ни было, но не говоря о совершенной нестяжательности в особой главе, он говорит о ней в главе 3-й, которая об одежде и обуви²³⁴. Предписания старейшим братьям или соборным старцам, которые назначаются быть непременными помощниками игумена во всем деле управления монастырем (о чем обстоятельнее скажем ниже) излагаются преп. Иосифом в 9-ти особых отделах (которые называются преданиями, так что глава 13-я, в которой излагаются предписания, разделяется на 9-ть особых отделов, называемых преданиями: предание 1-е о том-то, предание 2-е о том-то и пр.), соответственно 9 ти отделам, в которых он излагает предписания относительно жизни и поведения монахов, при чем в каждом отделе показывается, как они — старейшая братия или старцы должны помогать игумену относительно каждого соответствующего отдела жизни и чина (предание 1-е о церковном благочинии и соборной молитве, т.е. как смотреть за монахами во время молитвы, предание 2-е о трапезном благоговействе и благочинии и о пище и о питии и т.д.). Подобным образом

и предписания относительно наказаний, которым должны быть подвергаемы в чем либо виновные монахи, излагаются в тех же 9-ти отделах, называемых запрещениями, соответственно тем же 9-ти отделам предписаний о жизни и чине (запрещение 1-е о церковном благочинии и соборной молитве, запрещение 2-е о трапезном благоговействе и благочинии и о пище и о питии, и т.д.).

Мы сказали, что преп. Иосиф Волоколамский при написании своего устава имел ту нарочитую цель, чтобы свидетельствами из писаний отеческих показать, что правила общежития, как истинного монашествования, узаконены и признаны, как обязательные правила, святыми отцами, так чтобы монахи ясно видели и твердо знали, что кто хочет последовать отцам, должен безоговорочно исполнять правила и что наоборот кто не исполняет правил, отступает от уставов отеческих. По отношению к тем правилам, которые он предписывает, он вполне достигает своей цели. Он обладал истинно удивительной начитанностью в отеческой литературе, так что как будто все ее содержал в своей голове, как должно думать, обладая исключительной памятью, и когда нужно было приводить свидетельства отцов, они тотчас же были у него готовы в том числе, в каком существовали по данному предмету. На каждое из правил, которые он предписывает, он приводит такой длинный ряд свидетельств из отеческих писаний, который не может оставлять никакого сомнения в том, что он хочет показать и что указано нами сейчас выше. Но с нарочитой или специальной целью сделать монахов своего монастыря и вообще русских монахов так сказать безответными перед отцами, преп. Иосиф преследует в своем уставе и ту ненарочитую, а общую цель, что самому убеждать одних и других монахов к исполнению своих предписаний. И в этом случае он является со всею тою убедительностью, которая была ему присуща. Так как наконец и в отношении литературном устав не уступает своими достоинствами его знаменитому Просветителю, то со всею справедливостью он должен быть признан за нечто столько же в своем роде замечательное, как и этот последний²³⁵.

Преп. Корнилий Комельский родился в Ростове от одного из славнейших и богатейших (по житию) его граждан — Феодора Крюкова²³⁶. Брат Феодора, по имени Лукиан, служил в Москве диаком у великой княгини Марии Ярославовны, супруги Василия Васильевича Темного, и перевел его в последнюю с его семейством, при чем Корнилий, неизвестно как называвшийся в миру, вероятно, по причине своих выдававшихся способностей, в виде исключения записан был в дьяки великой княгини менее чем 20-летним юношей²³⁷. Когда Лукиан, решившись оставить мир, удалился в Кириллов Белозерский монастырь, то возгорелся желанием пойти с ним в монастырь и Корнилий, бывший 20-летним юношей²³⁸. После более чем 7-летнего, неизвестно-сколь именно продолжительного пребывания в Кирилловом монастыре, которому приобрел одного из своих братьев (Акинфия, назван-

ного в монашестве Анфимом) и в котором нес самые тяжелые послушания и удручал плоть свою железными веригами и в котором, как человек искусный в письме, между прочим писал богослужебные книги, он, как говорит житие, «по лествичному последованию» вдал себя странничеству, чтобы искать пользы отовсюду. Обошед монастыри и пустыни и везде старавшись пользоваться себя от монахов, отличавшихся добрыми нравами и житием, пришел в Новгород к архиепископу Геннадию, у которого и прожил немалое время²³⁹. По этом немалом времени он испросил у архиепископа дозволения удалиться для безмолвия в пустыню, и отпущенный им поселился в пустыне близ Новгорода. Но так как распространившаяся слава его, как пустычника, начала привлекать к нему людей, искавших у него духовной пользы, которые нарушали его безмолвие, то из-под Новгорода он ушел к Твери и поселился в пустыне близ находившейся в 15 верстах от нее Савватиевой пустыни²⁴⁰. Та же самая причина заставила его оставить и новое место, чтобы искать для безмолвия пустыни, сокрытой от людей, и в 1497 г. он нашел ее в 45 верстах к югу (юго-востоку) от Вологды, в Комельском лесу, на реке Нурме (при впадении в нее реки или речки Талицы, в 5 верстах к югу от нынешнего уездного города Вологодской губернии Грязовца, которого во времена Корнилиевы еще вовсе не было и который обязан своим существованием именно ему: на другой после смерти Корнилия в 1538 г. Грязовец упоминается как монастырский починок Грязовицкий, — Ист. Иер. IV, 708, 754). Но если в пустыни близ городов и монастырей приходили к преподобному только люди, искавшие от него духовной пользы, то в пустыню, удаленную от городов с монастырями, начали приходиться к нему люди, желавшие вместе с ним и под его руководством монашествовать: последуя всем другим пустынножителям, которые, памятуя, как и все основатели монастырей, слова Спасителя: *грядущего не иждену вын*, он не нашел возможным отказывать желавшим и основал свой монастырь, который в 1501 г. и существовал уже в виде малой пустыньки²⁴¹. Желавших монашествовать явилось очень много, и преподобный решил устроить вместо пустыньки большой монастырь, с тем, чтобы ввести в нем строгое или настоящее общежитие. Вместо первоначально поставленной им маленькой церкви была построена большая церковь (во имя Введения Божией Матери), и за нею другая церковь с трапезою, за сим корпуса келий (расположенные, как это было сделано преп. Сергием Радонежским в его монастыре, четверугольником кругом церковей) и все службы, требовавшиеся предположенным общежитным бытом монастыря, также больница и вне монастыря богадельня для странников и нищих. Когда было готово все внешнее устройство монастыря, временем чего приблизительно должен быть полагаем 1520-й год (первая большая церковь была поставлена в 1515 г.)²⁴², преподобный ввел в монастыре общежитие и написал для него свой, сохранившийся до настоящего времени, ктиторский устав. Мы уже давали знать выше, что далеко не всеми монахами монастыря обще-

житие было встречено с радостью и принято с готовностью, что некоторые из них оставляли монастырь, рассчитывая возвратиться в него после смерти преподобного, когда они надеялись жить в нем по своей воле. Но это общежитие, ревнителем которого был преп. Корнилий, соединяясь еще, как кажется, с суровостью его природного характера²⁴³, было для него источником скорбей во всю остальную, довольно не малолетнюю жизнь. Неприятности из-за общежития начались между преподобным и тою или другою частью монахов монастыря, как дает он знать в своем уставе еще прежде написания им этого последнего. К 1528 г. они достигли такой степени, что преподобный решился удалиться из монастыря, оставив его управителями избранных им 12-ть старцев и предоставив братии избрать себе игумена (игуменом избран Кассиан)²⁴⁴. По решительному настоянию вел. кн. Василия Ивановича, который исполнял ли слезную просьбу братии, т.е. лучшей ее части, возвратить им их отца, как говорится в житии, или который, быв усердным ревнителем строгого общежития в монастырях и состояв в сем отношении нарочитым хранителем такового в Иосифовом Волоколамском монастыре, желал, чтобы преп. Корнилий, жертвуя своим спокойствием благу монастыря и обрекая себя на неприятности, сам лично поддерживал в последнем введенное им строгое общежитие, он возвратился в монастырь в начале 1531 г.²⁴⁵ Но за тем он в другой раз удалялся из своего монастыря в место своего пострижения — в Кириллов Белозерский монастырь. Возвратившись вторично в монастырь, по настоятельному умолению братии (лучшей части его братства, как уверяет житие), преп. Корнилий скончался в глубокой старости, 82-х лет жизни, 19 Мая 1538 г.²⁴⁶

Вражда и борьба преп. Корнилия с монахами основанного им монастыря из-за введенного им строгого общежития, как со всею вероятностью следует думать, была бы очень любопытна и немало служила бы к прояснению истории у нас строгого общежития, если бы мы знали ее подробности. К сожалению, этих подробностей мы вовсе не знаем, ибо автор жития преподобного Корнилия не только не сообщает нам их, но желает представить и все дело в другом свете, уверяя, что будто преподобный два раза удалялся из монастыря ища безмолвия, как будто для сего последнего вместо ухода совсем в другие места он не мог удаляться от монастыря версты на две-три. Что вражда была чрезвычайно сильна, об этом проговаривается и сам автор жития, когда говорит, что преподобный потерпел многие «наветы от зависти и ненависти от чужих и от своих» и «что клеветы и досады и до самого державного доидоша нань» (л. 514 фп.) и это совершенно ясно видно из того, что в оба раза преподобный возвращался в монастырь после упорных отказов, с величайшею неохотой. В борьбе весьма загадочно для нас то, что победителями в ней остались монахи монастыря, а не его основатель. По видимому, преп. Корнилию стоило только изгонять из монастыря непокорных монахов, как он вначале и делал (Устав, стр. 664), чтобы этим кончалось все

дело, и однако он, терпя в монастыре сравнительное множество монахов, себя видел вынужденным оставлять монастырь. Это невольно наводит нас на подозрение, что в монастыре устроились общие заговоры всех монахов, чтобы заставлять удаляться из него его основателя. К некоторому подтверждению нашего подозрения служат и слова автора жития об игумене Кассиане, который избран был после первого удаления преп. Корнилия из монастыря; автор говорит, что, когда преп. Корнилий возвратился в монастырь из первого удаления, то «игумен Кассиан, устыдевся отца, остави игуменство и пребываше в послушании старцу»²⁴⁷. Это «устыдевся отца» как будто дает знать, что Кассиан выбран был в игумены не с дозволения преп. Корнилия, а вопреки его воле.

Устав преп. Корнилия, составленный по руководству устава преп. Иосифа Волоколамского и представляющий в большей своей части сокращение последнего, состоит из 15-ти очень кратких глав²⁴⁸. Его содержание видно из надписаний его глав, которые суть следующие: Глава 1, о церковном благочинии и о соборной молитве; Глава 2, о благоговеинстве и о благочинии трапезном и о пище и о питии; Глава 3, указ о ястиях и о питии; Глава 4, о еже не подобает никому ясти и пити, кроме общия трапезы без благословения; Глава 5, о одеждах и обуцах и о прочих вещах; Глава 6, о еже не просити никому что от внешних, мирских или инок; Глава 7, о еже не имети особнаго стяжания никому ничего; Глава 8, о еже не взимати кому ничтоже нигдеже без благословения игумена и келаря; Глава 9, о еже не приходити кому безвременно в трапезу и в служебныя келлии; Глава 10, о еже вкупе братьям сходящимся на дело кое подобает творити с молчанием и молитвою; Глава 11, о еже не подобает из монастыря по плоти к своим или инуде куда безсловесно (без уважительной причины) исходити; Глава 12, о еже не приимати братьям милостыни себе по рукам ни от кого; Глава 13, о еже не бытии питию пьянственному ни от кого; Глава 14, о приходящих братьях и хотящих в месте сем по смерти моей житии, имущих же стяжания особная; Глава 15, о исходящих из монастыря и паки возвращающихся братьях наших».

Преп. Антоний Сийский (в мире Андрей)²⁴⁹ родился в 1477 г. от одного гражданина (мещанского по теперешнему сословия) Великого Новгорода, который для занятия земледелием жил в Двинской области (в селении Киххта, находившемся близ студеного моря). Лишившись в юности родителей, он возвратился в Новгород и вступил здесь в брак; но когда после непродолжительной брачной жизни он овдовел, то решил отдать себя Богу чрез удаление из мира в монастырь. Он пошел в пределы Каргопольские и здесь постригся в монашество в пустыне старца Пахомия, находившейся на реке Кене, текущей из Кено озера в реку Онегу. После довольно продолжительного жития у Пахомия, от которого понужден был принять и сан священства, он возгорелся желанием отойти в уединенную пустыню и, взяв с собой из пустыни Пахомиевой двух единоправных себе братьев, стал разыскивать удобного места, сначала спустился вниз по реке Онеге, потом дошел до реки

Шелексы, а с этой перешел на реку Емцу, к порогу, называемому Темным. Здесь понравилось ему место и он построил здесь маленький монастырек, в котором присовокупил к себе кроме двух пришедших с ним братьев еще четырех. Но после 7-летнего житья в монастырьке он прогнан был из него жителями соседней деревни (Скроботова), которые опасались, что он завладеет их земельными угодьями. Тогда преп. Антоний решился со своими братьями искать такого места для монастыря, где бы они не могли возбуждать ничьих опасений — в непроходимых лесах и болотах. Один зверолов указал им желаемое место на полуострове озера Михайлова (называемого ныне еще Святым), которое с группой других озер находится не далеко от левого берега Северной Двины, в 78 верстах к югу от Холмогор. Здесь в 1519-20 г. он и заложил свой Сийский, строго-общежитильный, во имя Св. Троицы монастырь, получивший название от вытекающей из озера реки или речки Сии (впадающей в Двину). После 37-летних подвигов в нем, на 80-м году жизни, он скончался в нем 7 Декабря 1556 г.

В своей предсмертной духовной грамоте братии, которая в ней самой называется духовной памятью, преп. Антоний завещает братии относительно общежития²⁵⁰: «Живите во общем житии равно, духовне и телеснее, пищу и одеждою, по заповеди святых отец; на трапезе строителю пищи и пития кроме братскаго доволу не прибавляйте ничего; также и одежда и обуца равно, по рассуждению; а питья хмельнаго в монастыре не держите, ни от христолюбцев не принимайте; а женскаго полу отнюдь никто в монастыре не ночевал бы, а миряне с братиею по кельям не ночевали ж, ни жили с братиею в кельях, а нищих пойте и кормите довольно и милостыню давайте, да не оскудеет место сие святое; а братия, которая здоровые, без службы монастырския не пребывали, своего ради спасения, опричь больных, и круг монастыря бы есте починков и дворов крестьяном ставити не давали, разве коровья двора, да и то б не близ монастыря за озером²⁵¹; строителю монастыря (которого преп. Антоний оставляет своим преемником) и всей братии, большим и меньшим без выбора, пещись и промышлять домом живоначальныя Троицы, ведати в казне и селех и в деревнях и во всяких промыслех монастырских и усульях, а соборовали б есте о монастырских делах в трапезе со всею братиею; а которые братья ропотники и раскольники не восхотят по монастырскому чину жить, строителю и братии не почнут повиноватися, и тех из монастыря изгонить, яко да и прочие страх имут; а придет тот же (изгнанный) брат в монастырь и начнет каятися строителю и братии и в чем согрешение его было изгнание (sic), ино его принять, якоже свой уд, и простить, а не врага имать, но яко брата; а которые братья из монастыря выехали без моего благословения и монастырскую казну свезли, и приедут в монастырь бити челом о прииме, и монастырское, что свезли, привезут и отдадут в казну, ино их принять, как прочую братию, и простить их в том, а сверх того Бог волен да царь государь великий князь Иван Васильевич всея России».

Преп. Герасим Болдинский родился в 1490 г., в Переяславле Залесском или Владимирском, от родителей того же мещанского сословия, что и преп. Антоний Сийский, и 13-летним мальчиком поступил в послушники к преп. Даниилу Переяславскому, которым потом и пострижен был в монашество²⁵². После более чем 20-летнего монашествования под руководством преп. Даниила, в 1526-27 году с благословения своего наставника он оставил Переяславль и отправился в безмонастырную или скудно монастырную Смоленскую область, не задолго перед тем (в 1514 г.) возвращенную от Литовцев. Начиная с 1528 г., он построил в области четыре общежитные монастыря: Троицкий Болдин или Болдинский, в 15 верстах к востоку от Дорогобужа (на Болдинской горе над речкой Болдинкой), Предтечев в Вязме, Введенский на реке Жиздре в Брынском лесу (в настоящее время местность Калужской губернии), Рождество-Богородицкий Свирколуцкий (на урочище Свирковы луки) верстах в 7-8 от Дорогобужа. Сам игуменствовал в Болдином монастыре, а игуменами (себе подначальными) в остальные три монастыря поставив своих учеников, преподобный скончался на 65-м году жизни 1 Мая 1554 г.

В духовной грамоте, данной всем четырем монастырям, преп. Герасим завещает: «Поставляйте во игумена своих мужей, из своей братии, а не чужих монастырей, понеже сии ведают общежитие и уставы общежительные, якоже аз по Бозе жительствовал с вами; у братии все должно быть общее; всякое дело монастырское безропотно исполнять и ходить в монастырские служения с благословения настоятеля; одежду носить из казны, какую установил он (преподобный? или: установит он — настоятель?); а если кто не захочет, то игумену, священнику и диакону давать в год на одежду 2 рубля; хмельного питья в обители не иметь, разве кваса дрождежник, — тоже и для гостей; никакого сокровища по келлиям не держать; питаться обще всем в трапезе, с безмолвием, что (чем) Бог подаст, сидеть и читать жития святых отец и поучительные слова; пища должна быть всем равная, игумену и братии, — тою же пищею кормить и гостя; если какой брат впадет в прегрешение, такового смирать, по рассуждению, монастырским послушанием, но из монастыря не изгонять, разве только когда не послушается наказания; также и расколы творящих наказывать в кротости; странных и нищих не оскорблять, и на путь подавать, что Бог в обители умножил; игуменов почитать о Господе во всем; если же какой игумен начнет не по Бозе жить и не по чину монастырскому, то послать из братии к нему в келлию и беседовать с ним со смирением духовным; в должных делах и во всех монастырских потребах без совета соборных старцев, которых должно быть 12, и без игумена ничего не предпринимать; игумен своих постриженников в иные монастыри не отпускал бы»²⁵³.

Мы сказали, что особножитие, хотя было видом жизни монашеской во все не отцепрежденным и не каноническим, но что тем не менее в позднейшее время оно было признанным со стороны церковной власти. Из этого

ясно, что представители церковной власти не могли делать таких предписаний относительно общежития, которыми бы оно было обязательно вводимо в монастырях. Не имея подобных обязательных предписаний, мы имеем несколько грамот, идущих от представителей церковной власти, необязательных, которые даны были известным монастырям или потому, что просили о них сами монахи последних, или потому, что представителям церковной власти удавалось путем советов и увещаний вводить в монастырях общежитие. Таких грамот известно нам три: архиепископа Суздальского Дионисия, данная Псковскому Снетогорскому монастырю, неизвестного митрополита, данная неизвестному монастырю, и митрополита Макария, данная им в бытность архиепископом Новгородским одному из Новгородских монастырей, в которых он ввел общежитие, именно — Духовскому.

Архиепископ Дионисий, как мы сказали, дал монахам Снетогорского монастыря, по их просьбе, свою грамоту об общежитии, когда [в 1383 г.] приходил во Псков по поручению патриарха, в качестве его уполномоченного²⁵⁴. Предписания или точнее — заповедания архиепископа монахам Снетогорского монастыря относительно общежития, читаемое в его грамоте, есть следующее: «Отселе в этом честном монастыре ничего (не иметь) своего ни игумену ни братии, но все отдать Богу и в монастырь святой Богородицы (монастырь — во имя Рождества Богородицы); ни есть (никому) ни пить в келье ни у келаря не просить (особой пищи), а келарю и ключнику никому ничего не давать без игуменова дозволения, но есть и пить в трапезе всем вместе, кроме же трапезы не есть и не пить ни до обеда ни после обеда; до пьяна ни под каким видом не пить; потребную одежду брать (всем) у игумена (и она должна быть) из обычного (материала), а не из немецких сукон, а бараньи шубы носить без пуха, и обувь (всю) и до онуч брать у игумена, а лишних одежд не иметь; в церкви петь (службы) по правилу и по уставу святых отец; если (игумен) пошлет монаха на какую службу, должен идти без ослушания, а без благословения игумена ни под каким видом (никому) ни куда не ходить из монастыря; иметь во всем послушание и покорение игумену, а если кто станет ослушаться игумена и начнет заводить раздоры, запереть такового в темницу, пока не раскается, а нераскаянно строптивного монаха выгнать из монастыря, не возвращая ему ничего из принесенного (им) в монастырь». Свои, переданные нами, завещания Дионисий заключает: «Это написал я вам от многого малое, а прочее найдете в книгах Василия Кесарийского и святого Феодора Студийского и прочих святых отцов»²⁵⁵.

Неизвестный митрополит, как с вероятностию предполагают, — св. Иона, дал свою грамоту неизвестному монастырю в следствие просьбы монахов последнего восстановить у них общежитие, которое прежде было у них чинно и уставно, а потом стало быть неуставно и от некоторых братий развратно²⁵⁶. Митрополит предписывает: «Держать (монахам монастыря) общее иноческое житие по преданию иноческого чина и устава, имея во всем благо-

повиновение к духовному своему настоятелю архимандриту, а он (архимандрит) должен с любовью духовною иметь всякое попечение об их (монахов) спасении и обо всем монастырском строении и о братских потребах и трапезой завсегда соединяться с ними, кроме своей кельи, а особо от общей монастырской братской трапезы, согласно с уставом общемонастырского жития, своей трапезы ему не иметь, разве только придут великие гости, «и то да будет по чину»; а держать игумену и всей братии общее богорадное житие; а всякий приход монастырский: милостыни, молебны, сорокоусты, вписы (в синодик для поминовения), хлеб и другой приход монастырский или товар, все это архимандрит должен ведать «по слову и по соту» (обговариваясь и совещаясь) со всей своей братией; а кого нужно будет избрать способного брата для заведывания монастырским приходом и церковным строением и поставить келаря и «купчину» (закупщика) или которого брата послать куда на монастырскую службу, и тех всех избирать и поставлять архимандриту на всякое дело с ведома и согласия всей братии, а по его (архимандрита) благословению; также и монахов приходящих (в монастырь с целию поступления в него) архимандрит должен принимать «по слову» со всей братией. Монахов, которые бы оказались нарушителями предписаний грамоты, митрополит приказывает высылать из монастыря, отбирая у них в пользу последнего частное имение, которое бы они противузаконно (противоуставно) нажили, а самому архимандриту грозит свою духовную казнию и неблагословением.

Митр. Макарий в своей грамоте Духовскому монастырю²⁵⁷ предписывает: 1) собрать игумену монастыря 11 человек братии, так чтобы с ним самим было 12, в том числе один иеромонах и один иеродиакон, и не убавлять этого числа, отказывая желающим постригаться, а если захотят стричься вкладчики монастыря, то принимать и сверх указанного числа, вообще стараться, чтобы было не меньшее число и ничем не ограничиваться в отношении к большему; 2) быть в монастыре неотложно ежедневному пению со включением и литургии и неупустительно петь положенные молебны и панихиды; 3) игумену всегда ходить в трапезу есть вместе с братией, за исключением случаев тяжелой болезни, а у себя в келье игумену не есть и гостей у себя в келье не кормить, а кормить и подчивать их в трапезе или в келарской; яствам в трапезе быть по общежительному преданию и уставу святых отец; 4) игумену снабжать монахов одеждами, обувью и всякими келейными вещами по тем же преданию и уставу; 5) игумену держать в монастыре келаря и казначея, выбранных соборно, да трех или четырех братьев соборных, и с ними ведать всякое монастырское хозяйство и производить надзор над монахами; 6) «жити игумену чинно, почернчески, и любовь имети ко всей о Христе братии, а не властельски выситись, но пастырски строити и чин вести по преданию святых отец»; 7) братия должны повиноваться и покаряться игумену и все к нему должны приходиться для исповедания своих грехов, т.е. его именно все должны иметь своим духовным отцом; 8) мирским людям,

женщинам и мальчикам не ходить к монахам в кельи ни под каким видом; 9) монахам не держать у себя по кельям хмельного питья; 10) игумену держать у себя одного келейника или двух келейников из монахов, а мирянина ему у себя в келье не держать, а молодым рябят по кельям у игумена и у монахов не жить, а жить слугам монастырским за монастырем «на дворце»; 11) игумену принимать вклады от христоробцев и класть их в казну на монастырское строение, и которые вкладчики захотят постричься в монахи, тех стричь за их вклады, а вкладчикам мирянам игумену не давать из монастыря «подела ни котораго»; умерших вкладчиков поминать по должному.

Итак, из числа общежитных монастырей, которых, начиная с преп. Сергия Радонежского, было основано у нас в рассматриваемое нами время довольно значительное количество, положительным образом мы знаем, как о таких монастырях, в которых введено было их основателями строгое или настоящее общежитие, только о 9-ти: Белозерском преп. Кирилла, Псковском преп. Евфросина, Волоколамском преп. Иосифа, Комельском преп. Корнилия, Сийском преп. Антония и 4-х Смоленских преп. Герасима. Ктиторских уставов, написанных основателями строго-общежитных монастырей, известно три: преп. Евфросина Псковского, преп. Иосифа Волоколамского и преп. Корнилия Комельского. Духовных предсмертных грамот или завещаний, принадлежащих тем же основателям, известно две: преп. Антония Сийского и преп. Герасима Болдинского, не считая завещаний, написанных написавшими уставы: Евфросином и Иосифом. За сим имеем еще три грамоты касательно общежития, идущие от представителей церковной власти, именно — Суздальского архиепископа Дионисия Псковскому Снетогорскому монастырю, неизвестного митрополита неизвестному монастырю и митр. Макария, от времени его архиепископства в Новгороде, Новгородскому Духовскому монастырю.

Как говорили мы выше, со всею вероятностию должно думать, что строгое или настоящее общежитие вводится было не в тех только 9-ти вновь построенных монастырях, о которых нам известно это положительным образом, но в большем или меньшем количестве и других, о которых положительным образом нам остается неизвестным. А равным образом с такою же вероятностию должно думать, что и из тех прежде существовавших монастырей, в которых введено было после преп. Сергия общежитие на место прежнего особножития, в некоторых также было вводится общежитие именно строгое или настоящее. Но с скольконибудь приблизительною точностию обозначить число всех вообще монастырей, в которых вводится было строгое или настоящее общежитие мы совершенно не находим возможным и только склоняемся к тому неопределенному, чтобы представлять его в общем количестве общежитных монастырей не особенно большим. Те монастыри, новые и старые, в которых вводится было строгое общежитие, не оставались строго общежитными навсегда, а напротив во всех их строгое общежитие

сохранялось очень не подолгу, сменяясь общежитием более или менее нестрогим, так что в каждое данное время были строго общежитными только те очень немногие монастыри, которые или не задолго перед тем были основаны с введением в них строгого общежития или в которых из прежде существовавших оно не задолго перед тем было введено или наконец (что бывало), в которых, после введения и исчезновения оно снова было восстановливо (каковой монастырь знаем, по крайней мере один — Кириллов Белозерский: Иосиф Волок.).

Особенность строгого общежития рассматриваемого нами времени в сравнении с таковым же общежитием периода домонгольского составляет то, что в период домонгольский оно было введено у нас по определенному, заимствованному из Греции, уставу, и что в наше время не видим такого устава. Преп. Феодосий Печерский, введший у нас строгое общежитие в период домонгольский, приобрел из Константинополя Студийский (так называемый) устав патр. Алексея и предал его в подлинном его виде или как таковой своему монастырю; в рассматриваемое нами время мы не находим никакого определенного греческого устава, который был бы принят в наших монастырях и признавался ими обязательным, так что при этом отсутствии определенного устава дается подразумевать вообще греческие отеческие уставы, как и делаются общие на все их или частные на многие из них ссылки на эти уставы в наших собственных общежитных уставах и в наших, касающихся общежития, грамотах. Введение или неведение определенного греческого устава зависело от первого водителя у нас строгого общежития: если бы преп. Кирилл Белозерский ввел у себя определенный греческий устав, то по всей вероятности он был бы принят и последующими основателями монастырей строго-общежитных; но преп. Кирилл не ввел у себя греческого определенного устава, уложив устав своего монастыря сам на основании тех или других греческих отеческих уставов, и так эта свобода собственного уложения осталась и после него. Может показаться недоуменным, что преп. Кирилл не ввел у себя Студийского устава, который от его водителя у нас — преп. Феодосия Печерского должен был иметь в его глазах такой великий авторитет. С наибольшей вероятностью это недоуменное обстоятельство должно быть объясняемо тем, что преп. Кирилл не имел в своих руках устава Студийского. Устав этот, весьма мало распространенный из Печерского монастыря по другим монастырям в действительности, весьма мало мог быть и списываем, и притом если и мог быть списываем то на юге — в Руси Киевской, а не на Севере — в Руси Владимирской — разумею период домонгольский; на Севере же он по всей вероятности был известен в самом ограниченном количестве списков в одном только Новгороде. А поэтому и очень возможно было, чтобы преп. Кирилл, очень хорошо зная о существовании устава, мог не иметь в руках его самого. Но могло быть впрочем и так, что преп. Кирилл знал Студийский устав патр.

Алексея, но не принимал его за тот Студийский устав, который ввел в своем монастыре преп. Феодосий Печерский. В летописи и в Несторовом житии преп. Феодосия говорится, что он — Феодосий приобрел устав Студийского монастыря, Студийских чернецов, и преп. Кирилл мог понимать это так, что преп. Феодосий приобрел устав именно самого Студийского монастыря; между тем в надписании Студийского устава патр. Алексея читается, что он «установлен убо не по писанию в монастыри Студийстем преподобным отцем нашим исповедником Феодором, бывшим в нем игуменом, предан же писанием от Альксия святаго и вселеныя патриарха в поставленном им монастыри во имя божествныя Матере»²⁵⁸. Преп. Иосиф Волоколамский, монастырь которого находился в Новгородской епархии и который был таким исключительно нарочитым изыскателем в области письменности вообще и в области письменности, относящейся к монастырским уставам в частности, как нужно думать и как есть прямые основания думать, знал Студийский устав патр. Алексея²⁵⁹. Но если не случилось с ним того же, чтобы он принимал этот устав за особый от действительного Студийского устава, который ввел преп. Феодосий в своем монастыре, то после преп. Кирилла Белозерского он не считал себя авторитетным на то, чтобы вводить у нас определенный греческий устав.

Не смотря на неведение преп. Кириллом Белозерским у нас определенного греческого устава строгого общежития, уставы этого общежития в наших монастырях, — предполагая, что последнее введено было не в тех только монастырях, о которых нам положительно известно, не были слишком разнообразны; это само собою понятно и само собою предполагается. Общежитие по своей сущности не есть нечто разнообразное, а есть нечто совершенно определенное одно: никто не должен иметь своего ничего собственного; все должны питаться в общей трапезе одной и той же пищей; все должны носить одну и ту же получаемую из монастырской казны одежду; все неупустительно должны участвовать в церковной молитве, — тут вовсе не могло быть никакого разнообразия в предписаниях. Могло быть разнообразие в предписаниях относительно качества и количества пищи, относительно количества и качества одежды, относительно внецерковного поведения монахов и относительно исполнения ими монастырских работ: но и тут более или менее объединяющим началом были возможная строгость и требовательность. Однако в действительности разнообразие со всею вероятностию должно быть представляемо и еще меньшим, нежели каким оно должно быть предполагаемо а priori, по самому существу дела. Из трех известных нам строго общежитных уставов, введенных после преп. Иосифа Волоколамского, два несомненно были более или менее точным воспроизведением его устава, именно — уставы Корнилия Комельского и Герасима Болдинского (ибо назначение тем или другим для управления монастырями 12 старших братий должно быть принимаемо как приложение к делу одного из пунктов или положений устава Иосифова). На этом основании очень ве-

роятно предполагать, что в большей части монастырей, в которых был введен строгообщежительный устав после преп. Иосифа, был принимаем его устав. Касательно времени до преп. Иосифа мы не имеем никаких положительных указаний, относящихся к нашему вопросу; но само по себе совершенно вероятно предполагать, что в продолжение этого времени в большей части монастырей был принимаем устав преп. Кирилла. Известные основатели монастырей, ревнуя по подобию преп. Кирилла о строгом и совершеннейшем, истинно-отеческом, монашестве, вводили в своих монастырях, по его примеру, строгое общежитие: не естественно ли было, чтобы если не все они, то большая часть их, устранившись от собственного законодательства в деле подражания, прямо заимствовали и устав Кириллов?

Сохранившиеся до настоящего времени уставы и грамоты наших основателей строгообщежительных монастырей (в подлинном виде или в чужой передаче, как устав преп. Кирилла Белозерского) требуют некоторых замечаний, которые мы и сделаем.

Заведенный преп. Кириллом Белозерским, по словам жизнеописателя, обычай, чтобы никто из его монахов не посылал писем без его ведома и помимо его рук может показаться обычаем иезуитским. Но это обычай вовсе не иезуитский, а напротив святоотеческий, ведущий свое начало от Пахомия и Василия Великих²⁶⁰. (У Евфросина — бани. Неприятие голоусых — Василий Великий у *Миня* т. 31, р. 952. Хмельное питье: Василий Великий дозволил вино, р. 877 §4).

Обращаемся к устройству управления в наших монастырях общежитных рассматриваемого нами времени²⁶¹.

До преп. Иосифа Волоколамского во всех этих монастырях, разумею, как строго общежитных, так и не строго общежитных, управление было одно и то же по характеру, хотя, смотря по величине монастырей, не с одним и тем же количеством чиновников. С преп. Иосифа Волоколамского, который сделал в организации или строе управления существенное и весьма важное дополнение, оно начало быть различным в новых строго общежитных монастырях, которые принимали устав Иосифа, от прежних строго и не строго общежитных монастырей, которые оставались с своими прежними уставами.

Мы сказали в I-м томе, что преп. Феодосий Печерский, вводя в своем монастыре общежитие, сократил штат чиновников существовавших в греческих общежитных монастырях, именно — что из трех, бывших там, классов этих чиновников, — заведывавших церквами и богослужением, имевших нравственно-дисциплинарный надзор над монахами и ведших монастырские хозяйства, он почти совсем исключил или не вводил у себя второй класс чиновников, имевших нравственно-дисциплинарный надзор, возложив обязанность этого последнего отчасти на игумена, отчасти на чиновников хозяйственных, и оставив из числа сих чиновников только одного чиновника

особого рода — будильника (2-й полов. стр. 577 sqq./690). Подобным образом и в рассматриваемое нами время при восстановлении общежития не было заведено у нас этих чиновников, или не было учреждено их должности, и только преп. Иосиф Волоколамский в своем уставе нарочитым образом организовал нравственно-дисциплинарный надзор²⁶².

Под игуменом-архимандритом чиновники церковные в греческих общежитных монастырях были: еkkлeсиарх с несколькими помощниками или подручниками, и domestiки хоров (1-го т. 2-я полов., стр. 578 fin./691). Эти же церковные чины были учреждены у нас и преп. Феодосием Печерским, с тем только сокращением, что подручниками еkkлeсиарха оставлены одни парамонари или пономари (ibid. 581/694). Эти же церковные чины с сокращением Феодосиевым находим в наших общежитных монастырях и в рассматриваемое нами время, но с тою, не относящеюся к существу дела переменою, против периода домонгольского, что они стали называться русскими именами: еkkлeсиарх — уставщиком, domestiки — головщиками²⁶³. Поелику еkkлeсиарх или уставщик, стоя на правом клиросе, мог вместе с тем быть и domestiком или головщиком его, то как в монастыре преп. Феодосия мы видим соединение этих должностей в одном лице (ibid. стр. 581/694), так это по всей вероятности наибольшею частию было и в наше время²⁶⁴.

О второстепенных должностях, какие были учреждены особо (Акт Ист. т. I, № 212), в монастырях греческих главными были — или эконоом и келарь или же эконоом и трапезарь (ibid. стр. 579 и след./691), при чем первый был заведующим всего монастырского хозяйства, а второй, — носил то или другое название, имел на своем попечении монастырскую трапезу в смысле приготовления материалов для ней и в смысле приготовления ее самой. Преп. Феодосий Печерский учредил у себя в монастыре эти же две хозяйственные должности, с наименованием чиновников эконоомом и келарем²⁶⁵. Но в рассматриваемое нами время с должностями произошла перемена: они учреждены были также две, но первое место после игумена занял келарь, который стал вместо эконоома главным заведующим монастырского хозяйства с сохранением за собою попрежнему и трапезы или который соединил в своем лице прежних эконоома и келаря, а вторым чиновником явился казначей, как закупщик всего нужного для монастыря и вместе с тем как продавец всего излишнего у монастыря, если монастырь имел излишнее, и всего нарочито производившего им для продажи, если это было так, и который в древнейших памятниках называется также купчиною и торговцем²⁶⁶. Каким образом и от чего произошла перемена, положительным образом сказать не можем, но со всею вероятностию думаем, что первоначально сочтено было достаточным учредить вместо двух домонгольских главных должностей эконоома и келаря одну должность келаря²⁶⁷, с различными ему подручниками, в том числе и с подручником, который назывался купчиною торговцем, казначеем и окончательно остался с последним названием, и что этот подруч-

ник по важности и ответственности его обязанностей, был потом возвышен или сам собою возвысился в чиновники главные, чтобы стать рядом с келарем. От чего чиновник, соединивший в себе двух прежних чиновников, эконома и келаря, получил название не эконома, который был важнее, а келаря, положительным образом опять сказать не можем, а предположительно думаем, что первоначально он на самом деле был более келарем, чем экономом, и что обязанности последнего в значительной степени взяты были на себя игуменами. Должность казначея есть собственно должность хранителя имения и денег; не совсем соответственным образом дано было его название, быв заимствовано от чиновников княжеских и архиерейских, монастырскому закупщику и продавцу, может быть, потому, что находили неприличным названия купчины и торговца, а может быть по тому частному соответствию между ними и действительными казначеями, что на его обязанности лежало снабжение братии одеждой и что он таким образом был хранителем запасов этого имения — одежд²⁶⁸.

Для ведения монастырского стола и для заведывания монастырским хозяйством келарю потребны были многие подручные отчасти служебники, отчасти и чиновники²⁶⁹. Таковые были: трапезники (собиравшие для монахов столы и подававшие кушанье на столы), хлебники, поваренные, квасники, чашники (заведывавшие вином и наливавшие монахам чаши вина), для заведывания вотчинами и фермами посельские старцы, ключники и прикащики. Точным образом перечислить всех этих чиновников, так чтобы представить совершенно полный бывавший их штат мы не имеем возможности, потому что у нас нет современных подобного рода перечислений²⁷⁰. Казначею для хранения и выдачи братской одежды нужны были подручные чиновники — рухлядные монахи; что же касается до приготовления одежды, то, как кажется, она была приготавливаема самими монахами только до тех пор, пока не было у монастырей слуг, из числа которых могли бы быть обучены специальные приготовители одежды и что после сего она обыкновенно была приготавливаема этими последними. Келарь и казначей имели помощников, из которых помощник первого назывался подкеларником, а помощник второго меньшим казначеем (Иосиф Волоколамский).

Полные штаты чиновников главных с возможно многочисленными штатами чиновников подручных имели монастыри большие, благоустроенные и богатые. Монастыри не особенно большие должны были иметь неполные штаты первых и не многочисленные штаты вторых, а монастыри совсем малые, имея те же неполные штаты первых, вероятно совсем не имели вторых. Если в не особенно многочисленном или совсем малочисленном братстве монастыря мог найтись и всего один человек, способный быть уставщиком, головщиком и канонархом, то, конечно, один этот человек и совмещал в себе все три должности; а если только один он мог петь и читать, — что в монастырях небольших весьма могло случаться, то он вместе с тем совмещал

в себе и клирошан, представляя собою при всем этом совмещении единственного монастырского дьяка или дьячка. Если ризница монастыря была так не велика, что вся увешивалась на пяти-шести гвоздях, а библиотека так не велика, что умещалась на целой или нецелой полке, то, конечно, не было особых ризничего и библиотекаря, и ризы находились в заведывании иеромонах, а книги — дьячка. Грамота митр. Макария Новгородскому Духовскому монастырю об общежитии дает знать, что и от малых монастырей было желасемо, чтобы были в них отдельные келарь и казначей (выше стр. 230-231); но по всей вероятности на деле обе эти должности были соединяемы в малых монастырях очень нередко, а иногда и так, что не было и келаря, а один игумен. При малочисленности братии в монастыре требовалось и малое количество служебников, а следовательно не требовалось над ними и особых надзирателей. Если был и всего один трапезарь, один хлебник, один поваренный, то, конечно, не ставилось над ними еще по надзирателю, а над всеми ими надзирал один и тот же келарь. Если не было у монастыря угодий, то не было и надзирателей. Если мало было вотчин, то не было и помещичьих и ключников.

(Далее Иосиф Волколамский организовал нравственный надзор).

Что касается до избрания в монастырях общежитных главных чиновников со включением и самого игумена и до их власти, поколику они имели власть, то в сем отношении иное было монастыри ктиторские и иное монастыри самостоятельные.

В монастырях ктиторских право избрания игуменов, а следовательно и прочих чиновников, и право надзора над игуменами и прочими чиновниками принадлежало их ктиторах. Как было у нас на самом деле, положительных сведений имеем до чрезвычайности мало. Из одной грамоты, относящейся к половине XV века, знаем, что ктиторы предоставляли свои монастыри с находящимися в них монахами в полную волю избранных ими игуменов, но обязывали последних дать отчет монахам в том случае, если бы пошли прочь из монастырей, т.е. оставили игуменство в них²⁷¹. Обладая слишком ничтожными положительными сведениями, мы можем указать только случаи, какие могли иметь место; эти возможные случаи суть: ктиторы пользовались своим правом избрания игуменов и прочих чиновников и своим правом надзора над одними и над другими; ктиторы избирали игуменов и затем предоставляли им монастыри в полную власть; ктиторы предоставляли избрание игуменов самим монахам и ставили их в их деятельности под больший или меньший контроль последних. При этом указании возможных случаев не должно забывать, что ктиторских монастырей, в которых существовало общежитие, по всей вероятности, было очень немного. Под ктиторскими монастырями должно разуметь и монастыри домовые архиерейские и приписные к другим монастырям. Архиереи (митрополиты) несколько не заботились о введении общежития в своих монастырях (NB было

уже?): Горчакова О земельных владениях митрополитов, приложж. стр. 6 sqq. Как монастыри? (В монастырях княжеских игумены по рекомендации дворянских: злоупотребления).

В монастырях общежитных самостоятельных, каковыми были все эти монастыри, основанные не мирянами, а самими монахами (так как монахи основатели или ктитория оставляли самим монастырям свое право ктитория), и каковыми могли быть те из этих монастырей, основанных мирянами, строители или ктитория {которых} отказывались бы от своих ктитория прав, право избрания игуменов принадлежало самим братским общинам монастырей. Относительно того, как братские общины должны были избирать игуменов, — полными ли соборами всех братий или же только некоторым числом их представителей, положительный закон о выборах игуменов импер. Юстиниана говорит неопределенно, предписывая избирать или всем монахам или тем, которые пользуются лучшей славой (имеют лучшую репутацию: *ραϑντεjoiϑ monaxoiϑ h̄oiϑ kallionoj uϑpolhϑyewj oϑentej eϑpileϑcontai*²⁷²), а отцы, начиная с Василия Великого, высказываются за то, чтобы выбирать не всем братиям, а только старейшим и преимущим между ними возрастом же и разумом, при чем это старейшинство — преимуществование или не определяют точнейшим образом или же ограничивают его монахами, составляющими монастырское начальство, — главными чиновниками, о которых сказали мы выше, и еще соборными старцами, о которых мы скажем сейчас ниже²⁷³. У нас в продолжение рассматриваемого нами времени право избрания игуменов в общежитные самостоятельные монастыри сначала и не особенно долго принадлежало именно самим монастырям, а потом более или менее начали присвоить его себе государи. Как избираемы были у нас игумены в самых монастырях их братствами, — целыми ли соборами последних или же только малыми соборами их лиц начальственных, не имеем положительных сведений. А что касается до предположений, то представляется вероятным думать, что преобладающим и решительно господствующим обычаем было второе: отцы, склоняясь к избранию игуменов малыми соборами монахов старейших и преимуществующих возрастом и разумом, имеют в виду ту благую цель, чтобы отстраняя толпу монахов с могущими быть у нее неразумными и непохвальными пристрастиями и с ее способностью быть увлекаемою и привлекаемою на свою сторону людьми недостойными²⁷⁴, но и человеческая страсть властолюбия лиц начальственных должна была побуждать их к тому, чтобы они присвоили себе избрание игуменов как свое исключительное право и свое исключительное дело. В монастырях малых, где начальственных лиц было так немного, что они не составляли из себя почти никаких соборов, вероятно, принимали в избрании игуменов большее или меньшее участие и все монахи. Государи начали ограничивать право монастырей нашего класса избирать себе игуменов таким образом, что сами начали ставить игуменов в знатнейшие из них.

Свое право государи, вероятно, основывали на том, что они были до более или менее значительной степени благотворителями монастырей и следовательно как бы их ктиторами, а отчасти, вероятно, просто на том, что они были государи и что если уже давно принадлежало им, т.е. было присвоено ими, право избрания епископов, то тем более должно было принадлежать право избрания игуменов. Побуждений, которыми руководствовались государи при этом присвоении себе права ставить игуменов в знатнейшие монастыри, может быть предполагаемо три: во-первых, в лучшие монастыри они желали ставить игуменами лица достойнейшие; во-вторых, людей, известных им между монахами за достойнейших, они хотели награждать местами игуменов в лучших монастырях, и в-третьих — побуждаемые вообще своим властолюбием, они желали возможно более расширить свою власть в области церкви. Назначение государями игуменов в наши монастыри началось не позднее, как со времени Василия Васильевича Темного (Мартиниан к Троице), вошло в большой обычай при его сыне Иване Васильевиче III и еще в гораздо больший при его внуке Василии Ивановиче и наконец стало делом обычным при его правнучке Иване Васильевиче IV²⁷⁵. Не могло быть требуемо государями, чтобы это право назначения игуменов было формальным образом признано за ними со стороны церкви, ибо это было право незаконное. Но они законным образом могли требовать, чтобы им предоставлено было право контроля относительно назначения игуменов, чтобы последние были избираемы с их ведома и одобрения, и Стоглавый собор постановил, чтобы в «честные» т.е. в знатнейшие монастыри игумены были избираемы не иначе, как {с} этих ведома и одобрения.

Известные нам предписания монастырских уставов греческих относительно избрания прочих главных после игумена чиновников суть: во-первых, предписание преп. Феодора Студита, который предоставляет назначение этих чиновников игумену, но по совету с преимуществующими братьями (I-го т. 2-я полов., стр. 683/789, § 22); во-вторых, предписание патр. Алексея, который предоставляет назначать всецело одному игумену (*ibid.* стр. 586/699). У нас в России в рассматриваемое нами время, на основании ли других древних, неизвестных нам, уставов греческих или на основании примера современных монастырей греческих, даются относительно некоторых из чиновников другие предписания, а именно проходятся молчанием чиновники церковные, а относительно чиновников хозяйственных, в заведывании которых находились монастырское имущество и монастырская казна, — келарь и казначей были выбираемы игуменом или со всей братией или с собором братии начальствующей: первое, как мы видели, предписывает неизвестный митрополит в грамоте неизвестному монастырю, второе — митр. Макарий в грамоте Духовскому монастырю. В грамоте неизвестного митрополита предписывается избирать игумену вместе с братией не только келаря и казначея, но и всякого подручного чиновника по хозяйствен-

ной части; предписание читается: «а кого будет таковского (достойного) брата избрати монастырский приход ведати и церковное строение, и келаря и купчину устроить, или котораго брата на монастырскую службу куда послати: и то все архимандрит избирает и поставляет на всяку вещь с веданием и любовью всей братии, строить и уставляеть, кого братья изберуть, а по его (игумена) благословению». Но как было у нас с избранием келаря и казначея и вообще чиновников хозяйственных на самом деле, опять ничего не можем сказать положительного. В области предположений здесь вероятнее предполагать не то, чтобы они большею частию избираемы были единолично игуменами, а то, что они большею частию избираемы были начальственными соборами братии и что только игуменам исключительно способным к тому, чтобы захватывать всю власть в свои руки, удавалось достигать возможности делать первое. Молчание обоих митрополитов о чиновниках церковных если не должно быть понимаемо так, что избирать их формальным образом предоставлялось единолично игумену, то во всяком случае должно быть понимаемо так, что оставлялось на его волю — избирать ли их единолично или вместе с братией.

Относительно власти, которая предоставляется древними греческими уставами игуменам монастырей, наши сведения ограничиваются тремя уставами — теми же уставами преп. Феодора Студита и патр. Алексея и еще уставом преп. Афанасия Афонского. Преп. Феодор Студит заповедует игумену ничего не делать и не предпринимать по собственному хотению, но советоваться с преимуществующими братьями, — иногда немногими, иногда многими, смотря по важности дела (1-го т. 2-я полов., стр. 683/790, §24); преп. Афанасий Афонский и патр. Алексей предоставляют игумену «всякую власть и господство во всех делах», нисколько не вменяя ему в обязанность советоваться с кемнибудь из братии, иначе сказать — предоставляют ему власть совершенно неограниченную²⁷⁶. У нас в рассматриваемое нами время предписывалось и на самом деле было не то, что предписывается в позднейших из трех уставов греческих — Афанасиевом и Алексеевом, а то, что предписывается в древнейшем — преп. Феодора Студита. Неизвестный митрополит в грамоте неизвестному монастырю завещевает, чтобы архимандрит монастыря ведал всякий приход монастырский, а также и другие дела, как напр. прием в монастырь приходящих монахов, по слову и по совету со всею своею братиею. Митр. Макарий в грамоте Духовскому монастырю повелевает, чтобы игумен держал в монастыре келаря и казначея «с собора», т.е. избранных соборно, да братьев трех или четырех соборных, и чтобы со всеми ими он вел все дело управления монастырского. Преп. Иосиф Волоколамский, как мы говорили выше, назначил быть в своем монастыре 12-ти соборным старцам. Главное назначение этих старцев имело состоять в том, чтобы они разделяли с игуменом труд нравственно-дисциплинарного надзора над монахами. Но вместе с тем, они же предназначались быть помощ-

никами игумена и келаря с казначеем и во всем деле управления монастырем составлять совет при игумене и келаре с казначеем. Об этом последнем преп. Иосиф пишет: «Егда будет настоятель в обители, тогда вся братия о всех духовных делах и о внешних делах да приходят прежде к настоятелю, потом же к келарю да к казначею; келарь же да казначей с игуменом советуют, и аще будет дело обычно, и они три то дело управят со служебники их, под ними сущими, аще ли будет дела, требующи иних совета, настоятель же призывает келаря и казначея и съборную братию и о всем советуют и глаголют и вся дела монастырская управливают вси купно; аще ли не будет во обители настоятеля, тогда вся братия о духовных делах приходят к священнику, к нему же повелят келарь и казначей и соборная братия, о внешних же делах да приходят вси к келарю и к казначею, и аще будет дело обычное, и келарь и казначей с служебники, иже под ними сущими, то дело управят, аще ли будет дело, требующи совета соборных братий, келарь же призывает к себе в келию казначея и всю соборную братию и о всем советуют и глаголют и вся дела монастырская купно управляют»²⁷⁷. До какой степени на деле монахи общежитных монастырей ограничивали у нас власть игуменов целыми своими братствами или через коллегии соборных старцев, положительным образом хотя знаем и не совсем ничего, однакоже и весьма немного. Положительно знаем мы, что учредил коллегия 12-ти соборных старцев преп. Иосиф Волоколамский в своем монастыре и что таже коллегия была учреждена в пяти строго общежитных монастырях, которые были основаны после него (Иосифа) и в которых был принят его устав, — и только. Впрочем, что касается до области положительным образом неизвестного, то мы имеем здесь положительные данные для заключений, и именно — данные, которые заставляют предполагать, что если коллегии соборных старцев и не были решительно и непременно во всех наших общежитных монастырях, то во всяком случае были в преобладающем большинстве их, так чтобы составлять в них явление более или менее обычное. Стоглавый собор несомненно был за эти коллегии и если бы они были только в немногих монастырях, то он должен бы был сделать предписание об их учреждении; между тем, не делая этого предписания, он говорит о них так, что предполагает и заставляет предполагать их существующими²⁷⁸. Что касается до постановлений самого Стоглавого собора относительно власти игуменов в наших монастырях, то он предписывает, чтобы «игумены ни в котором монастыре без соборных старцев и без келаря и казначея ничем не властвовались»²⁷⁹.

Всех чиновников монастырей особножитных представляли собою единолично и единственно их игумены. В монастырях этих не могло быть никаких чиновников хозяйственных, потому что монахи их не имели общего для всех хозяйства, а каждый имел хозяйство свое собственное и особое. Могли бы быть в этих монастырях чиновники церковные: если бы какой-нибудь игумен нашего монастыря набрал к себе столько монахов, умеющих

петь, что из них составились бы хоры правый и левый, то могли бы быть избираемы уставщик и головщики. Но кроме того, что ни в одном особножитном монастыре никогда не бывало всех вообще монахов столько, чтобы из них составлялись хоры, — отстраняя вопрос о способности, разумею одно число, этого не могло быть помимо воли игуменов: певцам-чтецам в особножитных монастырях назначена была известная часть монастырских доходов, которые они должны были делить между собою по долям; следовательно, чтобы получить дохода возможно более, они должны были требовать от игуменов, чтобы их было в монастырях возможно менее. А поелику в действительности, как говорили мы выше, игумены наших монастырей по всей вероятности тратили на певцов-чтецов и не всю ту часть монастырских доходов, какая была на них назначена, а какую сами хотели, то и собственная воля игуменов²⁸⁰ должна была состоять в том, чтобы держать певцов-чтецов петь по столько, сколько нужно было, чтобы в церквах монастырских совершалось пение служб, т.е. по два, по одному.

Игумены особножитных монастырей ктиторских, построенных мирянами (князьями, боярами и мирскими общинами), если только ктитория не отказывались от своих прав на них и не бросали их на произвол судьбы, были избираемы этими ктиториями. Но кем избираемы были игумены особножитных монастырей самостоятельных, основанных монахами, или ктиторских, но становившихся самостоятельными чрез отказ от них ктитория, это, как говорили мы, составляет вопрос. Монахи, основывавшие монастыри общежитные, оставляли свое ктиторское право избирать игуменов общинам последних, так как собственниками этих монастырей после смерти их основателей-монахов оставались их общины. Но право собственности на монастыри особножитные переходило после их основателей не на их общины, которых, как собирательных единиц, коллективно владеющих, в них не было, а на их игуменов, которые становились их единоличными собственниками, только с ограниченным правом пользования собственностью, а именно с обязанностью употреблять половину дохода от монастырей на поддержание служб в их церквах и содержание в них монахов. Таким образом, рождается вопрос: частным ли собственникам наших монастырей, их игуменам принадлежало право избрания игуменов, т.е. игуменам право избрания преемников себе, или же оно принадлежало другому и именно епархиальной власти местных епископов, которых одних с их властью можно разуметь под другими. Положительных указаний относительно этого вопроса, к сожалению, нам до сих пор не приходилось встречать, а что касается до вероятности, то думаем, что то и другое и что в конце концов второе. Если допускалось существование монастырей, которые составляли как бы частную монашескую собственность, то нет ничего невероятного и в том, чтобы допускалась как бы монашеская наследственность, т.е. признавалось за игуменами право назначать себе преемников. Но с другой стороны трудно допустить и то, чтобы

епископы слишком преклонялись перед этим монашеским правом и считали его слишком для себя обязательным. А таким образом, представляется вероятным думать, что игумены имели право назначать себе преемников, но что это назначение имело для епископов обязательность не большую простой рекомендации, — что хотели утверждать избранных преемников, — утверждали, а не хотели утверждать, — не утверждали, и что в конце концов назначения игуменов в наши монастыри принадлежало им — епископам.

В отношении к особножитным монастырям речь должна быть не только об их чиновниках, каковыми были в них единственно игумены, но и об рядовом населении²⁸¹. По своему рядовому населению особножитные монастыри не были монастырями в собственном смысле, а на половину монастырями, на половину приходскими церквами. Священниками и причетниками в особножитных монастырях, совершавшими в них церковную службу, обыкновенно были не иеромонахи и не монахи из числа самых их братств, а мирские женатые священники и причетники, призванные игуменами, и занимавшие места при наших монастырях совершенно так же, [как] при настоящих приходских церквах²⁸². Так это было для того, чтобы наши монастыри могли иметь прихожан, у которых мирские священники могли бы совершать требы, каковых прихожан наши монастыри действительно и имели²⁸³. Не совсем понятно для нас, что не допускалось, чтобы прихожанам монастырей совершали требы иеромонахи, тогда как весьма обычно было, чтобы священниками у настоящих приходских церквей были те же иеромонахи; но вероятно, дело должно понимать так, что первый порядок успела водворить и успевала поддерживать церковная власть, и что второго беспорядка она не в состоянии была ни предотвратить ни искоренить. Относительно того, что допускалось, чтобы при особножитных монастырях были приходы, то, вероятно думать, что это пошло с древнейшего времени, когда к монастырям могли быть приписываемы приходы или когда им дозволялось служить вместо приходских церквей по нужде, т.е. по причине недостатка настоящих приходских церквей²⁸⁴.

Полный состав населения особножитных монастырей составляли: игумен, мирской священник или в случае церковной доходности монастыря мирские священники с мирскими причетниками и несколько монахов. Но не редко бывало так, что монастыри эти не имели игуменов, а только священников и монахов, и так, что они не имели ни игуменов ни священников, а только одних монахов. Между особножитными монастырями было очень много монастырей бедных: если умирал или покидал свое место игумен бедного монастыря, а новых охотников занять место не находилось, то монастырь и оставался без игумена, с одними священниками и монахами; а если в след за игуменом умирал или оставлял место и священник и нового охотника занять его место также не находилось, то он оставался и без священника с одними монахами. Бывало еще и так, что в монастыре не было монахов, а был только игумен со священником, или же один который ни будь

из этих двоих. Монахов могло не быть в монастыре или потому, что они не хотели жить в нем за невозможностию питаться в нем или потому, что их не хотел принимать игумен, желая пользоваться сам той частью угодий, принадлежавших монастырю, которую бы должно было отдать им — монахам и который один без монахов находил возможным питаться как фермер. Не принимая к себе монахов, игумен мог держать у себя священника, чтобы получать через него доходы от церкви монастыря. При церкви монастыря не имевшего ни игумена ни монахов мог жить священник, чтобы питаться, если это находил возможным, от пения в ней.

Какие правила были наблюдаемы у нас в рассматриваемое нами время относительно пострижения в монашество, сказать об этом можем немногое.

Преп. Евфросин Псковский требует в своем уставе, чтобы не были постригаемы в монахи не только дети, каковых дозволялось правилами каноническими постригать с 10-летнего возраста (Трулльск. соб. пр. 40), а даже и юноши голоусые, т.е. у которых еще не выросло усов. Но должно думать, что это было требование исключительное, и если принадлежало у нас не одному только Евфросину, то во всяком случае очень немногим²⁸⁵: жития святых представляют многочисленные свидетельства, что у нас были постригаемы и дети и голоусые юноши. Однако должно думать, что последние были постригаемы только в монастырях общежитных, но не особножитных: в монастырях особножитных каждый монах имел свое собственное хозяйство; а следовательно — и могли быть постригаемы в них лишь юноши уже настолько взрослые, чтобы в состоянии были вести свое собственное хозяйство и жить в своих кельях своими особыми домами²⁸⁶.

Правила канонические требуют, чтобы ищущие пострижения в монашество были подвергаемы трехлетнему испытанию (т.е. в продолжение трех лет оставались в так называемых послушниках, — I-го т. 2-я полов., стр. 558 fin./669). Это требование канонических правил, наблюдавшееся преп. Феодосием Печерским (неизвестно впрочем до какой строгой степени, — *ibid.* стр. 561/672), заявляется преп. Евфросином Псковским в его уставе. Но должно думать, что в рассматриваемое нами время требование или совсем у нас не было соблюдаемо или было соблюдаемо весьма мало: по крайней мере жития святых, сколько мы знаем, нигде не указывают на то, чтобы оно было соблюдаемо.

Мужу от жены, а жене от мужа у нас дозволялось постригаться, согласно с определением Василия Великого (I-го т. 2-я полов., стр. 559/669), только в том случае, если давала на это свое согласие сторона остававшаяся в миру (давала ножницы стороне постригавшейся). Но свидетельства говорят, что это предписание у нас более или менее нарушалось посредством тайного пострижения игуменами мужей, уходивших от жен или жен, уходивших от мужей²⁸⁷.

Греческий гражданский закон, чтобы раба не постригать в монахи без ведома и согласия его господина, оставался в своей силе и у нас в России в рассматриваемое нами время.

Мы сказали в I-м томе, что степеней монашества собственно одна, но что в позднейшее время оно разделено было на две степени — малый образ и великую схиму (2-й полов. стр. 559 fin./670). Это разделение произведено было не с тем, чтобы некоторые монахи могли ограничиваться только низшей степенью, ибо низшая степень собственно представляет собою монашество неполное и ненастоящее, а люди стригутся в монахи, конечно, для монашества полного и настоящего. Но после того, как явилось разделение, у монахов начало входить в обычай все далее и далее откладывать принятие монашества полного или пострижение в великую схиму и наконец отодвинут был этот срок до того возможно далекого предела, далее которого не мог быть отодвинут, — до смертного часа, так чтобы только на тот свет человек мог явиться в одеянии полного монаха. Преп. Феодосий Печерский спешил постригать своих монахов в великую схиму, как только видел, что они достигли в монашестве достаточного совершенства; в XII веке начали у нас склоняться к тому, чтобы принимать великую схиму под старость (*ibid.* стр. 562/672), а в рассматриваемое время у нас дошли именно до того предела, который мы указали, начали считать за обязательное возлагать на себя великую схиму не ранее, как только в час смертный²⁸⁸.

В период домонгольский перешел к нам из Греции обычай, чтобы миряне постригались в монахи или возлагали на себя монашеское одеяние в этот же роковой для людей час смертный (I-го т. 2-я полов. стр. 555 fin./665). Обычай оставался и в рассматриваемое нами время; однако к удивлению, может быть, иных никак нельзя сказать о нем, чтобы по мере течения времени он все более и более у нас усиливался²⁸⁹.

В период домонгольский перешел к нам из Греции другой обычай — употреблять насильственное пострижение в монашество как средство предавать людей политической смерти и вообще избавлять себя от них, при чем насилие являлось в двух видах, как насилие в точном смысле, когда государи приказывали постригать кого-нибудь, и нравственное, когда мужья жестоким обращением вынуждали своих жен принимать пострижение. Второй вид насилия оставался у нас и в рассматриваемое нами время, и что касается до второго из них, то по условиям нашей жизни, на которые мы указывали в I-го т. (2-я полов. стр. 554 fin.) по мере течения времени все более и более распространялось у нас и весьма вероятно — уже к половине XVI века, где мы останавливаемся в нашем обозрении, достиг той степени очень сильной распространенности, о которой говорят известия XVII века. Что же касается до первого вида насилия, то не знаем его примеров до Ивана III (Иван Патрикеевых и Василий Соломонию)²⁹⁰.

(Окончание в следующем номере журнала)

Примечания

¹ Мы насчитали этих монастырей 68 (1-го тома 2-я полов., стр. 465/566). Остальные 17-22 прикидываем на остающиеся неизвестными нам и на пропущенные нами (Монастырей, построенных Андреем Юрьевичем Боголюбским известно нам три (ib. стр. 639/760); между тем летописи заставляют усвоить ему их большее число, когда говорят, что он создал «монастыри многи», — Лаврент. стр. 349 нач., Ипатск. стр. 396. В минуту нашествия Монголов были, по летописям, монастыри, — неизвестно, собственные или несобственные, в Рязани и Москве, — Лаврент. стр. 438 нач. И Академич. стр. 488. Из монастырей, пропущенных нами, можем указать (кроме тех, которые указаны в дополнениях и поправках, — стр. 788/924): Ольгов Рязанский, Суздальский Ризположенский, основанный, как утверждают, в 1207 г., — Ист. Иер. V, 671, и два области Новгородской, — Ксенофонов Робейский, находившийся в 25 верстах от Новгорода, на р. Робейке, и Косин, или Косинский, находившийся в 3 верстах от Старой Руссы, оба основанные, как тоже утверждается далеко не с полной достоверностью, учениками преп. Варлаама Хутынского, — первый Ксенофонтом, второй — Константином и Козьмой, — *ibid.* IV, 786 и 878.

² Монастырей, основанных до половины XIV века, положительным образом известно нам 32; остальное число 8-13 прикидываем на монастыри, которые становятся нам известными после половины XIV века, но которые могли быть основаны прежде нее.

³ В продолжение нашего столетия во Владимире, т.-е. именно в самом городе (где бы строили великие князья свои монастыри, если бы хотели) вообще не было построено ни одного монастыря.

⁴ Никольский (находившийся в самом городе, в Неревском конце) — в 1313 г. Давидом; Десятинский в 1327 г. и Деревяницкий в 1335 г. — Моисеем (этот архиепископ Моисей, занимавший кафедру с 1325 по 1330 г. и потом во второй раз с 1352 по 1359 г., кроме наших двух монастырей построил после 1350 г., который мы взяли пределом, еще пять монастырей).

⁵ Щилов или Шилов — монахом Олонием в 1310 г., Валаамский — препп. Сергием и Германом после 1329 г.

⁶ Колмовский — архимандритом Юрьева монастыря Кириллом в 1310 г.

⁷ Ковалевский, упом. под 1345 г.

⁸ Иоанно-Предтечев, женский, находящийся в подгородном селении Псков Завеличье, — до 1243 г. княгиню Евпраксию, супругою князя Ярослава Владимировича (до нашествия Монголов в 1198-99 гг. князь построил в Новгороде Спасонереидицкий монастырь, а княгиня — Михалицкий Млотковский, — I т. 2-я полов., стр. 271 fin. и 633 нач./стр. 314 fin. и 753).

⁹ Снято(-тно)/горский, упоминаемый под 1265 г.

¹⁰ Константино-Еленинский или Царево-Константиновский, упоминаемый под 1276 г.

¹¹ Михаило-архангельский, упоминаемый под 1269 г.

¹² Александровский, женский, относимый к 1240 г.

¹³ Софийский женский, построенный после 1319 г.

¹⁴ Отрочь, построенный одним из придворных первого удельного князя Ярославича, по имени Григорием, около 1265 г., и Богородичный на реке Шоше, построенный выехавшим в Тверь литовским княжичем [сыном князя Герденя], в монашестве Андреем, до 1289 г., когда поставлен был в епископы Тверские.

¹⁵ Архангельский, упоминаемый под 1320 г.

¹⁶ Горицкий, упоминаемый к концу первой половины XIV века.

¹⁷ Печерский, построенный монахом Дионисием, после епископом Суздальским, около 1330 г.

¹⁸ Данилов и Богоявленский.

¹⁹ Спасский дворцовый или придворный. В области Московской упоминается за наше столетие монастырь Хотьков Покровский; но это был монастырь несобственный, см. о нем ниже.

²⁰ Спасский, построенный до 1271 г., в котором княгиня скончалась.

²¹ Толгский, построенный, как принимается, епископом Прохором в 1314 г.

²² Троицкий Устьшехонский в 1251 г. и Спасокаменский на Кубенском озере в 1260 г.

²³ Борисоглебский на Ушне, упоминаемый под 1345 г.

²⁴ [О преп. Феодосии Тотемском см. в «Истории канонизации святых в Русской церкви», 2 изд., Москва, 1903 г., стр. 186-190 и 564].

²⁵ См. у *Жмакина* в исследовании о митр. Данииле, приложж. стр. 94.

²⁶ (У Греков монахи и монахини жили в одних кельях и первые не могли жить без последних, — см. в статье о Вриеннии в Православном обозрении 1879 г., кн. 2, стр. 111. В Малороссии женские монастыри при мужских: при Печерском, при Михайловском. Монастыри мужскоженские, — *Неволин*, стр. 171. Необходимость при мужскоженских монастырях воспитательного дома. Анекдот об импер. Николае I, — *Русская Старина* 1879 г., Сентябрь, Смесь, стр. 121). [О соборе 1503 г. см. в первой половине сего тома стр. 612-613, 620].

²⁷ *Макар*. VII, 61 sqq (В Абиссинии совершенно так, как требуют древние уставы, женщины не пускаются в монастыри, — см. в Душеполез. Чтении 1900 г. Апреля, *архим. Ефрема*, стр. 178. Вообще строгое подвижничество).

²⁸ Ист. Иер. III, 300.

²⁹ *Ibid.* VI, 414.

³⁰ Гл. 5, вопр. 18, Казанск. изд. стр. 63, и гл. 85, стр. 372.

³¹ Ркп. библиот. Моск. дух. Акад., бывшая Волоколамск., № 582, л. 29 нач.

³² Вероятно и еще есть свидетельства, только нам неизвестны; можно предполагать их в монашеских чинах исповеди, «в поновлениях».

³³ [О нем см. в книге *Е.Е. Голубинского* о преп. Сергии Радонежском. стрр. 76-77].

³⁴ Епифаниево житие преп. Сергия, издание Троиц. лавры 1853 года, л. 230 об. sqq [по изданию *архим. Леонида* стр. 122].

³⁵ *Павлова* [Памятники канонич. права № 128], coll. 887-888 (О неравномерном распределении доходов в монастырях Евфимия ученика Епифания Славинецкого, — Описание Синод. ркпп. № 260, стр. 248. Игуменский жеребей поля при Киприане, — Акт. Эксп. т. I, № 11, стр. 7 (что в I томе о Мегаспилете).

³⁶ (В монастырях общинножитных черные наемные попы, — Акт. Истор. т. I, № 236, стр. 451 sqq. В иеромонахи ставились только монахи, выдержавшие экзамен. Их и должны были нанимать монастыри, если не имели своих, способных выдержать экзамен, а они разьежали по монастырям нанимаясь?).

³⁷ У *Павл.* *ibidd.*

³⁸ *Ibid.*

³⁹ У *Павлова* в Секуляризации, у *Ключевского?* (Соседние жители неблагоклонно смотрели на монастыри: Антоний Сийский, Стефан Махрищенский, Дмитрий Прилуцкий, Герасим Болдинский, Даниил Переяславский).

⁴⁰ Казанск. изд. стрр. 63 и 372.

⁴¹ [См. выше стр. 390 № 3, стр. 391 №№ 6-8, 11 и 13, стр. 392 № 17, 24 и 25, стр. 393 №№ после № 28, 29 и 38, стр. 393 № 45, стр. 395 в Троицком монастыре и посаде и № 3, стр. 396 №№ 23 и 29, стр. 397 №№ 49 и 64, стр. 398 №№ 68, 69, 71, 80 и 89, стр. 399 № 24, стр. 400 №№ 33, 34 и в Кирилло-Белозерском монастыре и стр. 401].

⁴² Описание острова см. у *Озерецковского* в Путешествии по озерам Ладожскому и Онежскому, стр. 63 sqq.

⁴³ Запись эту, читаемую или читавшуюся в одной рукописи Кормчей Новгородской Софийской библиотеки, см. в Ист. Иер. III, 484, а повторяемую или повторявшуюся в одном свитке той же библиотеки в таком виде: «6837 старец Сергей пришел на Валаамов остров», см. у *Восток*. в Опис. Румянц. Муз., стр. 43 нач.

⁴⁴ Показание читается в грамоте к монахам Новгородского митрополита от 1592 г., — Акт. Ист. т. I, № 236, стр. 451 col.2.

⁴⁵ Об обнищании и оскудении Кирилла жизнеописатель преп. Сергия Епифаний говорит, что он был доведен до них «частыми хоженми еже со князем во Орду, частыми ратьми татарскими еже на Русь, частыми послы татарскими, частыми, тяжкими, данми и выходы, еже во Орду, частыми глады хлебными, надо всеми же сими и паче, егда бысть рать татарская, глаголемая Федорчукова Туралыкова» (о последней рати см. Никон. лет. III, 138, также Воскрес. лет. в Собр. летг. VII, 200 fin.), — Лаврское издание иллюстрированного жития преп. Сергия л. 49 об. [по изданию *архим. Леонида* стр. 33].

⁴⁶ «Не зело близ града Ростова», — Епифаний *ibid.* л. 49 нач. [по изд. *архим. Леонида* стр. 32]. Следовательно, предание, будто Варницкий монастырь, находящийся всего в трех

верстах от Ростова, поставлен (не позднее начала XVI в.) на том месте, где была усадьба или усадьбица родителей преп. Сергия, не может быть признано за особенно достоверное.

⁴⁷ В хронологических показаниях Епифания о преп. Сергии находим противоречие. С одной стороны он говорит, что преп. Сергей скончался, будучи 78 лет, 25 Сентября 1391 г., — л. 279 [изд. архим. Леонида стр. 142], из чего выходило бы, что он родился в 1313 г.; а с другой стороны говорит, что он родился при великом князе Дмитрие Михайловиче (Тверском), который сидел на великокняжеском престоле с 1322 г. по 1326 г., и «егда (бысть) рать Ахмулова», имевшая место в 1322 г. (Никон. лет. III, 127), — л. 36 [-стр. 22]. Так как нельзя сомневаться в верности показания относительно года смерти, которое подтверждается летописями и другими записями, см. у *Ключевск.* в Житиях святых, стр. 104 и прим., так как очень трудно сомневаться в этих прямых указаниях на великокняжение Дмитрия Михайловича и рать Ахмулову или Ахмылову и так как при допущении, что преп. Сергей родился в 1313 г., мы впали бы в другие несообразности (родители преп. Сергия переселились из Ростовской области в Радонеж, после того как овладел первою великий князь Иван Данилович Калита, когда ему — Сергию было не более 12-ти лет, — л. 46 [-стр. 30]), но если бы принимать, что он родился в 1313 г., то выходило бы, что Иван Данилович овладел Ростовом прежде, чем стал великим князем: то единственным вероятным выходом из противоречия представляется допустить, что у Епифания показываются 78 лет жизни преп. Сергия ошибочно (по его собственной ошибке или позднейших писцов) вместо 68-ми. Правда, он говорит, что преп. Сергей достиг глубокой старости, — л. 276 [стр. 140]: но и 68 лет могут быть названы глубокою старостию. — Епифаний рассказывает, что еще пребывание Сергия во чреве матери ознаменовалось чудесным свидетельством о нем свыше. Когда беременная им мать находилась однажды в церкви за литургией, то он три раза (показуя будущего служителя Св. Троицы) прокричал в ее чреве так громко, что слышали и приведены были в великое изумление все присутствовавшие в церкви.

⁴⁸ За время младенчества и за время отрочества Варфоломея Епифаний рассказывает о нескольких знаменаниях и чудесах, проявлявших в нем будущего великого человека, великого Сергия. Тотчас по рождении младенец не хотел касаться сосцов матери, если последняя вкушала от мяса и насыщалась им до избытка, так что пищею матери должны были стать пост и воздержание; по прошествии немногого времени от рождения младенец совсем не стал принимать ни от сосцов матери ни от молока коровьего в среду и пяток, проводя эти дни в полном воздержании от пищи (как делали тогда благочестивые люди); одни раз мать взяла было кормилицу, имевшую хорошее молоко, но младенец никак не хотел питаться от чужой матери. Достигнув семилетнего возраста, Варфоломей отдан был родителями учиться грамоте, но оказался с весьма слабыми способностями к учению, так что не смотря ни на все его прилежание, ни на брань родителей, ни на побои учителя, грамота ему не давалась и он не в состоянии был успевать в ней вместе со сверстниками. Тогда он обратился с горячей, усердной молитвой к Богу о подании разума учения, и Господь послал к нему, когда он однажды послан был на поле для отыскания жеребят («клясут»), ангела своего в образе инока, который видимо преподавал ему «нечто образом аки анафору (просфору), видением аки мал кус бела хлеба пшенична», невидимо с избытком преподавал ему и просимый им разум учения.

⁴⁹ У Епифания читается: «И послан бысть от Москвы на Ростов, аки некий воевода, един от вельмож, именем Василий, прозвище Кочева, и с ним Мина, и егда внидоша во град Ростов, тогда возложиша великую нужу на град, да и на вся живущая в нем, и гонение много умножися, и немало их от Ростовец Москвичем имения своя с нукою отдаваху, а сами противу того раны на телеси своем со укоризною взимающее и тщина рукама отхождаху, (и) иже (еже) последнего беденьства образ, яко не токмо имения обнажении быша, но и раны на плоти своя подьяша и язвы жалостно на себе носиша и претерпеша; и что подобает много глаголати, толико дерзновение над Ростовом содеяша, яко и самого того епарха градцаго, старейшаго болярина Ростовскаго, именем Аверкия, стремглав обесиша, и возложиша на ня руке свои и оставиша поругана, и бысть страх велик на всех слышавших и видящих сия не токмо во граде Ростове, но и во всех пределах его», — л. 50 fin. sqq [-стрр. 33-34].

⁵⁰ Епифаний называет Радонеж всею, а в духовных грамотах Ивана Даниловича Калиты называется селом Радонежским; после он стал городком, а в настоящее время снова есть село, которое называется (Городок. Находится в 14-ти верстах от лавры по направлению к Москве, в 2-х верстах вправо от Московского шоссе и от находящегося на шоссе села Воздвиженско-

го, на берегу р. Пажи, текущей из-под Хотькова монастыря, от которого село в 5-ти верстах). Кирилл поселился в Радонеже (поставил дом) близ церкви, — Епифаний, л. 51 об. [-стр. 34].

⁵¹ После 1332 г., см. *Ключевск.* в Житиях святых, стр. 107.

⁵² Андрей родился в 1327 г.

⁵³ В настоящее время тела родителей преп. Сергия лежат в Хотьковом монастыре, находящемся близ села Радонежа. Но Епифаний не говорит прямо, чтобы они постриглись в нашем монастыре (хотя и говорит это прямо о старшем брате Сергия Стефане), а выражается не совсем понятно: «отыдиша кийждо ею во своя времена в монастыря своя и, мало поживше лет в чернечестве, преставистася от жития сего, отыдоста к Богу», — л. 55 [-стр. 37]. Не было ли так, что родители Сергия основали в Радонеже два свои монастырька, в которых и погреблись, и что по уничтожении монастырьков тела их были перенесены в Хотьков монастырь?

⁵⁴ Начав рубить лес, «прежде себе сотвориста одрину и хизину и покрывста ю», — Епифан. л. 58 fn. [-стр. 39].

⁵⁵ Л. 60 [-стр.40].

⁵⁶ В Москве Стефан нашел себе келлию в Богоявленском монастыре. Здесь скоро узнал его, как монаха строгой жизни, вел. кн. Симеон Иванович и приказал митр. Феогносту посвятить его в иеромонахи, сделал его своим духовником, вместе с чем сделался он духовником и всех знатнейших бояр, а затем поставил в игумены монастыря. Епифаний говорит, что по прибытии в Богоявленский монастырь, Стефан вступил так сказать в содружество относительно прохождения строгого чернеческого жития с митр. Алексеем, тогда еще не поставленным в митрополиты (и что жил тогда в монастыре также и Геронтий некто, нарочит старец), — л. 61 обор. [-стр. 41]. Но св. Алексей прежде чем быть поставлену митр. Феогностом в епископы Владимирские, его — митрополиты викарии, что было 6 Декабря 1352 г., состоял при нем — митрополите в продолжении 12 лет наместником. Таким образом, в 1346 г. Стефан уже не мог застать Алексея в Богоявленском монастыре и вероятно думать, что Епифаний говорит об их купножительстве в нем, забывая про наше обстоятельство (наместничество Алексея). Впоследствии Стефан снова возвратился к преп. Сергию в созданный им монастырь.

⁵⁷ По поводу наречения монашеского имени Варфоломею Епифаний замечает: «так обо тогда нарицаху сплоха имена (монашеские) не с имени (начинавшися не с той буквы, с которой начиналось мирское имя), но в онъже день аще которого святого память прилучашесе, в то имя прорицаху постригающемуся имя», — л. 64 [-стр.44].

⁵⁸ Епифаний, л. 78 [-стр. 55].

⁵⁹ Епифаний говорит: «пребывшу ему в пустыни, единому единьствовавшу, или две лет или боле или меньши, не веде (не знаю), Бог весть», — л. 83 об. [-стр. 59].

⁶⁰ В день пострижения преп. Сергия Митрофаном в его (Сергиевой) пустыньке было на литургии столько народу, что он не умещался в церкви (правда, весьма малой), но стоял и вокруг нее, — Епифан. л. 65 [-стр.45]. — (Риторствующий и без нужды старающийся прибегать к принятым у жизнеописателей эффектам, иногда противоречит себе...).

⁶¹ Ради эффекта Епифаний и здесь представляет дело противоречиво себе.

⁶² О телесной крепости преп. Сергия Епифаний говорит: «баше силен телом, могий за два человека», — л. 88 [-стр.62].

⁶³ Из 12-ти первоначально поставленных келий сам преп. Сергей своими руками срубил три или четыре келлии, — л. 90 об. [-стр. 64].

⁶⁴ Епифаний л. 110 [-стр. 75].

⁶⁵ Ibid. л. 90 [-стр. 63].

⁶⁶ Река Дубна, впадающая в Волгу в Тверской губернии, немного выше известного посада Кимры, верховья свои имеет в Александровском уезде Владимирской губернии. Первую станцию от Троицкого посада по Московско-Ярославскому шоссе, в направлении к Ярославлю, составляет деревня Дубна, которая находится от посада в 17 верстах и которая стоит на реке Дубне в [4] верстах от ее истока.

⁶⁷ Диякон Онисим был отцом какого-то чем-то знаменитого диякона Елисея, ибо Епифаний говорит: «Онисим, иже бе диякон, дияконов отец Иелисея глаголемого», — л. 90 об. нач. [-стр. 64].

⁶⁸ Л. 92 [-стр. 64].

⁶⁹ Муку сначала толкли, а потом мололи, — л. 119 [-стр. 76].

⁷⁰ Л. 110 fin. [-стр. 76].

⁷¹ Если Иоанн-Феодор был приведен Стефаном к преп. Сергию и не непосредственно в след за прибытием к нему архимандрита Симона, то во всяком случае более или менее вскоре после принятия им, Сергием, звания игумена: это следует из соображений числа лет пребывания Сергия в пустыне с годами возраста Иоанна-Феодора. В 1378 г. Феодор был уже знаменитым игуменом, — Памятн. *Павлова* col. 173 (Киприан к Сергию и к ему).

⁷² Епифаний и говорит в данном случае отчасти буквально словами жития преп. Феодосия.

⁷³ От преп. Феодосия в нашем случае преп. Сергей отличался тем, что прямо надевал на поступавших монашескую одежду (собственно — монашескую ряску, без мантии), тогда как первый заставлял некоторое время ходить их в своей мирской одежде. Но, может быть, тут у Епифания, отчасти также дословным образом повторяющего Нестора, только пропуск. — Пример сына Стефанова Иоанна, которого преп. Сергей, при его даже только 12-лети, прямо постриг в монахи (л. 115 об., [-стр. 77]), показывает, что иногда, по тем или другим уважениям, он и отступал от указанного правила (Двукратного собора прав. 5).

⁷⁴ Епифаний полагает, что пустыня начала заселяться более 15-ти лет после прихода преп. Сергия («яко мною множае» л. 127 об.нач., [стр.83] и в то же время относит начало заселения к правлению великого князя Ивана Ивановича, — л. 127 об. [-стр.83]. Но и последний год правления сего князя, — 1359-й, не будет 15-м годом прихода Сергия в пустыню.

⁷⁵ Л. 126 об. fin. [-стр. 82].

⁷⁶ Л. 126 об. [-стр. 83].

⁷⁷ Л. 131 об. [-стр. 85].

⁷⁸ Епифаний л. 130. По уверению позднейшего свидетеля Иосифа Волоколамского писали книги на бересте.

⁷⁹ Общинножитие введено было преп. Сергием при патр. Филофее, во второе его патриаршество (но не в первое, как видно по времени окончания этого первого), а во второй раз Филофей занял престол 8 октября 1364 г., см. Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича*, I, 448.

⁸⁰ Послание другое патриарха к преп. Сергию в Памятн. *Павлова* col. 187, № 21.

⁸¹ Л. 188 об. sqq [-стр. 107].

⁸² Епифан. л. 193 [-стр. 109].

⁸³ Стогл. гл. 52, Казанск. изд. стр. 257.

⁸⁴ По редакции жития Епифаниева, читаемого в Никоновой летописи, Стефан остался у Сергия после того, как привел к нему сына Иоанна, — IV,221.

⁸⁵ Епифан. л. 194 fin [-стр. 109].

⁸⁶ Л. 195 [-стр. 110].

⁸⁷ Епифаний говорит, что, приступая к основанию церкви, преп. Сергей послал за благословением к митр. Алексею, которое и получил, — л. 201 об. [стр. 111]. Но узнав от посланных, что преп. Сергей оставил свой монастырь и как именно оставил, митрополит постарался бы снова водворить его в нем. Поэтому, мы думаем, что на наше показание Епифания должно смотреть как на риторический lapsus calami, которых у него вообще не совсем мало.

⁸⁸ Хотел было поставить Исаака молчальника. Умер, — Ник. IV, 152.

⁸⁹ Л. 205 об. [-стр.112].

⁹⁰ Дал ученика митр. Алексею Андроника [который был строителем Московского Андроньевского монастыря. См. в книге о преп. Сергии стр. 55/78].

⁹¹ Л. 240 [-стр. 125].

⁹² О Пересвете и Ослябе см. в книге моей о преп. Сергии стрр. 47-48/62 и примечание.

⁹³ Никон. лет. IV, 147 sqq.

⁹⁴ В древнее и старое время у архиереев наших кроме параманда монашеского, который носится по рубашке, был еще параманд служебный, который при богослужении надевался ими на стихарь или подризник. Этот последний параманд и разумеется в нашем случае. См. о нем Проскинитарий Суханова, — Синодальн. Ркп. № 574 л. 313 об., Казанск. изд. стр. 230 прим.; архим. *Леонида* Описание рукописей Московск. дух. академии, вып. I, стр. 166 fin.; *преосв. Саввы* Пояснительный словарь к Указателю патриарш. ризницы, под сл. параманд. [Ср. в первой половине сего тома стр. 236 прим. 2 и во второй половине I-го тома стрр. 571-572/682-684].

⁹⁵ Л. 53. Тоже лл. 351, 354, 359, 360 fп., 362 [-стрр. 35, 148-150, 153-156].

⁹⁶ Л. 147 [-стр. 92]. — (По поводу этой худости одежды преподобного жизнеописатель его рассказывает еще один случай. Когда слава о добродетельной жизни его широко распространилась по России и когда многие начали приходить к нему, чтобы видеть его и наслаждаться его душеспасительной беседой, пожелал видеть его один крестьянин из дальних от монастыря мест. Выбрав свободное время, он отправился в монастырь. Случилось так, что в минуту его прихода в монастырь преподобный Сергей копал гряды в монастырском огороде. На просьбу его к монахам показать ему знаменитого их игумена, ему отвечали, что игумен копает землю в огороде и что пусть он немного подождет. Сгорая нетерпением видеть Сергия, крестьянин побежал к огородному забору и приник к скважине. В скважину он увидел, что копает гряду какой-то монах в изодранном и уплатанном рубище. Где же, — спрашивает он монахов, — игумен? Ему отвечают, что он смотрит на игумена. Крестьянин, думая, что монахи потешаются над ним, весьма обиделся... Потом он действительно уверился, что в изодранном и уплатанном рубище был знаменитый Сергей, слава о котором прошла по всей России и которого, суды по другим, знаменитым, игуменам, он представлял себе совсем иначе, «окруженным отроками предстоящими и слугами скороришущими и множеством служащих или честь воздающих»... Спустя некоторое время после сего крестьянин принял монашество в монастыре Сергиевом. — Пахомий, вероятно, на основании собственных сведений говорит в службе преп. Сергию, что он «отверг тленные ризы, ходил в зиме без теплой одежды, якоже в лете»).

⁹⁷ Л. 249 [-стр. 128].

⁹⁸ Л. 133 об. [-стр. 86].

⁹⁹ Л. 164 [-стр. 100].

¹⁰⁰ В настоящее время за источник Сергиев принимается колодезь, находящийся в значительном отдалении от монастыря, против одной из церквей бывшего Подольного монастыря, теперешнего Пятницкого прихода. Но нынешнее предание должно быть признано за совершенно несостоятельное: извести источник в таком отдалении от монастыря значило не облегчить для монахов ношение воды, а сделать его в десять раз более трудным (Колодезь принадлежал Подольному монастырю). Источник Сергиев должен быть полагаем на линии теперешней южной стены монастыря, и именно — части ее юго-западной (а может быть и несколько выше, — в самом теперешнем монастыре). Если источник не иссяк сам собой до построения нынешней стены, то его должны были засыпать при этом построении. В Пахомиевом житии преп. Сергия его источник называется рекой. Если у Пахомия название реки не какая-нибудь совершенная и особая риторика (а речь его в данном месте не особенно вразумительна), то дело должно быть понимаемо так, что источник был очень обилен водой, что из обруба, вставленного в него, или кадочки, поставленной в нем (как это в посаде и до сих пор на его многочисленных родниковых источниках) вода вытекала вон и текла длинной полосой (по теперешнему Пафнугиеву саду монастыря, находящемуся вне его, за южной стеной), представлявшей из себя как бы реку.

¹⁰¹ Л. 165 об. [-стр. 101].

¹⁰² Л. 170 об. [-стр. 103].

¹⁰³ Л. 182 об. [-стрр. 105-106].

¹⁰⁴ Л. 211 [-стр.115].

¹⁰⁵ См. о нем [в моей книге «Преп. Сергей Радонежский», 2 изд., стр. 90].

¹⁰⁶ Л. 235 об. [-стр.123].

¹⁰⁷ Л. 258 [-стр. 133].

¹⁰⁸ Подлинные, не совершенно вразумительные слова, влагаемые Епифанием в уста преп. Сергия: «ваше наказание, о премудрый учителю, како подобает творити, не высокоумдрити и возноситися над смиренными, к нам же ненаученым и невеждам что принесе ползу, токмо искусити неразумие наше прииде, понеже праведный Судия вся зрит».

¹⁰⁹ Л. 265 об. [-стр. 136].

¹¹⁰ Л. 265 об. [-стр. 136].

¹¹¹ Л. 267 об. [-стр. 137].

¹¹² Л. 270 об. [-стр. 138].

¹¹³ Л. 274 [-стр. 139].

¹¹⁴ Епифан. л. 178 [-стр. 105].

¹¹⁵ Ibid. л. 361 об., л. 150 [-стр. 155, 94].

¹¹⁶ Так называемая Академическая летопись.

¹¹⁷ Крещенный в купели, Никон. лет. IV, 40 нач.; Академич. лет. под 1375 г.

¹¹⁸ (Кожаные сандалии преп. Сергия, в которых он был погребен и которые при изнесении мошей его из земли, после 30-ти летнего нахождения в последней, оказались совершенно неповрежденными, — по внешнему виду или по форме суть остроносые и мелкие туфли или башмаки; каждая из одного или из цельного куска довольно толстой и жесткой кожи; драгва или вервь, которою они сшиты были, пропала, так что теперь они с распавшимися швами).

¹¹⁹ (Епифаний говорит, что в монастыре «и различная сеяхуса семена, яко на устроенные окладным зелием», — л. 91 об. [стр. 64]. Хотя во всех известных нам списках читается «окладным», но полагаем, что это есть общая всем спискам ошибка вместо оградным, т.-е. огородным, потому что слово окладный представляется в данном случае совсем непонятным). — [Один крестьянин, желавший видеть преп. Сергия, прийдя в монастырь, нашел его копающим гряды в монастырском огороде].

¹²⁰ По свидетельству второго жизнеописателя Пахомия Сербина, который говорит: [«некто от Смоленска архимандрит именем Симон прииде к преподобному и многа имения принесе с собою и дает в рuce святому, во еже большу церковь воздвигнути, еже и бысть. Елма же разсуднейший пастырь и премудрейший в добродетелех муж монастырь больший воздвиг, келлии четверообразно сотворити повеле, посреде их церковь во имя Живоначальныя Троицы отовсюду видима, яко зрцало, трапезу же и ина, елика на потребу братиям»], — Описание лавры, сост. А.В. Горским по изданию 1878 г., стр. 5. А Епифаний говорит только: [архим. Симон «от Смоленска. прииде в монастырь к преп. отцу игумену Сергию, и с мнозем смирением моляше его, дабы его приал житии у него под крепкою рукою его в повиновении и в послушании: еще же и имение принесе с собою и предаст то игумену на строение монастырю»], л. 114 [-стр. 77].

¹²¹ Напр. лл. 128 об., 193 об., 260 [-стрр. 83, 109, 134].

¹²² Лл. 170 об., 220 об., 366 [-стр. 103, 119, 158].

¹²³ (Слово лавра есть греческое (Λαυρα, Λάβρα) и значит улицу, слободу, квартал, приход (а потом имеет и еще несколько частных значений). Первоначально у Греков назывались лаврами такие монастыри, в которых каждый монах жил в своей особой келье, отделенной от других келий некоторым пространством, и жил как бы затворником и отшельником (анахоретом, каково было собственное название таких монахов и что по-русски значит отшельник), в совершенном разобщении с другими братьями монастыря, с которыми сходилась только в субботу и в воскресения для слушания богослужения и для приобщения тела и крови Христовых; состояв из того или другого количества отдельных келий, монастыри эти представляли из себя как бы слободы или слободки, а отсюда и название их лаврами. Но потом стали называть у Греков лаврами, как и в настоящее время называют, всякие большие и многолюдные монастыри (*Строев*, Библиолог. Словарь, стр. 27). У нас в России название лавра с древнего времени употреблялось в смысле монастыря большого, знатного, богатого, и значило то же, что именитый, преименитый (словущий, пресловущий) монастырь (а по злоупотреблению — о монастырях особножитных, которые, имея сходство с лаврами по внешнему устройству, не имели ничего общего с ними по существу). В старое время были величаемы у нас лаврами и сами себя так величали очень многие монастыри, а в виде комплимента или любезности можно было употребить это название и о всяком мало-мальски порядочном монастыре. В сейчас указанном смысле Троицкий монастырь называем и величаем лаврой с самого древнего времени, именно — так называет и величает его уже жизнеописатель преподобного Сергия монах Епифаний, составивший его житие в непродолжительном времени после его кончины. Но в позднейшее время названию лавра было усвоено официальное значение и оно предоставлено было, как особое отличие, только некоторым весьма немногим монастырям).

¹²⁴ Впереди церкви и с боков было кладбище: Никон на кладбище у самой церкви, Михай вдали. Нынешнее предание полагает келлию преп. Сергия у самого Троицкого собора, но это невероятно; вероятно, она была далее, где после архимандричьи кельи, — нынешние митрополичьи покои.

¹²⁵ Запись на одной Лаврской рукописи, см. указанное Описание лавры по указанному изданию, стр. 170, § 15.

¹²⁶ (Длина стены по нынешнему измерению есть 642 сажени. Вышины стены — 4 сажени, а с южной и западной стороны, из коих первая представляет собою подгорие, а вторая — отчасти косогор, отчасти ровное место, имеющее впадину (овражек), она достигает 6-ти, 7-ми сажени и более. Стена состоит из двух частей: из самой стены и из приложенной к ней с внутренней стороны галереи, по которой бы ходить кругом ее (стены) и с которой бы действовать против лезущего на нее неприятеля. Стена, взятая вместе с приложенной к ней галереей, — имеет толщины 3 сажени и более; но без галереи, сама себе, она только полтора аршина с 2 вершками или 1 аршин и 10 вершков).

¹²⁷ Только в нашем 1557 г. были построены каменные больница и келарская палата (и еще кельи для государя на время его приездов в монастырь).

¹²⁸ Житие преп. Кирилла написано по поручению вел. кн. Василия Васильевича Темного и митр. Феодосия Пахомием Сербином, см. выше стр. [179]. Мы имеем житие под руками в рукописи библиотеки Моск. дух. Академии XVI в., фундамент отд. № 94 (майско-июньская Четь-Минея, написанная в Троицком Сергиевом монастыре в 1558 г.), лл. 187-207 об. [По другой рукописи той же библиотеки XV-XVI вв. (№ 13/208) житие напечатано в приложении к работе *свящ. В. Яблонского Пахомий Серб и его агиографические писания*. СПб. 1908 г., стрр. I-LXIII Приложений].

¹²⁹ Пахомий говорит, что преп. Кирилл скончался в 1427 г., имея 90 лет от роду, из чего следовало бы, что он родился в 1337 г. Но можно думать, что эти 90 лет представляют у Пахомия круглое число, при чем не обозначен некоторый недостаток или некоторый излишек, ибо как будто он вообще употребляет круглые числа, когда говорит, что преп. Кирилл пришел в Белозерье «летом шестидесятым (от роду), пребысть же на месте том (в своем Белозерском монастыре) лет тридесять, яко всех лет жития его бытия лет девяносто», — ркп. л. 201 об. фп [у *Яблонского* стр. XLVI].

¹³⁰ Боярин Тимофей Васильевич, о котором сейчас, взяв осиротевшего после смерти родителей Косму (Кирилла) в дом к себе, не определил его на государственную службу, а сделал его своим казначеем: из этого и можно заключать, что отец Космы (Кирилла) был служилый человек не особенно большой (хотя с другой стороны боярин мог не определить Космы (Кирилла) на государственную службу и потому, что этот последний, в следствие своих особых расположений, не хотел идти на нее).

¹³¹ Тимофей Васильевич (Вельяминов, — *Арцыбашев*, стр. 132 прим. 938 (боярин Протасий иначе назывался Вениамин) и стр. 122 прим. 871; от двух братьев его произошли боярские фамилии Воронцовых и Вельяминовых) был внук боярина Протасия, который при Иване Даниловиче Калите, в год смерти св. Петра, был Московским наместником («бе устроин старейшина граду»; тысяцкий, — *Арцыбашев*, стр. 132 прим. 938) и который упоминается в житиях последнего. До 1380 г. он имел сан окольничего и как таковой известен тем, что в числе послухов или свидетелей, скрепивших первую духовную грамоту Дмитрия Ивановича Донского, писанную ок. 1371 г., стоит на первом месте (Собр. госудд. грамм. и договв. т. I, стр. 51), — что в Вожской или Вожжинской битве с Татарами 1378 г. он командовал одним крылом великокняжеского войска (Никон. лет. IV, 80, 102-103; Воскресен. т. VIII, стр. 33 нач.) и что в Куликовской битве 1380 г. он был великим воеводою всего собственно московского (великокняжеского) войска (*Арцыбашев* *ibid.*). Под второй духовной грамотой Дмитрия Ивановича Донского, писанной в 1389 г., он подписался в качестве его боярина, каковым стал, вероятно, тотчас после Куликовской битвы, на втором месте (уступая первое место знаменитому Дмитрию Михайловичу Волынскому-Боброку, — Собр. госудд. грамм. и договв. I, 62). Старший брат Тимофея Васильевича Василий Васильевич, умерший в 1374 г. был последним московским тысяцким [см. Никоновск. лет. IV, 39]. Сам Пахомий говорит о нашем боярине: «баше бо предиреченный Тимофей окольничей у великого князя Димитрия, богатством и честию паче инех превъсходя тогда», — л. 188 [у *Яблонского* стр. V]. Если Косма лишился родителей в правление Дмитрия Ивановича Донского, то ему было тогда, как повидимому должно понимать Пахомия, принимая, что он родился в 1337 г., не менее 25 лет, ибо Дмитрий Иванович вступил на великокняжеский престол в 1362 г.; во всяком случае Пахомий дает знать, что Косма лишился родителей не ранее, как уже при наступлении лет юности, т.-е. не ранее как году на 18-20-м. Не совсем понятным для нас образом он выражается: «таже и посреди время прииде и родителя его (Космы), земная оставльше, к Богу отходят» (л. 188 sub фп., у *Яблонского* стр. V); может быть, в природной ему сербской речи выражение «посреди

время» значит что-нибудь определенное, но в сербских словарях, которые мы имеем в своем распоряжении (*Караджича* и *Данчича*) мы не могли этого найти.

¹³² Из Симонова монастыря, в котором монашествовал первоначально, преп. Кирилл удалился в Белозерье, имея 60 лет от роду; но в Симоновом монастыре он прожил никак не более и, вероятно, несколько менее 20 лет.

¹³³ Монах Михаил, которому отдан был в духовное руководство, как ученик старцу, новопостриженный Кирилл, в конце 1383 — начале 1384 г. был поставлен в епископы Смоленска: но Кирилл находился под его руководством, как кажется, не более лет трех-четырёх.

¹³⁴ (На Белозерье обратил первое внимание, как на область, где могут быть заводи мы монастырями земли, Феодор Симоновский. (Ферапонт, сообщивший о нем Кириллу, был послан Феодором), а видение Кирилла показывает, что он думал о Белозерьи). — [О месте Пахомий пишет: «место же оно, идеже св. Кирилл вселися, бор бяше велий и чаща и никому же ту от человек живушу; место убо мало и кругло, но зело красно, всюду яко стеною окружено водами; глаголют же тако, яко тамо живша земледелца некоего Исаию именем близ места того, идеже ныне монастырь есть Пречистыя, пред многими леты пришествия блаж. Кирилла звон велий слышашесь от места того, но яко и певцы поюще бяху. Сеи же не единому Исаии звони и гласы слышахуся, но и многим окрест места того живущим; тем же и прихождаху мнозии во время звона, хотящее известно уведети откуда и звони и песни. Но сиа ушесы слышаху, очима же ничтоже можаху видети, но токмо дивляхуся и не просту бытии вещь познаваху». По изданию *Яблонского* стрр. XVI-XVII].

¹³⁵ Что Кирилл Белозерский не оставил письменного устава: 1) сам Кирилл в грамоте к кн. Андрею Дмитриевичу не говорит об уставе; 2) в предсмертн. увещании к братии не говорит; 3) преп. Иосиф дает знать, что Кирилл не писал устава; 4) Грозный в послании в Кириллов монастырь не говорит об уставе; 5) а главное — устав непременно сохранился бы.

¹³⁶ Ркп. л. 193 об. fin. sqq [у *Яблонского* стр. XXV-XXVI].

¹³⁷ Ркп. л. 198 об. sub fin [у *Яблонского* стр. XXXVI].

¹³⁸ Ркп. л. 202 об. [у *Яблонского* стр. XLIX].

¹³⁹ См. *Ключевский* [Жития святых, стр.] 160; в *Акт. Ист.*, т. I, № 163, стр. 299, царскую тарханную грамоту Кириллову монастырю 1556 г., в которой перечисляются села и деревни и вообще земли, приобретенные преп. Кириллом посредством получения в дар или посредством покупки; также в *Акт. Юрилич.* 1838 г., № 72, стр. 119, купчую крепость преп. Кирилла на одну деревню. В своей духовной грамоте, как она напечатана в *Акт. Историч.* т. I, № 32, стр. 62, преп. Кирилл обращается с просьбой к Белозерскому князю Андрею Дмитриевичу: «А что еси, господине, подавал свое жалование, грамоты свои дому пречистой Богородици и моей нищете, чтобы то, господине, жалование и грамоты неподвижны были: как и доселе, господине, при моем животе, так бы, господине, и по моем животе было; занеже, господине князь великий, нам твоим нищим нечим боронитися противу обидящих нас, но токмо, господине, Богом и Пречистою Богородицею и твоим, господине, жалованием нашего господина и господаря». Но в этой просьбе, как кажется, идет речь не о крепостных грамотах на вотчины, а о жалованных грамотах, ограждавших монастырь в тех или других отношениях от посягательств на него княжеских чиновников (при этом впрочем главнейшее, в чем монастыри искали себе у князей ограждения от их чиновников — отстранение последних от суда принадлежавших им — монастырям крестьян, дает основание предполагать, что были у монастыря преп. Кирилла при его жизни и вотчины).

¹⁴⁰ (Пахомий Серб говорит о нестяжательности Кирилла Белозерского со слов немногих монахов Кирилловских-нестяжателей).

¹⁴¹ *Акт. Ист.* т. I, № 253, стр. 480 [Памятники *А.С. Павлова* coll. 263-265].

¹⁴² Ркп. л. 206 об. [у *Яблонского* стр. LXI].

¹⁴³ Ркп. л. 195 об. [у *Яблонского* стр. XXVII].

¹⁴⁴ Ркп. л. 206 об. [у *Яблонского* стр. LXI].

¹⁴⁵ Житие: «Слышана же бяше быша святого преславная чудеса не токмо в окрестных монастырю святого, но и (в) далече суца (-щих) в чужих странах», — ркп. л. 196 об. [у *Яблонского* стр. XXIX].

¹⁴⁶ Князя Михаила, именно — Васильевича, праправнук Михаила Всеволодовича Черниговского, известного мученика, пострадавшего от Татар в 1246 г. Князь присылал к преп.

Кириллу просить его молитв о разрешении неплодства своей супруги. Преподобный обещал князю троих детей: по Родословным книгам у Михаила Васильевича действительно была трое детей — два сына и одна дочь (бывшая в замужестве за князем Васильем Ивановичем Патрикеевым Косым, в монашестве Вассианом).

¹⁴⁷ Мы привели место из послания, как оно читается в житии, — ркп. л. 201; в Акт. Ист., т. I № 32, стр. 62, оно читается несколько иначе (Читаемое в послании по Акт. Ист. о нарушении грамот в житии выпущено, потому что это место противоречило бы утверждаемому в житии, будто преп. Кирилл не приобрел и не принимал сел).

¹⁴⁸ Ркп. л. 190 [у *Яблонского* стр. XI].

¹⁴⁹ *Архангельский А.С.* [Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, Санкт-Петербург, 1882 г.], стр. 161.

¹⁵⁰ Сам не хотел выйти из монастыря по просьбе Юрия Дмитриевича.

¹⁵¹ Ркп. л. 200 об. fin. [у *Яблонского* стр. XLIII].

¹⁵² «Мнози, говорит он, от различных стран и градов прихождаху к святому, ови хотящее видети святого и пользоватия от него, инии же изволяюще сожительствовати с ним. Святыи же, яко прозорливый дар имея, еще тем входящим в монастырь, прозорливым оком разсматриваше тех и к братьям же ту прилучившимся поведаше, яко сей брат хочет с нами житьствовати, сей же хочет прочее (проч) ити», — ркп. л. 195 об. [у *Яблонского* стр. XXVII].

¹⁵³ Ркп. л. 188 [у *Яблонского* стр. V].

¹⁵⁴ Ib. л. 193 об. [у *Яблонского* стр. XXI].

¹⁵⁵ Ib. л. 194 fin. [у *Яблонского* стр. XXIII].

¹⁵⁶ Христофор, бывший вторым его преемником на игуменстве, Мартиниан, бывший игуменом Ферापонтовским и потом Троице-Сергиевским, и некий Феогност, см. в Чтениях Общ. Ист. И Древн., 1860 г. Кн. 2, статью «Обозрение рукописей собственной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского» (о последнем стр. 21).

¹⁵⁷ Пахомием в житии, — ркп. л. 202 [у *Яблонского* стр. XLVII].

¹⁵⁸ Геннадий Новгородский к Иоасафу Ростовскому в Описании Синодд. ркпп. №№1-3, стр. 137. У *дьякона Кудрявцева* [История правосл. Монашества в северо-восточной России со времен преп. Сергия Радонежского, Москва, 1881 г.] стр. 202 прим.

¹⁵⁹ Ркп. л. 206 об. [у *Яблонского* стр. LXI].

¹⁶⁰ Ib. л. 201 [у *Яблонского* стр. XLIV].

¹⁶¹ Пахомий в житии, — ркп. л. 202 sub fin. (если только отговор Кириллом князя от путешествия в монастырь не смешивает он с отказом Кирилла ехать к князю [у *Яблонского* стр. XLVII-XLVIII]).

¹⁶² Акты Исторические, т. I, Спб. 1841 г., № 27, стр. 56. *Амвросия еп.* История иерархии IV, 411-412. — Общая характеристика Кирилла у Пахомия, л. 206 об. [у *Яблонского* стр. LX-LXI].

¹⁶³ Митр. Макарий в своей Наказной грамоте или в своем Списке соборного уложения 1551 г., передавая определение Стоглавого собора о том, чтобы впредь чернцам и черницам в одном монастыре не жить (гл. 82, Казанск. изд. стр. 367) пишет: «Також соборный ответ по священным правилом, чтобы отныне и впредь всем градом и по волостем и по селом в митрополю и в архиепископиях и епископиях по всем монастырем и по погостом чернцом и черницам в одном месте не жити; а в которых монастырех и в погостех учнут жити черницы, и в тех монастырех и погостех чернцем не жити...; и о том бы по всем градом и погостам и по селам брегли архимандриты и игумены и протопопы и старосты поповские и десятские священники и все священники, чтоб однолично чернцы и черницы в одном месте по монастырем и по погостом не жили» (Наказная грамота во Владимир в [особом приложении к 9 № газеты «День» за 1863-й год]; таже Наказная грамота в Каргополь в Правосл. Собеседн. 1863 г., ч. 1, стр. 207, § 37). Под чернцами и черницами, живущими не в монастырях, а по погостам, очевидно, разумеются чернцы и черницы, живущие в монастырях несобственных или в слободках при мирских приходских церквах. Некоторые (совершенно ясные) свидетельства из второй половины XVI века мы привели в I-м томе (стр. 452-453/552-553. См. еще у *Неволина* О пятинах: На погосте, имеющем церковь, монастырек с церковью; чтобы были в монастырьке монахи или монахини, не говорится, а только говорится о попе, двух дьяках и двух сторожах (особых от погостных), приложж. стр. 21 fin. На погосте, — не сказано — имеющем ли церковь, монастырек женский с церковью, — стр. 37 нач. (в несобственном монастыре «питаются о

церкви божией и о приходе», стр. 168). На монастыре погоста: келья черного священника, келья 14-ти старцев, келья трех монастырей (Хутынский, Соловецк. и Муромск.) и 15 келей нищих старцев и старец, — стр. 173, 174. Монастырек — выставка; в нем: черный поп и трое нищих; за монастырем — детеныш стр. 339; с церковью на погосте, на котором своя церковь.

— Несобственные монастыри: Стогл. соб., Казанск. изд. стр. 373 нач.: «пустыни по селом», т.е. монастырь без церкви, поставленный у приходской церкви; пустыня, т.е. пустой монастырь, не имеющий церкви. В женском монастыре, находившемся в с. Ландехе, не было своей церкви и монахини ходили молиться в сельскую приходскую церковь, — Ист. Иерархии VI, 1027 нач. Буй — во Пскове монастырь (погост) около церкви, Собр. летг. IV, 308 fin., 335 fin. (кладбище около церкви?). На монастырях при приходских церквях жили монахи и занимались чтением псалтыря по покойникам («читальщики»). Священники стриглись в монахи и оставались при своих церквях: Серапион игумен Троицкий. Так в Греции см. I том. Иеромонах — игумен в Сказании об убиении Михаила Ярославича Тверского; Описание ... лавры, 2 изд., стр. 188. Игумен, живший у приходу, — Русск. Историч. Библиотека, издав. Археогр. комм. т. II, № 79, col. 172. Иеромонах, живший у приходской церкви, игумен, — Правосл. Обзор. 1882 г., т. 1, стр. 295 (Знаменский говорит на основании жития), стр. 305-307.

В монастыре: игумен, белый поп, казначей, затем вкладчики и прихожане, — Акты Юридик. *Калач.* т. II, № 253).

¹⁶⁴ См. сейчас выше место из Наказной грамоты митр. Макария. В Греции предоставлено было иеромонахам-духовникам, жившим в приходах или по приходам, между прочим пострижение в монахи: «Ἐτε τε οφείλεις, — говорится в архиерейской грамоте духовнику, — ката μοναχους αλοκεϊρειν τους το μοναχικον σχημα προαφρονιμένους, είτε εν τη ζωη αυ των τουτου βουλοιντο, είτε εν ταϊς εσχαταις ελδοντες αναπνοαις (у *Ралли* и *П.* V, 575). Но если духовникам, жившим на приходах предоставлялось постригать в монахи, то очевидно не людей, желавших монашествовать в настоящих монастырях, ибо этих последних должны были постригать игумены монастырей; а следовательно — людей, желавших монашествовать в кельях при мирских приходских церквях или наших монастырях несобственных. Иеромонахи-духовники в Греции, а за нею и у нас, как мы говорили, назывались игуменами. Это весьма вероятно понимать, что монахи селились слободками у тех приходских церквей, у которых имели свое местожительство духовники, и что последние до некоторой степени были или по крайней мере признавались игуменами над последними. (Духовники монахи и немонахи назывались игуменами потому, что они имели в своем духовном руководстве целые паствы, большие чем монастыри. Собор Владимирский 1274 г. Как Иосиф Вриений обличает духовников-монахов, — Правосл. обзор. 1879 г., кн. 2, стр. 109; тут же стр. 111 вообще о состоянии монашества в Греции (омерзительном), но и хорошее: Студийский монастырь, стр. 113. У Греков духовники монахи — крайне плохие духовники, там же стр. 109. Игумен-духовник, — Житие преп. Сергия, л. 89 fin. и об.; от чего духовник, — л. 96 об., 98 fin. Иеромонах-игумен, *митр. Евгения* Описание Киево-Печерской лавры, 2 изд., стр. В ставленной грамоте иеромонаху 1637 г. предоставляется ему принимать на дух, — Акты Юридик. 1838 г., № 385, IV, 405. В женском монастыре отец духовный — игумен или черный поп, — *С.А. Белокурова* Материалы для русской истории, стр. 436. Архимандриту не принимать на дух мирских людей и женщин (предписание патр. Никона), — Ист. Иер. V, 168; см. *Нечаева* Св. Димитрий Ростовский стр. 102; Ист. Иер. II, 102, 115. В грамоте патр. Иоасафа 2-го 1667 г. Троицкому архимандриту Феодосию запрещается принимать на дух мирских людей, — Ист. Иер. II, 117. Юста Юля уверяли, что русские не берут в духовники монахов, — Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1899 г., кн. III, стр. 225 sub fin. Ср. выше в сей половине тома стр. 84).

¹⁶⁵ *Неволин*. Приложж. стр. 168: как нищие. То же выражение о нищих (Судебник Грозного § 91: на монастырех житии нищим, которые питаются от церкви Божией).

¹⁶⁶ Слободки у церквей с построением для них особых церквей превращались в настоящие монастыри, — *Неволин* Приложж. стр. 21 fin., 37. — Название окружающей церковь земли монастырем не показывает, что монастырей несобственных было много. От приходских церквей, у которых были слободки, стали называть вообще церковные земли, как бы почетно, евфнос.

¹⁶⁷ История VII, 57 fin.

¹⁶⁸ (В Греции множество монастырей. Антоний Новгородский на Босфоре).

¹⁶⁹ (Родственников основателя монастыря принимать в монастырь, бельцов и монахов, без вклада, — Ист. Иер. VI, 432. Вкладчики в монастыри миряне жили в монастырских дворах, — Акты Холмогорск. и Устюжск. епархий в Русс. Истор. Библиотеке XII, 258, 304; или в самых монастырях, *ibid.* 895 (и получали все монастырское содержание), 1323 (и работали всякие работы), 1326, 1358, 1393 sqq — 1401; XIV, 347, 429 нач., 436, 442, 443; Полное собрание постановлений и распоряжений т. II, стр. 650. Вкладчиков (мирян) принимали в монастырские слуги или давали им должности по заведыванию монастырскими недвижимыми именными, — Стоглав Казанск. изд. стр. 233 (Слуги образовались в монастырях отчасти из вкладчиков, отчасти из выслужившихся холопов). Вкладчики монастыря участвуют в его управлении, — Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1880 г., кн. III, Красногорск. монастырь стр. 28 sqq. Сделавшие вклад освобождались от монастырских черных работ, а принимавшиеся в монастыри без вклада работали за сие — Стоглав Казанск. изд. стр. 331, 334, вкладчиков поминать, стр. 338. Стоглавый собор отчасти санкционирует вклады за больных шатающихся монахов. Вкладчикам монахам даваем был подел, т.е. что приходилось на долю каждого соответственно вкладу; вкладчикам мирянам, пока не постригутся, не давать из монастыря поддела, — Акт Истор. т. I, № 292, стр. 533, col. 2. Поминовение в монастырях вкладчиков, — преп. Иосиф у *Хруцова* стр. 256 sqq (тут же и о поминовении в соборных церквах). Вкладные записи: Шипова в Чухломский Авраамиев монастырь, — Сборник кн. Хилкова, стр. 10, № 9; — 1624 г., — в Известиях Археологич. общества т. IV, col. 16 fin.; — данная братией Московского Донского монастыря жене одного дьяка в 1695 г., — Описание Донского монастыря *Забелина* стр. 104. Обязательства монастырей перед вкладчиками, — *ibid.* стр. 102 нач. sqq, Очерки из истории Тамбовского края, вып. 4, стр. 41. О вкладчиках Кольского Печенгского монастыря 1696 г. некоторые подробности в Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1880 г., кн. II, Материалы для истории Архангельской епархии стр. 20 fin. Взносы (вкупы) в монастырь в Юго-западной Руси, — *митр. Макария* Истории т. XI, стр. 384. Вклады запрещены при Петре Вел. Об аделъфотах см. в статье: Иосиф Вриений в Правосл. обзор. 1879 г., кн. 2, стр. 109 sqq.

¹⁷⁰ В Греции требовалось законом, чтобы человек, желающий построить свой ктиторский монастырь, обеспечивал содержание в нем не менее, как трех монахов, так как принималось (по подобию, может быть, известного римского: *tres faciunt collegium*), что три по крайней мере монаха составляют монастырь: τὸ ἐλάχιστον ὑπὸ τριῶν μοναχῶν συνίσταται μοναστήριον, — Вальсамон в толков. на 17 пр. 7-го всел. соб., у *Ралли и П.* II, 626.

¹⁷¹ (Из прежних монастырей некоторые ввели у себя общину после преп. Сергия: в Новгороде перед Макарием 4 монастыря. *Макарий* История т. VII, стр. 56).

¹⁷² Памятники *Павлова*, col. 887 fin. Киприан: игуменский жеребий. см. выше стр. 31, прим. 32. В обособленных монастырях игумену доходов половина, — Акты Беляева, опис. *Лебедевым*, стр. 16 № 46 (что Чухченемский монастырь особняк см. Акт. Истор. т. I, стр. 403, col. 2 нач.).

¹⁷³ (Миряне, основатели монастырей, заведывали монастырским имуществом, — *Милютин* прим. 151. Вкладчики монастырей ведали доходы монастырей и пользовались ими сообща (так что были как бы пайщиками в аукционной компании). Вкладчики смотрели за благосостоянием дел в своих монастырях, — Акт. Ист. т. III, № 162. Мирской монастырь ведаёт мир через старост, — Акт. Эксп. т. I № 364, стр. 448; ; Акт. Ист. т. I, № 211, стр. 403, col. 2; Акт. Юридич. 1838 г., № 71, XXV sqq, XXXI, стр. 116, XXXVII. В Псковской обл. и у монастырей, не принадлежащих мирянам, были мирские старосты (притчетники), — *Памятнн. Павлова* col. 391 нач.; *Иванова* Описание архива стр. 208; *Милютин* прим. 151; Опис. Синод. ркп. ч. I, стр. 228. Вкладчики настроили в монастырях церкви и приделов и нанимают служить у них белых священников, — Акт. Ист. т. V, № 75, стр. 116).

¹⁷⁴ Собр. летг. VI, 284 fin.

¹⁷⁵ (У *Неволина* — В монастыре: два старца, дьячек и слуга, а церкви монастырские стоят без пения, -стр. 71; — два старца, вкладчик — дьячек, пономарь, на конюшенном дворе два вкладчика, в поваренной келье вкладчик, — стр. 72; — игумен, два старца, пять человек слуг, четыре человека дружинников, (пользовавшихся монастырскими угождениями?) — стр. 116; — черный поп да два старца — стр. 156; — один игумен, на монастырской земле дьяк и сторож, — стр. 224 fin.; — на дворце живут монастырские детеныши, — стр. 294 sub fin.; — живут старцы, а игумена и строителя нет, — стр. 327 нач.; — черный поп, старец и сторож, — стр. 331 sub fin.; — игумен и два брата, — стр. 334 fin.; — два старца; у монастыря живут

поп, дьячек, пономарь и проскурницы, стр. 345 fin.; в монастыре женском живут: старицы, причт и нищие, — стр. 335).

¹⁷⁶ (Постановления Стоглавого собора: о монахах, скитающихся в миру, — стрр. 56, 59 нач., 87, 330, 337. О монахах, ходящих по миру, и о добродетели призвания этих монахов наравне с нищими см. в Житии Юлиании Лазаревской (после смерти свекра и свекрови). В ставленной грамоте иеромонаху 1637 г. представляется переходить из монастыря в монастырь, — Акты Юридич. 1838 г., № 385, IV, 405.

¹⁷⁷ Макарий VII, стр. 111.

¹⁷⁸ Милютин стр. 82, прим. нач. (Боярские вотчинные монастыри 2-й полов. 1-го т. стр. 787 к стр. 589/923 к стр. 703; Милютин, прим. 149, 151, 152. Помещики ставили монастыри на своих поместных землях, — Неволина О пятинах приложж. стр. 331. Монастыри многие в вотчинах князей и господ, — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания т. II (второй), № 476, стр. 128, п. 10). Монастыри мирские, — Ист. Иер. VI, 359 и 413. Иркутский и Киренский монастырь построен миром, — см. Описание монастыря, к меня в Сборнике № 3, стр. 29 sqq. В Лыскове монастырь Богородицы Казанской — строенье мирское, — Памятники церковных древностей Нижегородск. губ. архив. Макария стр. 411. — Благословение патр. Иова на основание в городе Слободском монастыря миром уезда, — Акт. Эксп. т. II, № 11, стр. 61. Сямский монастырь Вологодск. выстроен волостью, — Ист. Иер. VI, 359. Монастырь, устроенный волостью — Вятский Трифонов 1580 г., Акт. Эксп. I, № 305, стр. 370. Монастырь волостной Чухченежский, — Акт. Ист. т. I, № 211, стр. 403. Монастырь Мирский, построенный несколькими деревнями «собе и своим детям и внучатом на постриганье и на поминок», — Акт. Ист. т. I № 211, стр. 403 col. 2. Как устроили монастыри миром: ставили церковь, к ней черного попа и этот собирал братию, — Милютин стр. 80 fin. У нас, как и в Греции, монастыри отдавались в строение частным лицам, — архив. Макария Новгородские древности I, 526. Монастырь принадлежащий к селу и проданный вместе с селом: Акт. Юридич. Калач. II, 342, 343 прил. Монастыри иногда основывались на складчину мирян — «вкладчики». Вкладчики пользовались доходами монастыря, иногда сами жили в нем, содержась от него за свой вклад. Устроились компанией, как фабрики.

¹⁷⁹ Не менее как трех, см. выше стр. 169.

¹⁸⁰ Новелла импер. Юстиниана 131, § 10 (приводимая Властарем, — у Ралли и П. VI, 393), Вальсамон в толков. на I пр. двукратн. соб., — ibid. II, 650 fin.

¹⁸¹ Двукратн. соб. пр. I у Ралли и П. I, 91 (1-го т. 1-я полов. И.Р.Ц. стр. 413 прим. 2-ое/стр. 491 прим. 1-ое).

¹⁸² 1-го т. 2-й полов. 587/701.

¹⁸³ Ралли и П. Efo,rouj fin.

¹⁸⁴ 1-го т. 2-й полов. к стр. 585/698 (стр. 787 к стр. 581/ 923 к стр. 698).

¹⁸⁵ 1-го т. 2-й полов. к стр. 585/698.

¹⁸⁶ Ралли и П. I, 91 Двукратн. соб. пр. I.

¹⁸⁷ 1-го т. 1-й полов. стр. 412-413/489-491. — (В позднейших Греческих монастырях были συντεκναι у Ралли и П. V, 582. См. Дюканжа Συντεκναι).

¹⁸⁸ (И князья: дворецкие ставили попов к ружным церквям, — Стоглав, — след. и игуменов). Вел. кн. Василий Иванович ставил настоятелей в монастыри (по крайней мере в Новгороде: в Юрьев Силуана и в Хутынь Феодосия), — Собр. летг. VI, 288 и 289. Великие князья сначала принимали участие в назначении игуменов в те монастыри, в которых они были ктиторами или вкладчиками, а потом и более... (Игуменам предоставлялось от князей избирать себе преемников, а монастыри отдавались им как бы в собственность. Князь Олег Рязанский отдает монастырь игумену Арсению «в свободу до его живота, а по своем животе волен кого вонь благословит на игуменьство», — Срезневского Древн. Памятн. письма и языка стр. 263, col. 1 нач., п. 1356 г. В Западной Руси в XVI в. с общиной в монастырях соединялось право самим избирать игумена, — Акты Южн. и Зап. Росс. т. II, № 147, стр. 164).

¹⁸⁹ Рязанский князь Олег игумену Арсению, — Срезневский [Древние памятники русского письма и языка], стр. 213 т.6?

¹⁹⁰ Дмитрий Иванович Донской променял свой монастырь, находившийся на Симоновом, одному чернцу Феодорова Симоновского монастыря на одно село, см. у Строева в списках иерархов и настоятелей монастырей col. 153. (Князья дарили монастыри).

¹⁹¹ Монастырь вместе с селом, в котором он находился, продан одним вотчинником другому на Москве в 1511 г., см. у *Строева* *ibid.* col. 260; отдельно монастырь продан в Галиции, в Перемышльской епархии, в 1378 г., см. Литературный сборник, издаваемый Галицко-русскою Матицею, 1870 г., стр. 102 *fin.* Московский Саввин монастырь дан его вотчинником (собственником) митр. Ионе, — Акт. Юридич. *Калачова* I, 446, XI. Монастырь — вотчинная вечная собственность потомков его строителя, — Ист. Иер. III, 430. Монастыри составляли собственность частных лиц — мирян и монахов, были продаваемы и покупаемы, см. у *Строева* в Списках иерархов col. 153 (Московск. Симонов монастырь), 264; *Мейчика* в Грамотах стр. 118, col. 1; *архим. Макария* Памятники нижегородских древностей стр. 419 *fin.* sqq; *Горчакова* О земельн. владен., приложж. стр. 50 нач.; Поп Симоновский купил у Симоновского монастыря до своего живота принадлежавший монастырю монастырек — Акт. Юридич. *Калачова* т. I, № 52, I, col. 166. В XVI в. монастырь в Киеве отдается в вечное владение протопопу, — Акты Южной и Западной России т. II, № 52, стр. 78 и № 145, стр. 158. Продажа монастырей в Юго-Западной Руси, — *Макария митр.* Истории т. XI, стр. 316. Монастыри отдавались в строение *Макарий.* Новгород. древн. I, 526.

¹⁹² (Настоятелям? А настоятели монахов?).

¹⁹³ (Отношение Калиты к своему Спасскому монастырю, — Ник. лет. III, 156. В монастырь княжеский ктиторский не вступаться епископу и не брать с него куницы и никакой пошрины, — грамота 1400 г. у *Срезневского* в Памм. письма и яз. стр. 133. (Акт. Зап. Росс. I, № 14) 133. Князья отнимали у епископов право брать с монастырей подати, — Акт. Ист. т. I № 111; *Милютин* стр. 297 *fin.* Право патроната над монастырями в России, — *Соловьева* Ист. IV, 324).

¹⁹⁴ (Настоятелям: Архидереям в их домовых (ктиторских) монастырях привилегия суда предоставлялась князьями).

¹⁹⁵ Акты Западной России, т. I № 43, стр. 58 (Тоже и на Москве, — Дополн. к Акт. Ист. т. I № 46, стр. 63 *fin.*).

¹⁹⁶ Отношения князей и бояр к монастырям видны из истории ссоры Иосифа с Серапионом. (И монахи тут: по договору Возмицкого архимандрита 10 человек оставили Иосифов монастырь). По словам Серапиона Новгород. на соборе отношения князей к их монастырям: «хочет — грабит, хочет — жалуется». Также по словам придворных Федора Борисовича Волокол.: послание Иосифа к Кутузову. Другие монастыри опивали и обедали князья и бояре. Переход монастырей из-под власти удельных князей во власть великого князя: Иосиф Волок. в послании Кутузову (четыре монастыря: Сергиев, Каменский, Толгский, Пафнутиев Боровский). При Василии Ивановиче государевы чиновники описывали казны монастырей: Герберштейн в перев. *Анонимов астр.* 45-46, *Досифея* Описание Соловецк. мон. стр. 67-68.

¹⁹⁷ (В Пскове все вообще монастыри — мирские ктитории; как получавшие содержание от мира).

¹⁹⁸ О митрополичьих домовых монастырях у *Горчакова* О земельных владениях стр. 177 *fin.* sqq. Монастыри приписные к другим монастырям представляли из себя как бы захребетников (приписывалось, чтобы находить защиту и помощь, а большие монастыри брали для славы и в надежде приобретать к ним имения). Целые монастыри вкладывались в другие монастыри, — вносили в последние деньги с тем, чтобы потом получать из них содержание, — во 2-м томе Русск. Историч. Библиотеки, издаваем. Археогр. Коммисс., № 18, col. 17, XV века и № 19, col. 18, того же века. Монахи покупали себе в пользование приписные монастыри у настоятелей главных, — *Строева*, Списки иерархов стр. 153. В половине XIV века к большому монастырю тянут малые (в Тверск. обл.), — Акт. Эксп. т. I, № 5. Монастырь на земле другого монастыря, — Дополн. к Акт. Ист. т. I, № 66, стр. 126 col. 2 (земля эта монастырем собственником заложена). См. I т. 2 полов. стр. 486/589. Описание Троицк. мон. *А.В.Горского*, грамота Грозного.

¹⁹⁹ См. в I-м томе патр. Алексей [стрр. 585-586/699-700].

²⁰⁰ (В Псковск. Снеготорск. монастыре митр. Фотий, по просьбе монахов, отменил общежитный устав).

²⁰¹ (Но преп. Иосиф о Симоновом и о Кирилловом монастыре).

²⁰² (История Иерархии IV, 703. Монастыри обыкновенно начинались с особножития, — преп. Иосиф Волок., преп. Сергей. Основатель монастыря ставил келью и церковь, к нему собирались другие и ставили свои кельи и сами заботились о себе. Когда совсем устроились

монастыри и заводились хозяйством, тогда и вводилось общинножитие. Как составлялись особножитные монастыри — Степенн. кн. II, 222-223. О монастырях особых, что маленькие — Стоглав гл. 37, Казанск. изд. стр. 76 нач.; Собр. летопис. VI, 285 нач. До преп. Сергия весьма многолюдные монастыри: Снетогорский Псковский и Каменный Вологодский. Нил Сорский по возвращении с Востока не остался в Кирилловом монастыре потому, что там не было общежития: его послание к Вассиану. Во время преп. Иосифа Волоколамского в Троицкой лавре было особножитие: житие его неизвестного, у *Хруцова* стр. 37. Ропот на преп. Сергия, заставивший его удалиться на Киржач, поднялся из-за общинножития. Общежительные монастыри в Москве: Петровский (архим. Иоанн), Чудов, Симоновский. В житии Дмитрия Прилуцкого (Макарьевск. Четьминск.) говорится, что он первый ввел общежитие в той местности (за Волгой). Зосима Соловецкий положил в своем монастыре чин по типу Иерусалимскому, — Лаврск. роп. № 692, л. 359. Устав Соловецкого общежительный, но не строго (келлии), — *Филарет*, Русские святые, Апрель, 498 fin. Монахи Кольского монастыря прогнали от себя преп. Феодорита за строгое общежитие, — *Макария* VI, 326 fin. Дух Паисия Ярославова и Нила от Кирилла. Представитель ловких старцев — Мисайло Сукин: в великом почитании у Василия Ивановича, Собр. летт. VI, 270 sqq, а между тем о нем Грозный в послании в Кириллов монастырь: все основатели монастырей установили строгие порядки, но после их разорили любострастные. Иосиф Волоколамский перенял порядки Кириллова монастыря и в то же время был против Кирилловцев. В настоящее время в немногих сравнительно монастырях истинно монашествующих немного. То же было и в XIV-XVI в. След. все остальные... Разрушение общежития, заведенного основателями, самими игуменами, — Кириллов монастырь. В житии Иосифовом об его обхождении монастырей говорится о Кирилловом монастыре, что он был не словом общий (как другие) а дела. В рассказе о Сергиевом, Саввином монастырях. Паисий Ярославов (чуть не убит). Отзыв Грозного о Троицком и Саввином монастырях в послании в Кириллов монастырь. В 1522 г. В Киево-Печерском монастыре общежитие, — *Голубева* Петр Могила стр. 245 fin. Брань архиепископа Ростовского Вассиана с митр. Геронтием показывает, что монахи наши пытались устраивать себе самовластие).

²⁰³ (Монахи и даже схимники владели собственностью, — Грамоты *Мейчика* стр. 127 sqq; *Милютин* прил. 162 (Запрещение сего в Уложении Алексея Михайловича, гл. XVII, ст. 43, 44), прим. 180, 181, 207, стр. 158, прим. 310. Вкладная одного монаха в один монастырь Тамбовского края 1667 г., см. Материалы до Тамбовского края *И. Н. Николаева*, вып. 1, стр. 20-21. Еще одна вкладная тут же — стр. 51. Еще вкладная в Очерках из истории Тамбовского края *Дубасова*, вып. 4, стр. 41. Село, принадлежащее чернище, *Неволин* Приложж. стр. 34 fin. У черного священника место дворовое в приходе, — *ibid.* стр. 157. Собственные кельи у монахини *Макария* Нижегородские древности стр. 335 sqq. Монахиня приказывает в духовн. завещании продать после ее смерти ее келью, — Акты Юридик. 1838 г. № 419, стр. 450, col. 2; — Чтен. Общ. Ист. и Др. 1868 г. кн. IV, Духовная Годуновой, стр. 3. Грамота царя Алексея Михайловича 1666 года в Ярославский Казанский женский монастырь о том, чтобы старицы монастыря не продавали своих келий на сторону и в приданое не отдавали — Ярославские Епархиальные Ведомости 1893 г., № 32, col. 524. В монастырях собственные кельи монахинь в 1722 г., — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству правосл. исп., т. II, стр. 657, важно весьма; по смерти владетельниц обращать в монастырскую собственность).

²⁰⁴ (Монаху не носить в трапезу своей пищи, — Опис. Синод. ркп. № 209, стр. 657).

²⁰⁵ У *митр. Макария* т. VII об уставах.

²⁰⁶ (Отзыв о сребролюбивом монашестве Курбского. — Правосл. Собеседник 1863 г., II, 566. Благочестивые люди, приезжая в монастыри, ходили по кельям, чтобы подавать монахам милостыню, — *Чистовича* Феофан Прокопович стр. 525. В общежительных монастырях монахи торговали, отдавали деньги в рост, покупали себе села, *Жмакин* Митр. Даниил, стр. 665).

²⁰⁷ Хвалит Савву Тверского, Макария Колязинского, но не говорит об уставах. Сам Иосиф говорит: *Макарий* VII, 66.

²⁰⁸ Стр. 17 и 16 fin. Корнилия Комельского хотели убить и он должен был уйти из своего монастыря.

²⁰⁹ (Монах, не могший перемолоть преп. Иосифа, оставил его монастырь, — Волокол. ркп. № 572, л. 52 об. fin.).

²¹⁰ Иннокентий у *Ключевского*. Второй жизнеописатель Иосифа говорит, будто строгое.

²¹¹ 1-е житие стр. 16 нач.

²¹² *Жмакин*, стр. 665. (В грамоте митрополичьей монастырю имярек приступ, что ниже зачеркнут). При Грозном в 3-х монастырях, — *Макарий VII*, 60 fn.

²¹³ Двукратн. соб. пр. 6.

²¹⁴ Имп. Юстиниана новелла 133.

²¹⁵ Митр. Фотий в послании 1418 г. в Псковский Снетогорский монастырь, — Акт. Ист. т. I № 26, стр. 32 fn., Памятнн. *Павлова* col. 394 («не можем» поправляем из читаемого в рукописи, с которой напечатано «внимающим»), что есть очевидная ошибка).

²¹⁶ Грамота Дионисия монастырю в Акт. Ист. т. I № 5 и в Памятнн. *Павлова* № 24.

²¹⁷ Грамота митр. Фотия в монастырь в Акт. Ист. т. I № 26 и в Памятнн. *Павлова* № 46. Предлог к отмене, что вмешался не в свое дело, но Дионисий действовал как экзарх патриарший.

²¹⁸ Казанск. изд. стр. 257. (Митрополиты вовсе не заботились о введении общежития в своих монастырях).

²¹⁹ *Востоков*, Описание Румянцевского Музея, стр. 780. [Полный текст их челобитной см. ниже в Приложениях к сей главе — Приложение 4-ое].

²²⁰ Еще грамота: Александра Свирского, — Акт. Ист. т. I, № 135 (о строгом общежитии нет).

²²¹ (В уставах собственно не было необходимости, ибо есть святоотеческие, но хотели писать свои киторские и хотя они здесь ...).

²²² (Из Дионисия: Анания и Сапфира. — есть из Фотиева послания в Псков: Григорий Двоеслов).

²²³ Устав надписывается: «Изложение обжещительнаго пребывания, устав обители Тресвятительския, в дрѣжаве государей и великих князей Василии (sic) Васильевича, и сына его Иоанна Васильевича, по благословению митрополита Феодосиа богоспасаемаго града Москве (sic) и пресвященнаго архиепископа Евфимия великих градов Новгорода и Пскова, в области святѣя и живоначальна Троица, в Псковской земле над Толвой рекою, кир отца старца Ефросина, зовомаго Елизаря, благослови отче, имать в себе глав 30». Надписание, сделанное, очевидно, чужою («кир отца... зовомаго Елизаря») и, как должно думать, позднейшею рукой, допускает неправильность в хронологическом показании: митр. Феодосий поставлен 3 Мая 1461 г., но архиепископ Евфимий (2-й Вяжицкий) скончался 10 Марта 1458 г. Если устав написан действительно при Василье Васильевиче, то этот последний умер 17 Марта 1462 г. В тексте устава его главы имеют киноварные надписания, но не обозначаются цифирными счетом (который в надписании выставлен то же, как должно думать, позднейшею рукою). Мы имеем его под руками в двух списках библиотеки Московской духовной Академии: фундамент. № 205, л. 200, и Волокол. № 632 л. 432 (О главах, которых не 30).

²²⁴ [«Ни ясти, ни питии опроче трапезы, разве нужныя болезни; где же суть от плевел сеюшаго диавола възрастеша в общем житии глаголемья итарица, еже есть особина, или мало или велико, недостойт нарицати общих, но разбойник седалища и священнокрещения и вся злобы и неприазнены соделници. Сего бо ради наречется общее житие»].

²²⁵ (Кирилл Белозерский, Василий Великий).

²²⁶ (Из Дионисия).

²²⁷ (В Уставе Евфросин ссылается на отцов, по Академич. ркп. № 205: Лествичника — л. 202 об., Исидора Постника — 203, Василия Вел. — 207, Григория Двоеслова — 207 об., старчество I 208, блаж. Антиоха — 210, книги о Василии Вел. — 210 об., Лариона преп. 215 об., Исаака — 210, Маркиона — 220, Савву Иерусал. — 221 fn. О неполезности вносить стяжания чужих трудов — л. 216, дословно одно и то же с Нилом Сорским (у *Архангельского* стр. 68 прим. 50).

²²⁸ Устав состоит из двух частей, которые называются духовными грамотами — первую и второю. Надписание 1-ой части: «Духовная грамота первая многогрешнаго и недостойнаго и худаго игумена Иосифа о монастырском и иноческом устроении, подлинно же и пространно по свидетельству божественных писаний, духовному настоятелю, иже по мне сущему и всем иже о Христе братьям моим, от перваго даже и до последняго, во обители преславныя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, в ней же начальствуем». Тут, что собственно две грамоты, *Строев* *ibid.* (Список их в ркп. Синодальной библиотеки № 190, стр. 517).

²²⁹ [«Подобает же убо ведати, яко аще едина пища и житие достоинством и качеством и количеством на трапезе всем братиам, не всем же равно правило пощения, ниже едина есть мера всем, занеже не всем ту же крепость имети. Мы же сего ради на три устроения сиа положихом, еже есть: предних и средних и последних. Пръвое убо устроение, якоже глаголют святии отци: един вид всегда от обретающихся брашен, се бо по обычаю наша земли и местного растворения един есть вид, еда бывають на трапезе три ествы или две; он же едино от сих, которую изволит, ясть с хлебом или с колачем, ни одинаго же ошаятися яко зла... Второе устроение: егда бывають на трапезе три ествы; он же две ествы с колачем, третнюю же не есте, точию же вся по благоволению настоятелю... Третиее устроение: аще ли кто не имать произволения еже преваго и втораго устроения дръжати, тѣй да доволится трапезою, якоже обычаи имать монастырьский, разве же того ничтоже ясти, ниже питии и не пресыщатися... Ащели кому будетъ нужна оменити, тако подобает оменяти: и коли на трапезе бывает две ествы к штем, и не есть ествы, которья на трапезе прилучится, ино ему дати еству, которую ест, и за другую еству; а иныя ествы не быти опричи тех дву, которые не трапезе; а на ужине якоже и на обеде по тому же бытии. А коли на трапезе бывает одна ества к штем, и кто не ест которья ествы родом, ино ему иная дати подобну тѣй. В постныя же дни, в вторник и в четверток кто не ест которья ествы, ино ему дати колачя, или иную еству подобну той, которая тогды на трапезе; а в понедельник и в среду и в пяток, не в постныя дни, коли на трапезе варение, кто не яст которья ествы родом, ино ему нужна ради дати колачя. Коли на братию двоя рыба, тогды омена не быти; а коли одна рыба, и другая ества не рыбная, и кто восхощет рыбы и за другую еству, ино ему не дати; а кто въсхощет воздержатися и худейшая ясти, и он ест от тех же брашен худейшая, коя на братию». Макарьевск. Минца Четъи, Сентябрь, дни 1-13, СПб. 1868 г., coll. 518-520].

²³⁰ [Рцем же еще и о одеждах и о обуцах; и сие на три устроения положим. Первое устроение: аще кто восхощет совершенное нестяжание имети, по Христову словеси, рекшему: не стяжите двою ризу, да имат манатию едину и ряску едину, шубу едину, свитки две или три, и всего платия по единому, еще же худа вся и искропана, и вещей келейных все по единому, вся же худа и непотребна. Таковый есть совершен Христов ученик... Второе устроение: еже имети манатию едину большую неискропану, клобук и ряску и шубу, все по единому, и нетщеславно, ниже пристрастно, и сей путем благим шествует и в след перваго идет, не веде же аще достиже. Третие устроение, яко не в закон се полагаем, еже толика и такова имети, но хотящих ради лихоимствовати в вещех и излишня имети и не знати меры: сего ради аще кто восхощет лишье того имети, настоятель же и братия да не попустят сему бытии, но сице да имат: мантию едину нову, а другую ветху, клобук един нов, а другой ветхий, ряску едину нову, а другую ветху, свитки три, едина новая, две ветхи, сапоги едины новы, а други ветхи, чулки одни, скуфьи две зимних, а две летних, едина новая, а другая ветха. — Подобает же имети в казне ризы просты и немногоченны, якоже божественная писания повелевають. Подобает же казначею давати одежда и обуца опытная, аще будет у кого по две ризе, и аще восхощет по три держати, ино ему не дати; а кто возмет ис казны новое платно, ин ветшаное отдает; а не отдает ветшаного, ино ему новаго не дати; аще ли кто восхощет пременить платье, аще кому нужно будет надобе три шубы, ин ряску одну отдаст или манатию, а шубу возмет; тако же и иное платие аще восхощет, отдает что ему ненужно, а возмет что ему нужно, подобно тому ценою; точию же имети всякому по две ризе: едину здраву, а другую ветху, кроме немощи и кроме служеб, иже вне монастыря бывають». Макарьевские Минци Четъи, Сентябрь, дни 1-13, СПб. 1868 г., coll. 524-525].

²³¹ [Именно читается: «Такоже никтоже да не припишет ничтоже в книзе без благословения настоятелева и уставщика: от сего бо бывает мятеж и смущение и божественных писаний развращение и раздор и сонмища, потом же клятва и проклятие», — *ibid.* col. 527].

²³² [В 1-ой части, в главе 6-ой, в конце есть еще отдел «О особых службах»: «Рцем же убо ныне и о особных службах, елика суть в обители, како подобает с тщанием и с страхом Божиим о коейждо службе попечение имети, в ней же каждо учинен бысть, яко же глаголет великий Василие: твори дело службы твоя благообразно и прилежно, яко Христови служа... Сего ради тщание много и опасно попечение подобает имети служителем, яко же да не пощитится никтоже от них иже во обычаи истинны развратити своею слабостию, и инех соблазнити и развратити, и излишня что от братии имети, ниже ясти ни пити излише братии, ни

сребролюбию ни вещелюбию поработитися, ни одежда ни обуца излише братии имети. Сего ради потщимся еже во всем соблудити себе незорна, но вся творити, якоже писано есть; и не точно сами служителие да соблудят и хранят яже зде написанная предания же и заповеди, но и прочих под собою да наказуют и учат, еже сия хранити и блюсти. да не сходят к слабости хотящим излишняя ясти же и питии, излишняя вещи имения держати, ни иная дела творити не по преданию, еже зде написанных, да не постражут таже, яко же мнози пострадаша... Ibid. coll. 537-542].

²³³ (Наказ преп. Иосифа о недержании в монастыре хмельного питья, — Дополн. к Акт. Ист. т. I, № 212, стр. 360).

²³⁴ [Всею крепостию потщимся еже ошаятися сребролюбия же и ризнаго украшения и вещей пристрастия, и не точно же не имети стяжания, но ниже желати сего... Хотяж же сподобитися божественныя благодати в нынешнем веце и в будущем должен есть имети совершенное нестяжание и христороподобную нищету]... Ibid. coll. 522-523].

²³⁵ Устав Иосифа Волоколамского. Ссылки на: Ефрема Сирина, 606 fn., 610 оглавл., Василия Вел. Постные правила col. 502 fn., Феодора Студита, — Типик. col. 502 fn. Общежительные предания 527 нач. На его устав 582. Лествица, Златоуст, Афанасий Вел., «Глаголют святии отцы» (очень часто), на разные места Свящ. Писания, Беседовник Григория Двоеслова, Исидор (Пелусиот), Старчество, Правила Канонические, Симеон Новый Богослов, Отечество, Жития святых, Исаак Сирин (Епископу и священнику дозволение быть 511 subfn.), Григорий папа Римский, Никон Черногорец, Постановления апостольские, Добролюбие 521, Св. Пимин 523 (из Отчн. Старч.), 531, Макарий Великий, Исидор Скитский 531, Божеств. Маркиан 544, Пахомий 565, Марк постник, Великий Варсонофий, св. Дорофей, Ссылка на Афон — 580, 584, вообще на Восток 582 fn., Жития Феодора Студита и Афанасия Афонск. 584, 588 fn., Григорий Богослов.

Чины: настоятель, келарь, уставщик, надзиратель в церкви 512. Одежу выдает казначей. 524 fn. Посельский 546, 604. Нужда соборной братии 573 fn. Соборная братия и все служебники 573, 575. Игумена должны избирать братия 580. В случае погрешений настоятеля, ему должны напоминать соборная братия 581 fn. Игумен не должен быть единоначален 582 нач. Различие в уставах относительно числа соборных братий 582. Русское название — соборная братия 582. 12 соборных братий 583. Согрешающих соборных братий отставляет собор 584 fn. (первоначально избирают все братия 587 fn.). Будильник 590. Дворцы: служный, робячий 605, шведовский конюший 605. Главные чины: келарь, казначей, уставщик, подкеларник 591. Трапезные: келарь, подкеларник, чашник, и все трапезницы 594. Одежу выдает казначей 597. Надзиратели над дворцами, над мельницами 600. Посельские и ключники судят крестьян по селам 600 fn. Судии в монастыре 601. Казначей и помощник 605, одежда в их заведывании ibid. Как управлять соборным старцам 607 нач. Общие соборы 601.

В трапезу не приносить никому ничего 515 нач., 594. О получаемых письмах сказывать настоятелю 523 fn. В книге ничего не приписывать без благословения настоятеля 527 sub fn., 597. Наклонность монахов к пирам у мирян 598 fn. Особные монастыри 606. Наказание: иметь свою одежду 612.

Иосиф Волоколамский, по словам Серапиона (в послании к Симону) принимал к себе в монастырь иеромонахов, не спрашивая у них ставленных грамот. Иосиф Волоколамский: Ревностный подвижник, но в смысле строгого, бессердечного, исполнителя существующих предписаний (механически строгое, но какое-то холодное и механическое исполнение закона; не сын, но честный раб, делающий то, что обязан). О преп. Иосифе читать *Булгакова*. (По Иосифу Волокол. монашество есть второе и как бы высшее крещение: послание о чернце пострижемся). Общежитие нестрогое: в Пафнутиево монастыре при Пафнутии (ибо Иосиф). Иосиф принимал в свой новооснованный монастырь преимущественно людей богатых (речи монахов к Иосифу, хотевшему было оставить свой монастырь из-за Федора Борисовича): с одной стороны Иосиф вводил в монастыре строгое общежитие, а с другой заботился сделать его богатым (обеспеченным). Есть ли в монастырск. уставе Иосифа о милостыне? Если нет, то аргумент, приводившийся на соборе 1503 г., что монастырское богатство — нищих богатство... Монахи, бежавшие из Иосифова монастыря в Возмицкий, захватили с собою келейную рухлядь: свою или монастырскую? Если свою, то не было в монастыре строгого общежития. Преп. Иосиф Волок. в Отвещании любозагорным говорит, что ныне только

образ иночества в нас есть. Преп. Иосиф Вол. старался подражать знаменитому Кириллу и в другом, хотя был иного духа (?). Преп. Иосиф Волок. отдал перед смертью свой монастырь (общежитие в нем) на попечение вел. князя по подобию Кирилла Белозерского, который Андрею Дмитр. На самих монахов не надеялись. Духовное завещание преп. Иосифа, — Акт. Ист. т. I, № 288, стр. 524. Наказ преп. Иосифа одному из братьев волоколам. монастыря о соблюдении в монастыре устава, — Дополн. к Акт. Истор. т. I, № 211, стр. 359. Послание к вел. князю о принятии под защиту монастыря, пред смертью, — Дополн. к Акт. Истор. т. I, № 217, стр. 364.

²³⁶ В житии преп. Корнилия, которое мы имеем под руками в Троицкой лаврской ркп. № 676, л. 509 об., и о котором см. у *Ключевского* стр. 303 (заметка автора, о которой говорит Ключевский, в нашей ркп. л. 562), отец его называется только по имени, без фамилии; но сам преподобный называется Крюковым в ставленной грамоте ему на иеромонашество митр. Симона, — Ист. Иер. IV, 659 fn. (О житии: автор называет себя самовидцем, но Нафанаил, писавший в 1584 г., не мог быть им).

²³⁷ Житие: «еще сый в юности в написании бысть един от всех двора сея благоверныя великия книгини Марии». Что под написанием должно разуметь записание в дьяки, заключаем из того, что в помянутой ставленной грамоте митр. Симона Корнилий, ставимый в *тщцы*-попы называется дьяком; следовательно — в грамоте разумеется дьячество мирское.

²³⁸ Преосв. *Филарет*, пишущий в Житиях, что Корнилий принял пострижение, будучи 12 лет, ошибочно читал «двоюнадесяти лет» вместо «двоудесяти лет».

²³⁹ Автор жития говорит, что Геннадием преп. Корнилий поставлен был в иеромонахи; но, как оказывается из помянутой ставленной грамоты митр. Симона, это неправда (а потом говорится, л. 513, что иерей бысть от Симона митрополита. NB. Житие Нафанаилом правлено из древнего с привиранием).

²⁴⁰ О Савватиевой пустыне см. Ист. Иер. VI, I, и *Строева* Списки иерархов, 473.

²⁴¹ В начале 1501 г. преп. Корнилий посвящен был митр. Сионом в иеромонахи к церкви, основанной им «пустыньки», — помянутая грамота митр. Симона, которая от 1 Февраля 1501 г.

²⁴² А не в 1512 г., как ошибочно сказано у *преосв. Филарета* в Житиях.

²⁴³ Приставники над делателями хотели убить не из-за общежития, а по личной ненависти.

²⁴⁴ Преп. Корнилий удалился за 70 верст к юговостоку от монастыря, на озеро Сурское, находящееся близ впадения р. Обноры в р. Кострому и основал здесь пустыню, которая от имени его ученика, оставленного им ее настоятелем, получила название Геннадиевой (ныне Спасо-Геннадиевский монастырь Ярославской губернии, Любимского уезда). — Преп. Корнилий удалился из своего монастыря в том году, в котором вел. кн. Василий Иванович, после женитьбы на второй жене, ездил на богомолье в Кириллов Белозерский монастырь: а великий князь ездил в конце 1528 г., — Собр. лет. VI, 265.

²⁴⁵ Великий князь решительно приказал Корнилию возвратиться в свой монастырь, когда после рождения сына Иоанна, что было 25 Августа 1530 г., приезжал в Богоявление Господне на богомолье в Троицкий Сергиев монастырь.

²⁴⁶ А не 1537 г., как сказано у *преосв. Филарета* в Житиях.

²⁴⁷ Ркп. л. 530.

²⁴⁸ Напечатано в Ист. Иер. IV, 669 sqq.

²⁴⁹ [О житиях преп. Антония Сийского см. у В.О. Ключевского Древнерусские жития святых, стрр. 300-302 и 336-337].

²⁵⁰ Грамота напечатана в Ист. Иер. VI, 118 sqq.

²⁵¹ Нижеследующее читается в самой грамоте ранее вышеприведенного.

²⁵² Преп. Даниил, родившийся в 1459 г. и построивший в Переяславле свой Троицкий монастырь в 1508 г., скончался 7 Апреля 1540 г.

²⁵³ Приведенная нами выдержка из духовной грамоты преп. Герасима напечатана в Историко-статистическом описании Смоленской епархии, принадлежащем неизвестному автору, СПб., 1864, стр. 293. Что выдержка сделана не совсем точными словами грамоты, это легко можно видеть. Из дальнейших слов автора оказывается, что она сделана и не с совершенною обстоятельностью: далее он говорит, что в своем завещании или нашей грамоте преп. Герасим дозволил входить в Болдин монастырь женскому полу только три раза в год, — в храмо-

вые праздники Св. Троицы и Введения Богородицы и на память преп. Сергия Радонежского, в честь которого был в монастыре придел, — стр. 296.

²⁵⁴ (NB. Ранее Кирилла Белозерского).

²⁵⁵ Акт. Ист. т. I № 5, стр. 8 col. 2 нач.; Памм. *Павлова* col. 209 нач.

²⁵⁶ Грамота в Акт. Эксп. т. I № 129 col. 889. В грамоте, по известному ее списку, не выставлено ни имени митрополита ни имени монастыря для того, что она написана как образец грамоты, которая могла бы быть даваема митрополитами в подобных нашему случаям.

²⁵⁷ В Акт. Ист., т. I № 292, стр. 531.

²⁵⁸ См. Опис. Синод. ркпп. № 380, л. 196 об.

²⁵⁹ В Синодальной библиотеке находится рукопись этого устава XV века, принадлежавшая прежде Иосифову монастырю, — *ibid.* 382, хотя и неизвестно — написанная в монастыре (поступившая в него) при самом преп. Иосифе или же приобретенная уже в последующее время. Преп. Иосиф, как кажется, знал усвояемый пр. Феодору Студиту указ об эпитимиях, который по гречески называется: ἐπιτιμία κοινὰ τῆς ὀλης ἀδελφότητος ἐπὶ τῶν παραλειπόντων ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ εἰς τὸν κανόνα, а по славянски: «О останъцех церковныхъ правила»: но он читается в рукописях именно при уставе патр. Алексея, как дополнение к нему.

²⁶⁰ Василий Великий у *Миня* т. 31, р. 1313. Пахомий у [*Казанского*] стр. 149 нач.

²⁶¹ (Игумены бывают и не священники, — Вальсамон у *Ралли и П.*, III, 312 нач. Игумен — иеромонах в XV в., — *Павлова* Памятн. col. 537, № 63. В 1626 г. один игумен послан был царем на Вятку собирать его дани, — *Строева* Словарь стр. 347 fin. Архимандрит Московский и архимандрит Переяславский упоминаются в 1341 г., — Собр. Гос. Грам. и печ., т. I. Св. Димитрий Ростовский подписался на евангелии, данном им в одну церковь: «сие св. евангелие аз иеромонах Димитрий Савич, архимандрит Елецкий Чернеговский дал есть в церковь», — см. в Историко-статистическом описании Черниговской епархии *архиеп. Филарета*, кн. 5, стр. 279. То же на Палинодии, — Историч. библиотека, издав. Археографич. Комиссией т. IV, col. 313 fin. — «Строитель» монастыря, как его начальник, упоминается в Стоглавнике Казанск. изд. стрр. 225, 228-230, 233, 240, 254, 293. Строитель в Симоновом монастыре в XV в., — Акт. Юридич. *Калачова* т. I, № 52, I, col. 166-167. Строитель в Троицком монастыре вместе с келарем в 1429-м году, — Описание Лаврских рукописей. № 715 fin. Строитель монастырский — эконоом, см. Описание рукописей Хлудова стр. 471, fin. л. 162. В начале XVII в. в небольших монастырях были строители под игуменами, — *Строева* Библиолич. словарь стр. 348 (так назывались в малых монастырях келари?). Строители монастырских подворий — Арсений Суханов, — Акт. Ист. т. I, № 158 (в монастыре небольшом игумен и строитель: вместо келаря?). Симеон Полоцкий — строитель Заиконоспасского монастыря).

²⁶² Чтобы до преп. Иосифа Волоколамского у нас не было особых чиновников нравственно-дисциплинарного надзора, положительных свидетельств об этом мы не знаем. Но преп. Иосиф говорит о своем учреждении особого нравственно-дисциплинарного надзора, как о нововведении, которое он дозволяет себе сделать, признавая его необходимым, на основании уставов и живого примера монастырей греческих.

²⁶³ (Что в монастырях клирошане (головщик, конархист, псаломщик, дячек и пр.) бывали нанятые миряне, получавшие помесячное определенное жалование («зажилое») см. в статье: Ферাপонтов монастырь, напечатанной в Страннике 1898 г., Ноябрь, стр. 477. «Зажилое» монаху, — Русск. Историч. библиотека, издав. Археографической Комиссией, т. II, № 209, col. 952. Зажилое, т.е. жалование давалось монахам на платье (на одежду), — Акт. Эксп. т. IV, № 146, стр. 194 нач.).

²⁶⁴ Свидетельства относительно того, как именно это было, очень трудно находить. Пердополагая со всею вероятностию сейчас сказанное, можем прибавить, что за время несколько позднейшее нашего знаем два свидетельства, что бывало так и иначе: в Троицкой Сергиевой лавре в начале XVII века были особые уставщик и правоклиросный головщик — знаменитые Филарет и Логин (житие архим. Дионисия), а потом, по смерти Филарета (а когда умер — см. в Описании ркпп. Троицкой Сергиевой лавры), уставщиком и головщиком был один Логин (см. подпись Арсения Суханова на крюковом Стихираре фундамент. библиот. Моск. Дух. Академии № 78 (который написан нашим Логином, когда он был еще только головщиком и в своей подписи на котором он называет себя domestikом).

²⁶⁵ Что у преп. Феодосия Печерского был эконоом см. I-го т. 2-ю полов., стр. 581/694. Что именно он, а не келарь был первым после игумена в Печерском монастыре, это видно из слов, которые епископ Симон влагает в уста Поликарпу в своем послании к нему: «или мнит соби, рече, сии игумен и сии иконном, яко zde токмо zde Богу угодити» и пр.

²⁶⁶ В грамоте неизвестного митрополита неизвестному монастырю, о которой мы говорили выше, стр. 228-229: «а кого будет такового брата избобрати монастырьский приход ведати и церковное строение, и келаря и купчину устроити»... Чин на поставление торговца в Синодальн. ркп. № 331 л. 199 (стр. 770). (Чиновники-торговцы в монастырях, — Описание Синод. ркп. Ш/1, стр. 226 нач.)

²⁶⁷ Что келарь соединил в себе эконома и келаря: чин на производство эконома или келаря.

²⁶⁸ В монастыре преп. Сергия казначей упоминается не с самого начала.

²⁶⁹ (Если не было вотчин (угодья: мельницы, соляные варницы, рыбные ловли), то не было и чиновников, только служебники. Но над служебниками надсмотрщики).

²⁷⁰ (Дьяки, писаря, в монастырях несобственных слуги в начале XVI в., — Описание ркп. Казанск. университета *Артемова* в Летоп. занятий Археографич. Комм. VII, стр. 120 нач.).

²⁷¹ Акт. Юридич. 1838 г., № 110, VI, стр. 145, — грамота Новгородского посадника Василия Степановича, в монашестве Варлаама (... 1462), основанному им Важскому или Пинежскому монастырю Иоаана Богослова, находившемуся в 15 верстах от Шенкурска (при впадении реки Пинеги в реку Вагу).

²⁷² Новелла 123, § 34.

²⁷³ У Иосифа Волок. в уставе, по печатн. Макарьевской Минее стр. 581 (тут и другие отцы, стрр. 580-81).

²⁷⁴ См. Устав Афанасия Афонского в Заметках поклонника стр. 180.

²⁷⁵ Свидетельство Герберштейна. Однако в нем преувеличение, слышано от врагов вел. князя.

²⁷⁶ Патр. Алексей — во 2-й полов. I-го т., стр. 586/699. Устав преп. Афанасия Афонского, с речами в нем о власти игумена, см. в Заметках поклонника святой Горы, Киев, 1864, стр. 181. Предоставляя игумену неограниченную власть над монастырем и монахами, преп. Афанасий подчиняет его надзору внешнего блюстителя или епитропа, которого, по его завещанию, монастырь всегда долженствовал иметь над собой, — *ibid.* 175 sub fin.

²⁷⁷ В печатной Макарьевской Минее col. 607.

²⁷⁸ Глава 49, о честных святых монастырех, — Казанск. изд. стр. 225 sqq.

²⁷⁹ Глава та же, Казанск. изд. стр. 237 нач. (Власть игумену, но он дает отчет чернцам, *Милютин* прим. 151. Игумены ниже клира, — Управление св. Софии в Константинополе, — Константин Пофир. De serem. у *Миня* т. 112, р. 313. В монастырях Южной Руси палатники и застолпники (старшие монахи), — Акты Южной и Западной России т. II, № 28, стр. 47 col. 1. Застолпники — во многих актах, — *Голубева* Петр Могила, т. I, прибавл. стр. 4. Крылошанами монастырскими в Киевской Руси назывались соборные старцы, см. поддельную грамоту Андрея Боголюбского Печерскому монастырю, *митр. Евгения* Описание Лавры, 2 изд. стр. 173. Так было в древности, т.е. соборы монастырские назывались крылосами по подобию крылосов при архиереях?).

²⁸⁰ (В ктиторских монастырях это зависело от ктиторов).

²⁸¹ (Монахи особенно житные не делились друг с другом, хотя и знали про кого, что голодает, — Житие преп. Сергия л. 133 об. О быте в монастырях необщежительных (о хозяйстве игумена в таких монастырях), — Епифаниево житие преп. Сергия, Волокол. ркп. № 644, л. 339 и об. и л. 355. Необщежительные монастыри называются «особняк», — Никон. лет. VII, 270, под 1557 г.).

²⁸² У *Горчакова* [О земельных владениях всеросс. митрополитов и пр.]. Приложж. стр. 39 fin. (Сами монахи очень немногие посвящались в иеромонахи (способных и желавших ставиться в священники и дьячки было мало), а для служб нанимали бродивших мирских священников. Скучность в монастырях иеромонахов, — *Строева* Библиологич. словарь стр. 348 (по отсутствию людей грамотных, способных; от того брали мирских священников). В Ройской пустыне Ярославской губ. не было иеромонахов и иеродиаконов, а службу отправляли белые попы, — *А.А. Титова* Описание рукописей И.А. Вахрамеева, вып. 3-й, Сергиев посад 1892 г., Приложение стр. 89 нач. (А казначей неграмотный). В особых монастырях наемные

мирские священники, — *Бычкова* Описание сборников Имп. Публ. Библиотеки I, 212 (поэтому у особых монастырей и приходы). Приходы у особых монастырей, у общежитных нет, — Собр. летг. VI, 298 sub fin. В монастыре два попа: черный да белый (для треб), — Акт. Эксп. т. IV, № 53. О служении мирских (белых) священников в монастырях, — Акт. Эксп. т. III, № 175, стр. 258; Ист. Иер. VI, 351; Житие Мортирия Зеленецкого, — в Памятн. *Кушелева-Безбородко* IV, 56; *Горчаков* Ibid.; *Горского и Невоструева* Описание Синод. ркп. № 404, лл. 366 и 375, стр. 406; Стоглав гл. 51, Казанск. изд. стр. 247 fin. В монастыре священник один — *Милютин* прим. 124; *Неволин* приложж. стр. 19. На 12 братьев — 2 священника, — *Милютин* прим. 150. Священникам и в монастырях общежительных платили за службу: Пафнутий Боровский перед смертью наказывал: «священники держите честно, якоже и аз, оброка их не лишайте, божественныя службы да не оскудевают», — *Ключевского* Жития стр. 446 sub fin.; ср. письмо Иосифа Волоколамского к княгине у *Хруцова* стр. 257 sub fin. «Калугеру уне есть ходити 3 лета не комкаваше, нежели комкати от мирскаго попа, но от чернечскаго токмо», — *Лаврск. сборн.* XII в. л. 50, см. у *Срезневского* в словаре слово «комкати». Как понимать это? Монах-священник (иеромонах) выше мирского священника: Симеон Солунский у *Миная* в Патрологии, t. 155, col. 881 fin. Это говорит патр. Иоаким, см. Акт. Историч. т. IV, № 232, стр. 503 col. 1. — В монастырях дьячки бывали мирские, наемные, — у *Милютина* стр. 62 прим., прим. 124; *Соловьева* XV, 112. Указом 1701 г., Собр. Закк. IV, № 1834, запрещено служить в монастырях мирским дьячкам (и жить в них мирянам), а Прибавлением к Регламенту, § 45, стр. 126, запрещено служить мирским священникам).

²⁸³ Псковская летопись.

²⁸⁴ (Но и по допущению церковной власти были священниками у приходских церквей иеромонахи (духовники при мирских священниках?).

²⁸⁵ (Требование, основанное на свидетельстве Жития Саввы Освященного).

²⁸⁶ (Юные монахи отдавали себя в ученики старым, — *Курбский* стр. 126. По Регламенту, прибавл. о монахах пункт 9: вошло в обычай у некоторых обещать детей своих в монахи еще в их детстве и потом понуждать принять монашество. От чего между прочим в старое время слишком юные шли в монахи? Во времена Зосимы Соловецк. в его Онежской области стригшиеся в монахи оставались в миру, — *Филарета* Русские Святые, Апрель, стр. 493).

²⁸⁷ См. послание митр. Фотия во Псков в Памятн. *Павлова* col. 430 fin.

²⁸⁸ См. послание митр. Киприана к игумену Афанасию в Акт. Ист., т. I стр. 474 col. 2 и в Памятн. *Павлова* col. 245, и житие преп. Иосифа Волоколамского, написанное Саввою, епископом Крутицким, по изд. *Невостр.* стр. 64 и 67. Преп. Иосиф Волоколамский возложил на себя великую схиму не ранее, как только в час смертный, а из его примера есть все основания заключать, что в его время это так именно было обычно.

²⁸⁹ (Постригся Александр Невский, современники Донского князя Тверской и Рязанский, но сам Донской, хотя человек благочестивый, не постригся; потом Василий Иванович (просил, чтобы хотя под мертвого положили под него монашеское платье). Обычай по прежнему преимущественно. Почему греки постригаются перед смертью см. у *Гонзалеса Клавихо* стр. 122; ср. 2-ой половины I-го тома стр. 556 прим./666 прим.).

²⁹⁰ См. в «Древней и Новой России» статью: Насильственные пострижения в монашество *Н. Аристова*, [за 1878 г. № 5 стрр. 63-76; № 6, стрр. 136-149 и 172; № 7 стрр. 218-237; № 8, стрр. 293-311 и № 9, стрр. 5-19]. — (В Никоновской летописи (кн. III, 18) под 1244 г. замечка, что имя постригаемому в чернецы не указано давать святого того дня и начинающееся с буквы мирского имени, но какое хочет игумен, также Волокол. ркп. № 566, л. 8 и Вифанский хронограф ч. I, л. 244 об., col. 1. В Житии Елифаниевом преп. Сергия (Волокол. ркп. № 644, л. 298 об., литограф. изд. л. 64) Варфоломей наречен Сергием, «так бо тогда нарицахуся слюха имена не с имени и пр.; Никон. IV, 211, 221 ср. Акт. Истор. т. I, № 253, стр. 479. Греки в XV в. (1469 г.) при наречении имени монаху удерживали первую букву мирского имени см. у *Гардта* V, 348. — В Требнике Петра Могилы есть: «Чин бываемый о хотящим затворитися иноце или в пустыню ити единому или двоим, и тамо водворитися, и безмолвно отшелничествовати, по древнему Святых Отец Российских уставу бываемый, части 1-й стр. 977. — Сами надевали на себя монашеское платье и выдавали себя за монахов, — *Чистовича* Феофан Прокопович стр. 544 sub fin. (в том же обвинялся Феофан Прокопович), Никон патриарх. — Сочинение *архим. Иннокентия*, ректора Литовской духовной семинарии: «Пострижение в монашество. — Опыт

историко-критического исследования обрядов и чиноположений пострижения в монашество в Греческой и Русской церквях до XVIII в. включительно», представленное в Казанскую Академию на соискание степени магистра. Отзывы (очень хорошие) о нем ректора *Антония и Нарбекова* в Правосл. Собеседн. 1900 г., Апрельск. кн.). Пострижение в монашество. Чины пострижения в монашество в греческой церкви. Историкоархеологическое исследование *Н. Пальмова*. Киев, 1914 г.).